

Борис
Юлин

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

Соотношение сил
Ход сражения
Потери сторон
Кто победил?

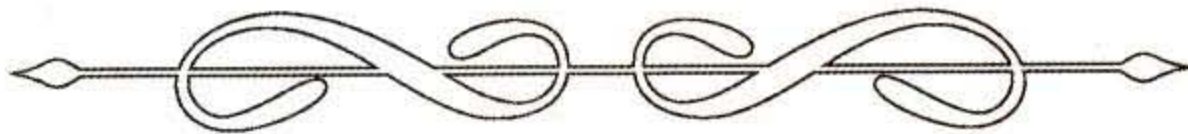

Новый взгляд на Отечественную войну 1812 года

Борис Юмин

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

Москва
«Яуза»
«Эксмо»
2008

Оформление серии художника *П. Волкова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *И. Ульянова* и фрагмент картины *Ф. А. Рубо* из экспозиции «музея-панорамы «Бородинская битва»

Юлин Б. В.

Ю 51 Бородинская битва . — М.: Яуза, Эксмо. 2008. — 176 с.: ил.

ISBN 978-5-699-26647-0

Бородинская битва, самое массовое и кровавое сражение Отечественной войны 1812 года, по праву считается одной из главных баталий российской истории, символом русской воинской славы. Ей посвящены сотни книг и картин, о ней писали классики русской художественной и военно-исторической литературы — от Михайловского-Данилевского и Богдановича до Лермонтова и Толстого.

Однако споры вокруг этого сражения не стихают до сих пор.

Каково было подлинное соотношение сил при Бородино?

Какие потери понесли противники в ходе битвы?

И главное — кто же все-таки одержал победу?

Борис Юлин дает неожиданные ответы на все эти вопросы. Его новая книга — свежий, во многом сенсационный взгляд на историю Бородинского сражения. Проанализировав планы Наполеона и Кутузова и решения полководцев на поле боя, соотнеся их с подлинными картами местности, характеристиками артиллерии начала XIX века и особенностями тактики сторон, автор приходит к неожиданным выводам...

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-699-26647-0

© Б. Юлин, 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Вступление

К настоящему времени Отечественная война 1812 года стала знаковым событием российской истории, а Бородинское сражение является не только одним из самых известных и изученных сражений, но в первую очередь образцом воинской доблести и стойкости русского солдата.

Неудивительно, что отечественные историки уделяли и продолжают уделять пристальное внимание этой грандиозной битве. Ход Бородинского сражения расписан практически по минутам, численный состав армии по некоторым частям известен с точностью до человека, и каждое решение командного состава описано и проанализировано очевидцами и непосредственными участниками тех событий. Действия расписаны до уровня полков и батальонов. Но нашей задачей не является создание очередного описания Бородинской битвы, хотя кратко мы его изложим.

Вместе с тем, будучи столь подробно разобранным, Бородинское сражение остается крайне противоречивым и, можно сказать, необъясненным событием отечественной военной истории. Даже сам исход сражения был воспринят неоднозначно, и до сих пор идут споры о том, кто же победил на самом деле и почему сражение, закончившееся отступлением русской армии, остается, по мнению многих, примером храбрости русских солдат и мастерства военачальников.

В этом сражении противоборствующие стороны возглавляли два великих полководца того времени. И Кутузов, и Наполеон – оба имели возможность в полной мере проявить свой полководческий гений. Но при этом их действия регулярно подвергаются критике со стороны многочисленных исследователей, как их современников, так и историков нашего времени. Иногда при прочтении некоторых работ возникает впечатление, что все сражение – череда ошибок двух военных бездарей, и лейтмотив таких исследований достаточно прост: «Наполеон/Кутузов вот здесь и вот здесь допустил ошибку/проявил нерешительность, а вот я бы на его месте....»

Но по-прежнему нераскрытым остается вопрос, каким образом Наполеон сумел добиться тактической победы при Бородино (а он ее добился), вро-

де бы бездарно и достаточно безуспешно атакуя близкого по силам противника в лоб на укрепленной позиции? Почему Наполеон не развил достигнутый успех? Почему русская армия, устояв в таком сражении, отступила после боя?

В самом деле, на каком основании обе стороны объявили это сражение своей победой? Почему это не самое крупное сражение войны привлекло такое внимание отечественной историографии и считалось самими участниками переломным в войне? И почему оно осталось в тени в зарубежных исследованиях похода Наполеона в Россию?

Что же произошло на Бородинском поле в целом? Чем руководствовался Наполеон, на чем основывался Кутузов, что заставило их принять решения, которые впоследствии были восприняты как ошибочные? В этой книге и будут даны ответы на эти и другие вопросы.

Эта книга не является строгим научным исследованием. Скорее, это попытка понять суть произошедшего на Бородинском поле. Для этого нам потребуется несколько иначе, чем принято, подойти к таким моментам, как соотношение сил, причины сражения и причины принимавшихся решений. Также необходимо оценить принимаемые решения с точки зрения опыта командного состава и возможностей войск и их вооружения. То есть попробовать не найти неизвестные ранее факты, а по-новому взглянуть на имеющиеся. Поэтому мы не будем выяснять, сколько именно солдат было в 1-м батальоне N-ского полка и какие цвета используются в его мундире, а попробуем отследить основные закономерности Бородинской битвы.

Международная обстановка

В 1789 году произошло событие, наложившее яркий отпечаток на весь мир – Великая французская революция. В более ранних буржуазных революциях в Англии и Голландии преобразования общества не были столь решительными и не вызывали такого отклика за рубежом. Во Франции революция была намного радикальнее.

Отношения революционной Франции со всеми без исключения соседями складывались весьма непросто. В короткий срок была образована направленная против революции антифранцузская коалиция.

Для ведения боевых действий против контрреволюционной эмиграции и интервенции имевшаяся королевская армия подходила плохо, что привело к образованию на основе Национальной гвардии добровольческих волонтерских батальонов. Волонтеры прекрасно показали себя в отражении интервенции Австрии и Пруссии и сыграли важную роль в сражениях при Вальми и Жемаппе. Сначала волонтеры дополняли старую армию, но в 1793 году они сливаются с ее полками. В этом же году пришедшие к власти якобинцы вводят, впервые в Европе, всеобщую воинскую повинность. После победы реорганизованной армии над австрийскими интервентами при Флерюсе в 1794 году военная инициатива переходит к французам. Французская армия, получившая численное превосход-

ство над объединенными силами внешних противников, присоединяет Фландрию и Пьемонт. В это же время начинается стремительный взлет молодого генерала Наполеона Бонапарта.

В связи с появлением массовой, революционно настроенной армии и роста ее огневой мощи произошли изменения в тактике и оперативном искусстве. Французы первыми перешли от линейной к колонной, ударной тактике, сочетавшей огонь стрелковых цепей и штыковой удар батальонных колонн. В операции был осуществлен переход от магазинной системы снабжения к реквизиционной, что позволило увеличить численность и подвижность войск, но заставило вместо длительного маневрирования стремиться к решительному, генеральному сражению.

Успехи французского оружия, особенно захват Наполеоном Италии, заставили противников Франции искать возможности расширить антифранцузскую коалицию. В 1799 году к ней примкнула Российская империя. Русская армия под командованием Суворова провела блестящую кампанию, освободив северную Италию. Но из-за разногласий между союзниками и превосходства французских военной школы и военного потенциала этот успех остался частным. Русский корпус Римского-Корсакова был разгромлен маршалом Массена, а армия Суворова с тяжелейшими боями была вынуждена прорываться через швейцарские Аль-

пы, оставляя занятые ранее территории.

Короткий союз Российской империи с пришедшим к власти во Франции Наполеоном был прерван убийством Павла I, и его сын, император Александр I, примкнул к очередной антифранцузской, или теперь уже антинаполеоновской, коалиции. Но и этого недолговечного союза хватило Наполеону для очередного успешного разгрома Австрии, что позволило ему окончательно утвердиться в Италии.

Новую антинаполеоновскую коалицию постигла судьба предыдущих – после ряда частных поражений и немногочисленных успехов объединенные русско-австрийские войска были разбиты Наполеоном при Аустерлице. Но даже такое поражение не остудило пыл Александра, который последовательно проводил враждебную Франции политику. Война продолжилась, только выбывшую Австрию заменила Пруссия, король которой вместе с императором Александром принес клятву над могилами прусских королей уничтожить Наполеона. Но Пруссия была разгромлена в ходе одной короткой операции – и Россия оказалась один на один с Наполеоном.

Именно эта война один на один на территории Пруссии выявила главного противника французской армии. Русская армия, хотя и потерпела в итоге поражение при Фридланде, показала себя способной на равных сражаться с армией Наполеона. Однако поражение заставило Александра пойти на заключение мира в Тильзите, по условиям которого он становился союзником Наполеона, должен был предоставлять французам вспомогательный корпус в 30 тыс. человек и присоединиться к «континентальной блокаде» против Англии, которая никогда не переставала быть противником Наполеона.

А Наполеон, решив, что полностью развязал руки на Востоке, завершил покорение континентальной Европы захватом Испании и Португалии. Однако вспыхнувшая в Испании партизанская война – герилья – и посто-

янные высадки на испанской территории английских армий привели к тому, что французы вынуждены были держать на этом театре военных действий значительные силы. К началу войны 1812 года Испания оттягивала на себя почти 300 тыс. солдат французской армии.

На Востоке также было неспокойно. В 1809 году, после реорганизации армии, против Франции снова выступила Австрия. Сражения под Асперном и Ваграмом оказались одними из сложнейших для Наполеона. И хотя победа осталась снова за ним, Австрия выторговала себе вполне приемлемые условия мира. Вспомогательный корпус русской армии в этой войне, опираясь на тайные договоренности с австрийцами, не продвигался в глубь австрийской территории, маневрируя около границы. Кроме того, «союзник» Наполеона Александр I условия «континентальной блокады» выполнял чисто формально, осуществляя контрабанду в объемах доблокадной торговли и даже умудряясь заказывать у «враждебной» Англии оружие. Неизбежность новой войны между Россией и Францией была очевидна. Поводом к войне для Наполеона как раз и послужило невыполнение Александром условий Тильзитского мира.

Наполеону была либо напрямую подчинена, либо связана союзами вся континентальная Европа. Принужденные к союзу с Францией Пруссия и Австрия обязались выставить против России соответственно 20-тысячный и 30-тысячный корпуса. Правда, Александру удалось эффективней обеспечить начало войны с точки зрения дипломатии. Был заключен союз со Швецией, принуждена Кутузовым к миру Турция, а с Австрией, союзной Наполеону, заключено тайное соглашение, в соответствии с которым австрийцы обещали не углубляться серьезно в русские владения и оставаться вблизи границы. Это несколько улучшило в целом неблагоприятную для России расстановку сил накануне войны.

От Немана до Бородинской битвы

Отечественная война 1812 года началась переправой через Неман 12 (24) июня. Попытка Александра, отправившего к Наполеону миссию Балашова, уладить дело миром не удалась. В это время вооруженные силы Французской империи насчитывали 1,2 млн человек. Из них, несмотря на большие проблемы в Испании и необходимость защиты огромной территории, Наполеон выделил для войны с Россией более 600 тыс. человек. Из них 444 тыс. человек в первом эшелоне и почти 170 тыс. в резерве между Вислой и Эльбой.

Российская империя имела в своих вооруженных силах 597 тыс. человек (с иррегулярными войсками), из которых в первом эшелоне имелось в составе трех армий и корпуса Эссена 240 тыс. Во втором эшелоне находились резервные корпуса Меллер-Закомельского и Эртеля в Мозыре и Гомеле, а также Дунайская армия Чичагова, выдвигавшаяся из Бессарабии и Подолии. Общие силы, предназначенные против Наполеона, превышали 300 тыс. человек и почти вдвое уступали французам.

Русскую армию возглавлял сам император Александр I. Рассредоточение русских

Переход французской армии через Неман 12 июня 1812 года

Защита Смоленска

сил на три армии было проведено в соответствии с принятым императором планом прусского генерала К. Фуля. По данному плану 1-я армия должна была отходить к укрепленному лагерю у города Дрисса на Западной Двине, оттягивая на себя главные силы французов, а в это время 2-я армия отрезала фланговым маневром эти силы и выходила им в тыл. Наполеон, имевший двойное превосходство в силах, легко разрушил этот сомнительный план наступлением одновременно на 1-ю и 2-ю армии. После занятия французами Минска сложилась угроза разгрома русских сил по частям.

Командовавший 1-й армией Барклай-де-Толли не стал задерживаться у Дриссы и, оставив для прикрытия петербургского направления корпус Витгенштейна, стал отходить к Витебску для соединения со 2-й армией Багратиона. Русские армии осуществляли отход, искусно маневрируя и ведя арьергардные бои, — но сое-

диниться у Витебска не смогли, поскольку под рекой Салтановкой пути отхода 2-й армии к этому городу отрезал маршал Даву.

Багратиону и его армии иногда приходилось проходить по 40 и более километров за день марша. За 38 дней отступления 1-я армия прошла 500 км, а 2-я — 780 км. Под Смоленском русские армии соединились.

До соединения русских армий под Смоленском основной «удачей» русских войск был отъезд под Полоцком из армии императора Александра. Правда, даже своим отъездом он сумел создать сложности, не назначив главнокомандующего и вызвав этим трения между Барклаем и Багратионом. Следующий успех, соединение армий под Смоленском, дал возможность не только отступать с максимальным темпом. Армия Наполеона понесла неожиданно большую убыль в личном составе в самом начале войны. Причиной этого было то, что к боевым потерям добавилось огромное количество больных и де-

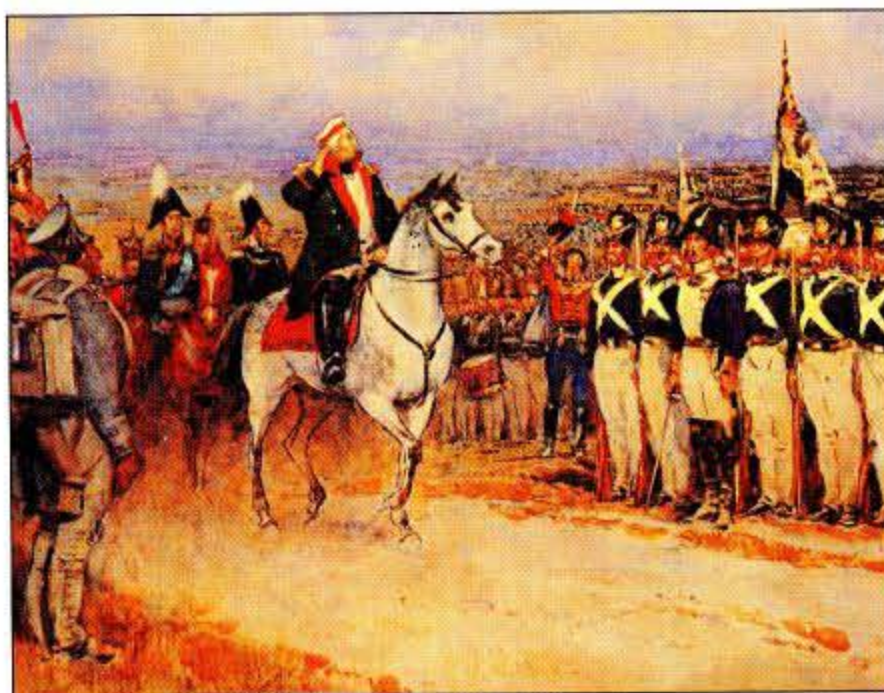
зertiров. Общие потери французской армии составили более 150 тыс. человек, что перекрывает возможную убыль при самом страшном разгроме. Наполеон был вынужден дать армии отдых на 7–8 дней на рубеже от Вележа до Могилева. О серьезности проблем Наполеона эта остановка говорит тем более красочно, если вспомнить его обещание никогда не терять даже часа времени в операции, данное им самому себе в первых боях с австрийцами.

Время шло – и работало оно на русских. Проведенный в связи с началом войны чрезвычайный 82-й рекрутский набор дал 70 тыс. новобранцев, и сразу после него начался следующий, 83-й набор. Созыв народного ополчения дал более 300 тыс. ратников. Но все эти силы требовалось свести в части и соединения, обмундировать, вооружить и обучить. Для этого не хватало только одного – времени. И именно его пытался выгадать командующий 1-й армией.

В результате остановки Наполеона и рассредоточенности его армии по фронту и в глубину объединенные русские армии получили локальное превосходство на линии Смоленск–Витебск. Император Александр решил, что это удобный момент для разгрома войск противника по частям. Подчиняясь его приказу, 1-я и 2-я армия, не имеющие единого командования, перешли в наступление. Это едва не закончилось катастрофой. Пока русское наступление вяло развивалось на севере от Днепра в общем направлении на Рудню, Наполеон смелым и стремительным маневром перебросил главные силы в районе города Орша на южный берег Днепра и устремился к Смоленску.

В случае успеха маневра Наполеона и захвата Смоленска русские армии оказались бы в ситуации оперативного окружения и вынуждены были бы принять генеральный бой при очень плохом для русских соотношении сил. От подобного катастрофического развития событий русскую армию спасли героизм и стойкость 27-й дивизии Неверовского. Как часто бывает, героизм одних служит для исправления ошибок других. Благодаря бою под Красным, проведенному 27-й дивизией, наступление авангарда армии Наполеона было задержано и Смоленск успела занять часть сил 2-й армии.

В ходе трехдневного Смоленского сражения русские армии вынуждены были, из-за больших

Прибытие М. И. Кутузова в Царево-Займище

разрушений города и начала очередного обходного маневра Наполеона, оставить Смоленск и отступить к Дорогобужу. Но общий темп отступления резко снизился. Барклай и Багратион начали готовиться к генеральному сражению. Барклай-де-Толли выбрал для боя сильную позицию у Царево-Займище.

Но длительное отступление вызвало недовольство армии и народа и обострило противоречия между Багратионом и Барклаем-де-Толли. Это вынудило Александра I назначить командующим нелюбимого им, но популярного в империи Михаила Илларионовича Кутузова.

Назначение Кутузова командующим взбодрило армию, но он отдал приказ продолжить отступление. Кутузов считал имеющиеся силы недостаточными, а позицию у Царево-Займище недостаточно удобной для отхода при неблагоприятном развитии боя. Он продолжил использовать стратегию, применявшуюся до этого Барклаем и рассчитанную на сохранение армии и избегание генерального боя до изменения соотношения сил в пользу русской армии.

Под Гжатском к армии присоединились приведенные генералом Милорадовичем 15 600 новобранцев. Также в армию влились ратники московского и смоленского ополчений. Выбранная стратегия стала приносить ощутимые плоды. Но Кутузов понимал, что ни царь, ни армия не позволят ему более затягивать с генеральным сражением. И для этого сражения им было выбрано поле у деревни Бородино.

Организация и вооружение сторон

На тот момент противостоящие армии были сильнейшими в мире и отличались наиболее удачной организацией и весьма совершенным для своего времени вооружением. Но для более ясного представления о возможностях сторон необходимо рассмотреть эту тему подробнее.

Дело в том, что в ходе революционных и на-

полеоновских войн, сотрясавших всю Европу, шло постоянное совершенствование военных систем стран-участниц, таких как Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Россия. И эти преобразования давали на короткое время некоторое преимущество то одной, то другой стороне. На чьей стороне было подобное преимущество в войне 1812 года, если оно имело место вообще?

РУССКАЯ АРМИЯ

Русская армия после многочисленных неудач в войнах против Франции, особенно в 1805 году при Аустерлице, подверглась кардинальной реорганизации. К основным проблемам в области организации и управления войсками можно отнести систему полк–корпус, в которой корпус являлся произвольным и механическим соединением пехотных, артиллерийских и кавалерийских частей. Подобные корпуса позволяли придавать им любой требуемый состав, но были плохо управляемыми и испытывали сложности логистического порядка, такие как организация марша и снабжения. Для решения выявившихся проблем было восстановлено дивизионное звено, а корпус получил строгую и четкую организацию. Если при численности армии менее 50 тыс. человек преимущества новой организа-

ции были спорными, то для большой армии они оказались просто необходимыми, поскольку значительно упростили управление большими массами войск.

Пехота

Дивизии были восстановлены в 1806 году. Корпус получил следующую организацию: в составе корпуса имелись две пехотные дивизии, пехотная дивизия состояла из 3 бригад двухполкового состава, 2 мушкетерских и одной егерской.

Егеря предназначались в основном для ведения огневого боя. На их вооружении были как винтовальные, так и гладкоствольные ружья и кортики. Егеря обучались действиям в рассыпном строю и в одиночку. Они могли расстра-

ивать атакующие вражеские колонны и уничтожать расчеты артиллерийских орудий, обороняющуюся пехоту противника ружейным огнем. Егеря были выведены из состава остальной пехоты в отдельные однородные полки еще в 1801 году, тогда же были сформированы гренадерские полки однородного состава.

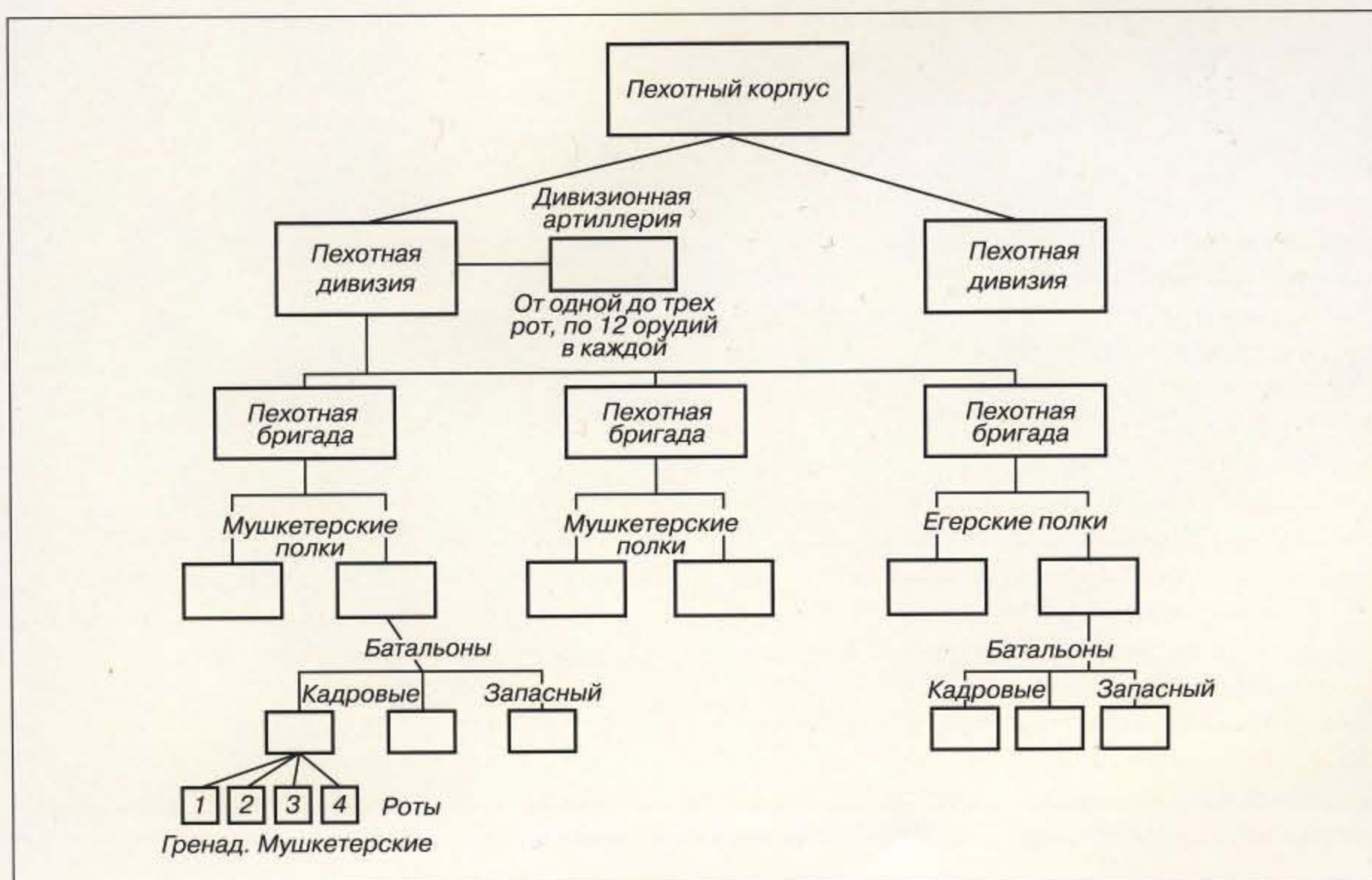
Смешанный, и то относительно, состав сохранили только мушкетерские полки (в феврале 1812 года переименованные в пехотные). В их батальонах одна из четырех рот была гренадерской. Мушкетеры, или линейная пехота, предназначались для штыковой атаки в батальонных колоннах либо для залпового огневого боя в развернутом линейном строю. На вооружении линейной пехоты были только гладкоствольные ружья со штыком. В ее подготовке гораздо больше времени уделялось строевой подготовке и действиям в сомкнутом строю. Похоже, именно к линейной пехоте относились слова Суворова «пуля – дура, штык – молодец».

Отличающиеся большим ростом и силой пехотинцы сводились в гренадерские роты. Гренадеры были ударной силой при штыковой атаке и находились на острие штыкового удара. Метателями гранат, как ранее, они уже не являлись.

Русские гренадеры

Каждый полк теперь состоял не из 2, а из 3 батальонов, двух кадровых и одного запасного, служащего для подготовки прямо в составе полка рекрутов-новобранцев. Это позволило готовить пополнение прямо в рядах полка и обеспечивало оптимальное вливание молодых пополнений в кадровый состав. Численность гренадерских и мушкетерских полков должна была по штату составлять 2256 строевых и 232 нестроевых, егерского –

1385 строевых и 199 нестроевых. В составе дивизии егеря насчитывали менее $\frac{1}{4}$ состава пехоты, хотя и составляли 2 полка из 6. Таким образом, для ведения в основном огневого боя в рассыпном строю предназначалось примерно 25% пехоты, тогда как остальная должна была в атаке действовать в основном штыком, а в обороне – штыком и огнем в развернутых 4-шереножных линиях. Так что основным способом ведения боя для пехоты оставался штыковой удар.

Кроме пехотных бригад в состав дивизии входила дивизионная артиллерия в составе от 1 до 3 рот, по 12 орудий в каждой. Эти орудия обычно использовались в боевых порядках дивизии и являлись основой ее огневой мощи.

Подобная организация делала дивизию единым тактическим соединением, оптимально подходящим для использования тактики колонн и стрелковых цепей.

Кавалерия

Еще более существенным преобразованиям подверглась русская кавалерия. С 1801 по 1803 годы резко сократилось количество кирасирских полков и возросло количество драгунских. Это соответствовало взгляду на конницу как на едущую пехоту. Кроме того, снижение количества ударной конницы рассчитывали компенсировать иррегулярной кавалерией, в первую очередь казаками.

Но дальнейшие войны с Наполеоном внесли свои коррективы, и численность конницы увеличилась. В процентном отношении больше всего выросло количество легкой конницы – гусар и улан. Подобные изменения были связаны с тем, что роль конницы в качестве ударной силы на поле боя в связи с ростом эффективности стрелкового и артиллерийского огня значительно снизилась, но в то же время серьезно повысилось значение конницы в качестве подвиж-

Русские кирасиры

ной составляющей как в бою, так и в операции. Этому способствовало и резкое увеличение числа конных артиллерийских рот.

Кавалерийские полки были сведены в бригады и корпуса. Дивизионное звено отсутствовало.

Исключение составляли кирасирские дивизии. Они имели однородный состав из кирасирских и лейб-гвардейских полков. Численно кирасирские дивизии были равны кавалерийским корпусам и также состояли из бригад. Но другая организационная структура делала более удобным их применение на поле боя в качестве ударной силы, хотя и менее пригодными для самостоятельных оперативных и уж тем более стратегических действий. Именно это приводило и к разнице в конной артиллерии, когда у кирасирских дивизий, в отличие от корпусов, отсутствовали артиллерийские роты, но были подчиненные напрямую конные батареи. Эта вроде бы несущественная деталь говорила о том, что кирасирская дивизия являлась, в отличие от корпуса, не оперативным, а тактическим соединением. Ибо отдельные артиллерийские роты могли использоваться и действовать как самостоятельная сила, обеспечивая большую гибкость применения. Но, в отличие от батарей прямого подчинения, требовали дополнительных передаточных звеньев при организации взаимодействия кавалерии и артиллерии непосредственно на поле боя.

Кирасирские и драгунские полки не имели батальонного звена и насчитывали по 5 эскадронов (10 рот) строевых и по 1 эскадрону нестроевых. Гусарские и уланские полки имели по 10 строевых и 2 запасных эскадрона. Численность личного состава в кавалерийских полках приближалась к численности пехотного батальона.

Кирасиры были ударной силой на поле боя и в какой-то мере являлись аналогом гренадер в пехоте. В кирасирские полки отбирались наиболее сильные и рослые как люди, так и кони. Кирасирская конница единственная сохранила защитное вооружение в виде кирас и касок. И только она была приспособлена для атаки сомкнутого пехотного строя. Обычно пехотное каре неуязвимо для конницы, но масса кирасир, этого аналога рыцарской конницы, позволяла разбросать пехоту. При этом вместо копья кирасиры использовали кирасирские карабины, которые крепились справа у бедра с помо-

щью специального длинного кольца и из которых при атаке каре мог даваться залп в упор, после чего кирасиры брали пехоту «в палаши».

Драгуны были, по сути, едущей пехотой и могли сражаться как в конном, так и в пешем строю. Для сражения в пешем строю у них, кроме карабина, имелся штык. Но во время Отечественной войны 1812 года драгуны использовались практически всегда в качестве конницы.

Гусары и уланы были легкой конницей и предназначались для боя с конницей противника, и для маневренных действий, и для преследования. Гусары в основном вооружались саблями, пистолетами и мушкетонами (дробовиками) для ближнего огневого боя. Уланы появились в армиях различных стран под влиянием польских улан Наполеона. Они отличались наличием в составе вооружения пики, что, по идее, должно было позволить им бороться с пехотой. Но эффективность улан, как и гусар, при атаке на сомкнутые строи пехоты была невелика и никак не могла сравниться с эффективностью кирасир. Зато пики оказались очень полезным вооружением кавалериста в сшибках с конницей противника.

Как показали бои 1812 года, недооценка роли конницы в качестве ударной силы на поле боя была не совсем правильной, и учет нового опыта привел в дальнейшем к росту количества кирасирских частей и появлению по французскому образцу конных егерей.

Важным преимуществом русской кавалерии был отличный конный состав, если и уступавший кому-то, то только конному составу английской армии. При этом на высоте были как сами кони, так и их выездка.

Артиллерия

И наконец, наиболее решительно была преобразована русская артиллерия. Как показало исследование комиссии генерала А. А. Аракчеева, артиллерия ранее недооценивалась, и действительный артиллерийский огонь превосходил в 6–10 раз огонь стрелкового оружия. А это означало, что именно огонь полевой артиллерии обеспечивал успех той армии, которая имела ее в достаточном количестве. Но при этом вскрылись большие недостатки в составе и организации русской артиллерии. Артиллерия

Русская пешая артиллерия

была крайне разнокалиберная, что затрудняло управление огнем и снабжение боеприпасами. Кроме того, отсутствовали лошади в постоянном составе батарей. Обычно использовались мобилизованные лошади зачастую сомнительных кондиций, что плохо сказывалось на мобильности. Кроме того, это не обеспечивало достаточной скорости развертывания орудий на позиции и снятия их с позиции.

Для решения этих проблем Аракчеев ввел «артиллерийских» лошадей, которых надлежало «от рот никогда не отделять». В 1803 году, по образцу французской артиллерии, были введены стандартные зарядные ящики на передках, что позволило резко снизить время подготовки батарей к стрельбе, так как необходимый для боя боезапас перемещался вместе с орудием и оказывался прямо на позиции и в удобной таре. В 1805 году была проведена унификация артиллерии с резким сокращением количества используемых

Зарядный ящик полевой артиллерии

артсистем и калибров. Также были унифицированы лафеты, передки, упряжь и зарядные ящики. Маломощная полковая артиллерия была фактически ликвидирована, и теперь ее роль должны были выполнять легкие артиллерийские роты из 6-фунтовых пушек и 1/4-пудовых единорогов.

Организационно артиллерия сводилась в артиллерийские бригады в составе пехотных дивизий. Такие бригады состояли из батарейных и легких рот. Кроме того, имелись конные артиллерийские роты в составе кавалерийских корпусов и отдельные роты, не входившие в состав дивизий.

В целом русская артиллерия по удельной мощности (вес залпа на количество стволов) вышла на первое место в мире. При этом ее отличали стройная организация и благодаря постоянно-му качественному конскому составу и уменьшению веса орудий отменная мобильность на поле боя и на марше.

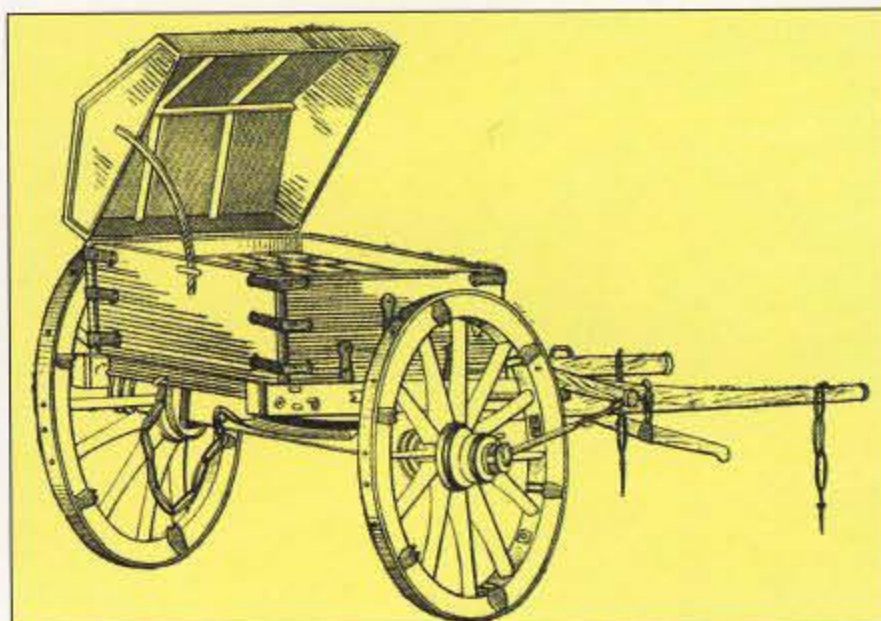
Зарядный ящик

6-фунтовая пушка старого образца

Зарядный ящик полевой артиллерии

Зарядный ящик полевой артиллерии

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ

Французская армия совершенствовалась на протяжении всего времени революционных и наполеоновских войн. И очень часто выступала новатором в военном деле. Например, именно во французской армии впервые перешли к широкому применению ударной колонной тактики. После столкновений с русской армией в 1805–1807 годах она подверглась меньшим, чем русская, масштабам реформирования, так как продемонстрировала свое преимущество. В основном реформирование этого периода выразилось в отказе от полубригад и восстановлении полкового звена.

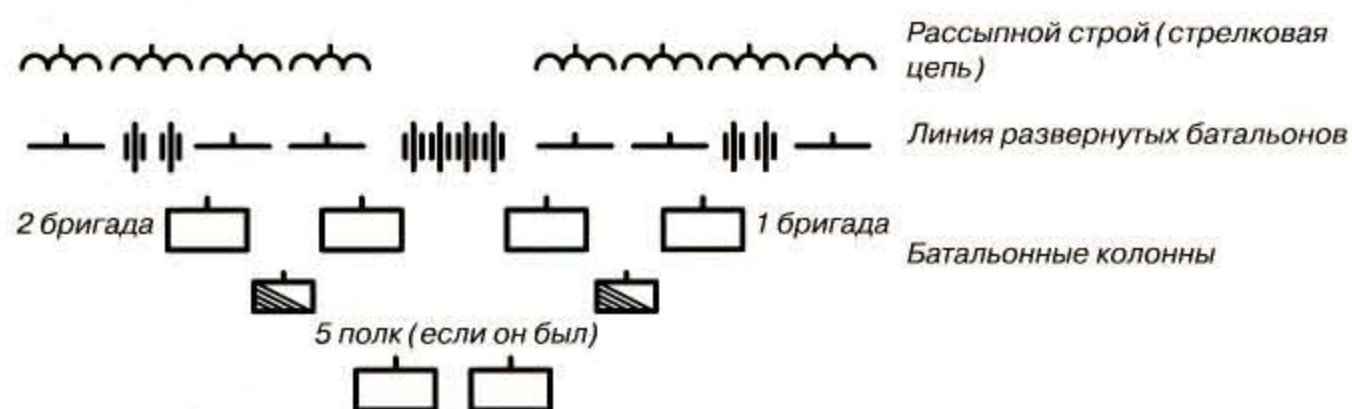
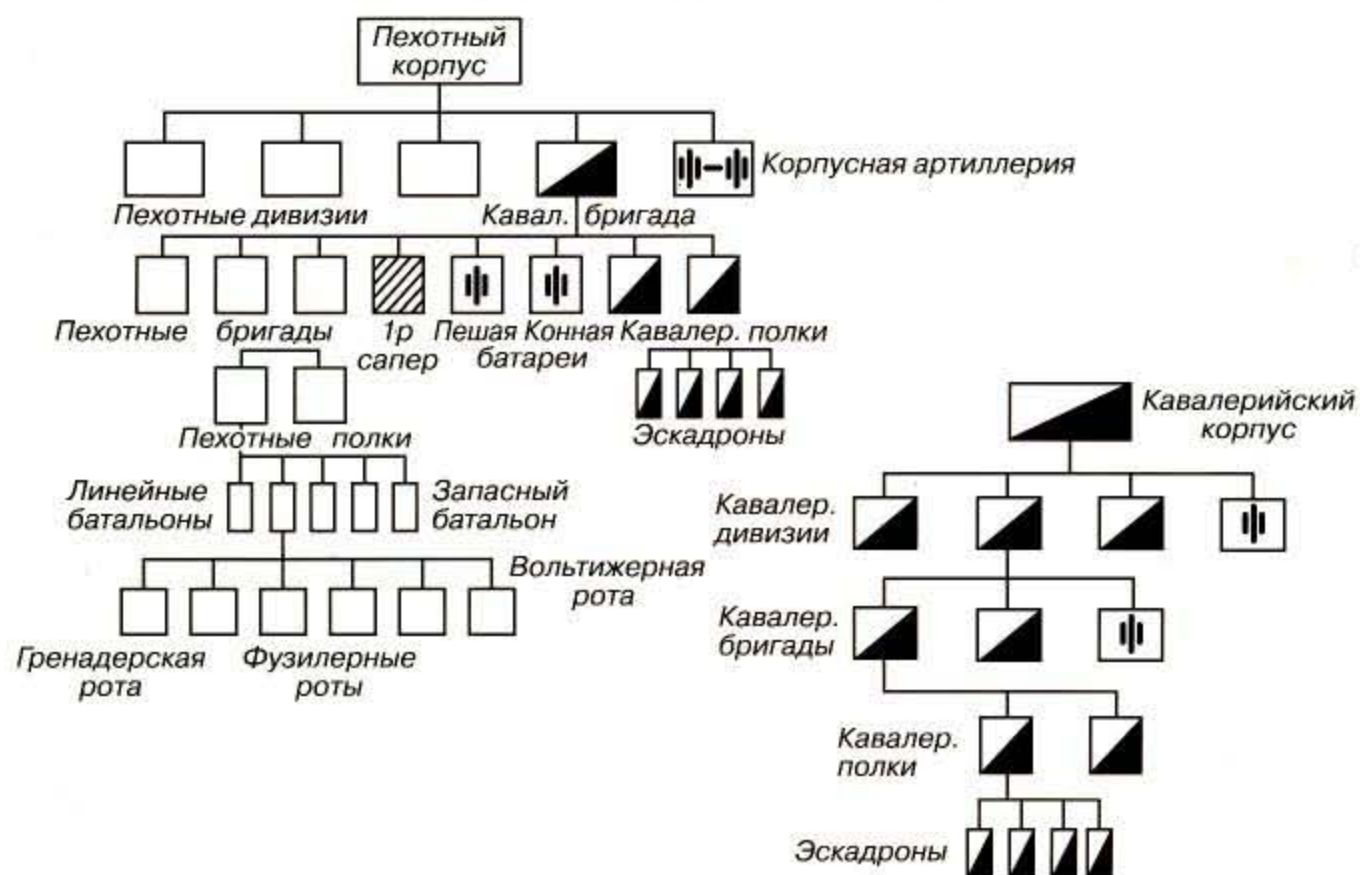
Пехота

Французский пехотный корпус, являвшийся основным стратегическим и оперативным соединением французской армии, не имел такой четкой и фиксированной структуры, как русский. Кроме того, в отличие от русского корпуса, он являлся высшей организационной единицей (у русских это была армия, включавшая несколько корпусов) и, включая в себя все три рода войск, мог вести полностью самостоятельные действия на стратегическом направлении без дополнительного усиления. В его состав входили 2–5 пехотных дивизий и 1–2 кавалерийских бригады или дивизии, а также корпусная артиллерия, которая отчасти компенсировала более слабую, чем в русской армии, дивизионную артиллерию французов.

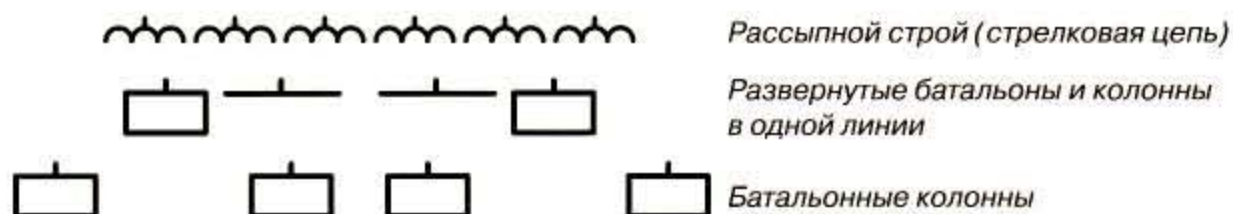
Пехотная дивизия имела в своем составе 3 бригады по 2 полка в каждой и обычно 2 артиллерийские батареи. Полк состоял из 4 линейных и одного запасного батальона. Правда, это деление не было жестким. Например, в 1-м пехотном корпусе Даву полки насчитывали по 5 линейных батальонов и 1 запасному, но бригада состояла из одного полка, то есть по сути полковое звено отсутствовало. Батальон состоял из 6 рот, 1 гренадерской, 4 фузилерных и одной вольтижерной.

Вольтижеры являлись аналогом русских егерей, но, в отличие от последних, чаще всего они не выделялись в отдельные бригады, полки и батальоны, а были рассредоточены в составе линейных батальонов. Это не давало возможности использовать их отдельно в качестве сил завязки боя на поле сражения. Но зато такой порядок позволял лучше организовывать взаимодействие батальонных колонн и стрелковой цепи в боевых порядках дивизии. Также это позволило французам применять более сложные, чем в русской армии, боевые порядки дивизии.

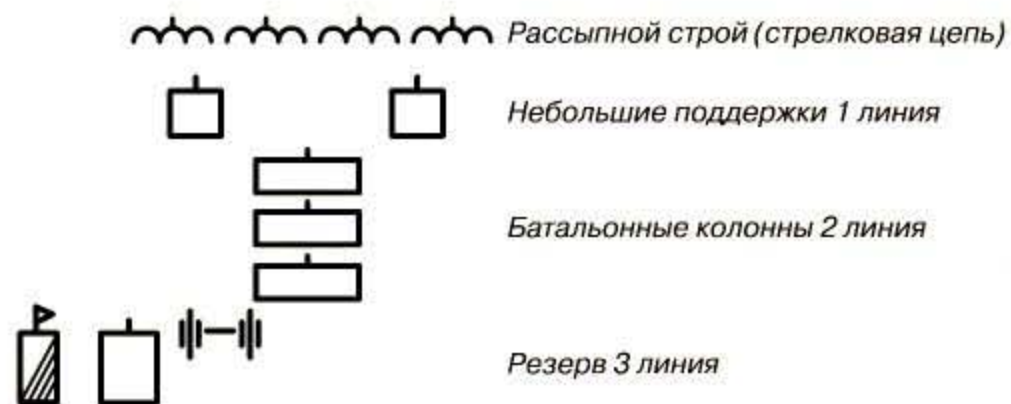
Вольтижеры считались легкой пехотой. Они вооружались как гладкоствольными ружьями, так и нарезными карабинами, а также тесаками. Вольтижеры, в отличие от русских егерей, не так серьезно рассчитывались на одиночные действия вдали от своих войск и в основном обучались действиям в рассыпном строю в боевых порядках дивизий и полков – поэтому и для таких действий были подготовлены лучше.

Боевой порядок французской дивизии под Аустерлицем, 1805 г.

Боевой порядок французской дивизии Морана при атаке на батарею Раевского под Бородином, 1812 г.

Боевой порядок французской пехоты, примененный в 1812 г.

Их процент во французских частях был несколько ниже, чем процент егерей в русской армии, что компенсировалось большим процентом в частях союзных, например в Вестфальском корпусе маршала Даву.

Фузилерные роты являлись линейной пехотой французской армии. Линейная пехота, как и в русской армии, предназначалась для штыковой атаки в батальонных колоннах либо для залпового огневого боя в развернутом линейном строю. Но в отличие от русской пехоты французские фузилеры развертывались не в 4-, а в 3-шереножный строй. Это отличие было обусловлено лучшими характеристиками французского ружья и уровнем подготовки пехоты. На практике это означало, что французский батальон, ведя огонь в развернутом строю, имел примерно на 25% преимущество в огневой производительности. На вооружении линейной пехоты были гладкоствольные ружья со штыком. В подготовке фузилеров гораздо больше времени уделялось строевой подготовке и действиям в сомкнутом строю, в основном с ориентацией на атаку.

Французская линейная пехота

Французские гренадеры заметно отличались от русских. Гренадерские роты также были элитными, но отличались по принципу формирования — для зачисления туда солдат должен был иметь за плечами 4 года службы или 2 кампании. Четверо рядовых и один капрал в гренадерской роте были саперами. Их отличительной

Французские вольтижеры

чертой традиционно были кожаный фартук и большая борода (традиция, сохранившаяся и сегодня во французской армии) – они должны были быть сильными и рослыми, поскольку шли впереди штурмовых колонн и должны были вскрывать своими большими топорами двери, окна, ворота и стены в населенных пунктах, где засел неприятель. Однако на практике в саперы зачастую брали тех, у кого гуще росла борода.

В целом французская пехота по своей организации и составу была максимально приспособлена для достижения успеха при активных, атакующих действиях в полевого бою.

Кавалерия

Французская кавалерия, в отличие от русской, рассматривалась в первую очередь как ударная сила на поле боя, поэтому основу ее составляли кирасирские и карабинерские части и также

предназначенные для поля боя конно-егерские части. Кроме того, имелись гусарские, драгунские и уланские полки. Последние были в основном польские.

Из-за такого состава французская кавалерия ограничено использовалась как самостоятельная оперативная сила, но имела большее, чем русская, значение на поле боя. Наполеон снова стал использовать кавалерию в качестве тарана при прорыве вражеского фронта, хотя это и считалось невыгодным в эпоху поголовного вооружения армий стрелковым оружием и высокой насыщенности армий полевой артиллерией. Тяжелая конница позволяла стремительно срывать дистанцию и опрокидывать противника. Главное было ввести ее в бой в нужный момент.

Кирасиры практически не отличались от русских и также представляли, латников, прекрасно приспособленных для взламывания пехотных каре. Аналогичным было и вооружение,

«Старая гвардия», гренадеры

только вместо кирасирских карабинов применялись мушкетоны, приспособленные для огня по пехоте в упор на полном скаку. Карабинеры французской армии отличались от кирасир по сути только униформой и точно так же могли успешно атаковать пехоту.

Гусары, за образец для вооружения и обмундирования которых были взяты венгерские кавалеристы, выступали в качестве легкой конницы, способной преследовать противника, рубиться с вражеской кавалерией и совершать стремительные маневры. Собственно, и название «гусары» позаимствовано от венгерского «хузар».

Уланы, составлявшие другую часть легкой кавалерии, представляли из себя польскую конницу с ее традиционным вооружением, включавшим пика. Ожидания, что пика значительно повысит возможности кавалерии в борьбе с пехотой, не оправдались. Но пика оказалась полезна в бою с кавалерией.

Важным новшеством в армии Наполеона были конные егеря. Они являлись легкой конницей, но, как и кирасиры, использовались для действий в гуще сражения. Конные егеря предназначались в основном для ведения огневого боя как с коня, так и в пешем строю.

Кавалерия Наполеона продемонстрировала свои возможности, опрокидывая противника при Аустерлице и прорывая его фронт при Ваграме.

Кирасиры и карабинеры были сведены в тяжелые кавалерийские дивизии, уланы, гусары и конные егеря – в легкие. Дивизия включала в себя 2–3 бригады по два полка и иногда артиллерийский полк. Но в тяжелых дивизиях зачастую встречались бригады однополкового состава. Каждый полк состоял из 4 эскадронов.

Французский кавалерийский корпус состоял из 1–2 тяжелых, 1 легкой кавалерийских дивизий и иногда корпусной артиллерии. Эти корпуса были важной составляющей атакую-

Саксонские кирасиры

щей тактики и использовались в первую очередь для стремительных лобовых атак и развития успеха на поле боя. Именно французы первыми в Европе того периода пришли к использованию в сражении больших масс кавалерии.

При наличии отличной выучки и вооружения французская кавалерия имела один большой минус. В связи с ограниченностью возможностей конных заводов империи Наполеона и большими потерями французская кавалерия располагала в среднем худшим конным составом, нежели русская кавалерия. Это ограничивало подвижность французской кавалерии и мешало использовать ее на большую глубину. Хотя при фронтальном ударе на поле боя особого значения это не имело.

Артиллерия

Французская артиллерия находилась на передовых позициях по своему парку и организации еще до Великой французской революции. Столкнувшись в середине XVIII века с превосходством артиллерии противников, французы первыми пошли на кардинальную и строго продуманную реорганизацию. Великий инженер и артиллерист генерал Грибоваль ввел такие ставшие общепринятыми нововведения, как передки со стандартизированными зарядными ящиками, новые рамочные прицелы, винтовые механизмы вертикальной наводки, «дальнюю» картечь в жестяных картузах, вернулся к картузному заряданию.

В 1803 году Наполеоном была проведена очередная реформа, коснувшаяся количества калибров. Например, 8-фунтовые и 4-фунтовые пушки заменялись на 6-фунтовые, так как, по наблюдениям Наполеона, в бою пушки обоих

старых калибров использовались одинаково и различия между ними не учитывались. Была введена более длинная, для достижения большей дальности, гаубица несколько уменьшенного калибра, что позволяло унифицировать боеприпас с осадными 24-фунтовыми пушками.

К моменту вторжения в Россию французская артиллерия сводилась в 8-орудийные роты, имевшие 6 пушек и 2 гаубицы, что позволяло использовать батарею при работе по самым разнообразным целям, хотя и усложняло управление огнем и снабжение батареи боеприпасами. Резервная (или корпусная) артиллерия имела батареи из 12-фунтовых и 8-фунтовых пушек и гаубиц большого калибра и предназначалась для ведения боя на больших дистанциях и разрушения укреплений и подавления вражеской артиллерии. Дивизионная артиллерия была представлена пушками в основном в 6 фунтов и 4 фунта и гаубицами среднего калибра (24 фунта) и применялась в боевых порядках дивизии на исходных позициях для непосредственной огневой поддержки. Полковая артиллерия имела другую организацию батарей – 4-орудийную и была укомплектована 3-фунтовыми и 4-фунтовыми пушками. Она должна была сопровождать атакующую пехоту огнем и колесами.

По мобильности и огневой мощи на число орудий французская полевая артиллерия была несколько слабее русской из-за большого количества легких 3-фн и 4-фн пушек. Но она имела в составе как тяжелые дальнобойные орудия, так и полковую артиллерию, предназначенную для действий в боевых порядках пехоты не только в обороне, но и в наступлении (что позволяло ее использовать более гибко), и обладала более мощными артсистемами в тяжелой артиллерии.

ВООРУЖЕНИЕ АРМИЙ

Русская армия

В начале XIX века русская армия столкнулась с превосходством противника в стрелковом вооружении. Этот факт был тем более неприятен, что со времен Петра русское стрелковое вооружение находилось на должном мировом уровне.

Но первые же столкновения русской армии с французами показали превосходство французского ружья образца 1777 года над русскими ружьями. Но мало того, что французское оружие обеспечивало тактическое преимущество, оно было и более однообразно. А в русской армии к 1808 году ситуация была такова,

Пистолет пехотный образца 1809 года

Ружейные кремневые замки

что на вооружении состояли ружья 28 калибров. При этом ружья были как отечественного производства, так и зарубежные.

В 1805 году на вооружение приняли новое, весьма надежное ружье. Но из-за унификации по патрону со старым оно оказалось тяжелым и с мощной отдачей при скромной дальности и кучности огня.

В 1808 году, опираясь при разработке на трофейные французские ружья образца 1777 года и покупные английские ружья модели 1794 года, тульские оружейники сумели разработать не уступающий им образец. Новое ружье имело, по образцу зарубежных прототипов, уменьшенный с 19 мм до 17,8 мм калибр и с 5,16 кг до 4,46 кг уменьшенный вес. Удалось увеличить начальную скорость пули и кучность стрельбы. Также смогли поднять количество попаданий в стандартную мишень 1,8 на 1,22 аршина со 100 шагов до более чем половины пули, в то время как при стрельбе из старого ружья нормой было четверть попавших пули. Максимальная дальность стрельбы достигала 300 шагов. У всех образцов ружей для ускорения заряжания применялись бумажные патроны, заключавшие в себе пулю и пороховой заряд.

Были созданы в 1805 году новые образцы винтовальных ружей для унтер-офицерского состава и егерских штуцеров. Это были нарезные образцы оружия, которые обеспечивали возможность ведения огня на расстояние до 1 тыс. шагов, а на 500 шагах показывавшие такую же точность, как ружье образца 1808 года на 100. Также на основе ружья образца 1808 года были разработаны ружья для кавалерии.

Но, несмотря на успехи в перевооружении армии, ружьями нового образца успели перевооружить только половину армии. Также недостатком являлось использование старого штыка – более короткого, чем французские, и разработанного под старые, более длинные ружья, что особенно сказывалось при отражении атак кавалерии. Правда, заметно возрос процент егерей, вооруженных винтовальным оружием. Теперь винтовальные ружья и штуцера имелись в егерских полках из расчета 12 на роту и в кавалерийских частях, кроме гусарских, по 16 на эскадрон.

В целом стрелковое вооружение русской армии на 1812 год можно оценить как несколько худшее, чем французское, но находящееся на уровне общего вооружения «Великой армии» с учетом вооружения войск союзных и подвластных государств.

6-дюймовая длинная (слева) и 24-фунтовая (справа) французские гаубицы

Пехотное ружье образца 1808 года

Драгунское ружье образца 1809 года

Штуцер егерский

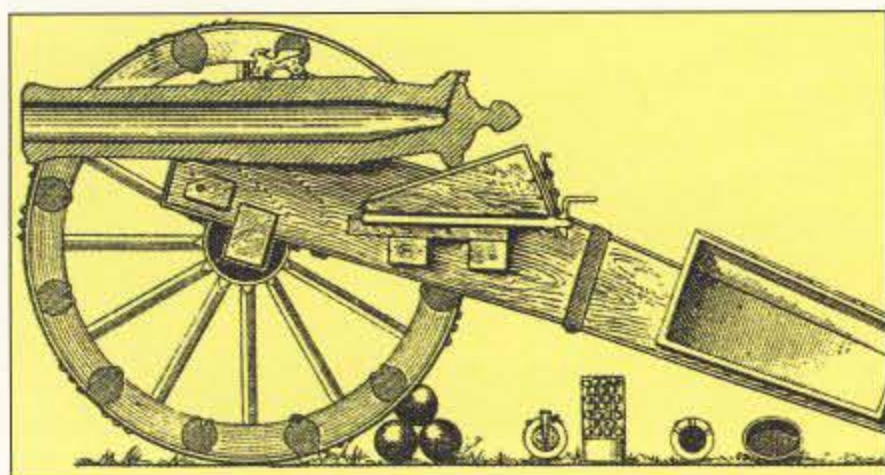
Штуцер кавалерийский образца 1803 года

Характеристики основных имевшихся на вооружении русской армии ружей были следующие.

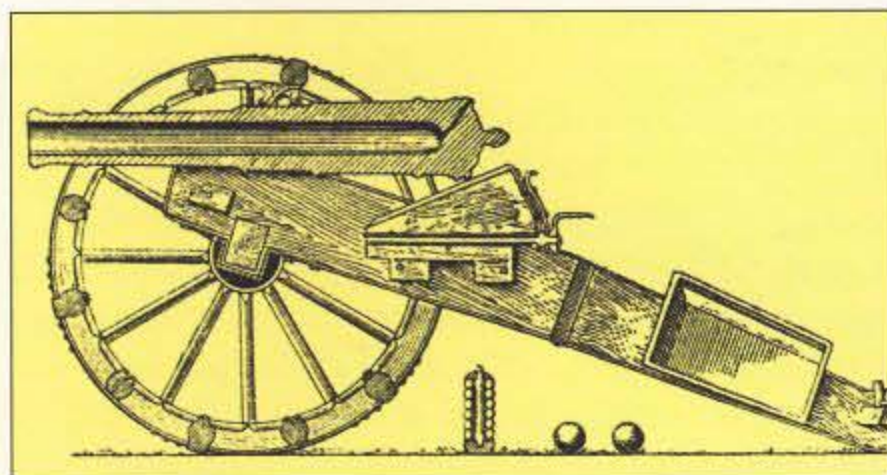
Пехотное ружье образца 1805 года. Его масса (без штыка) 5,16 кг, длина 145,8 см (со штыком 183 см). Калибр – 19 мм, вес пули – 30 г, вес пороха – 10,7 г. Максимальная дальность стрельбы 250–300 шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность по-

ражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – 75 шагов.

Пехотное ружье образца 1808 года. Его масса (без штыка) 4,47 кг, длина 145,8 см (со штыком 183 см). Калибр – 17,8 мм, вес пули – 23,8 г, вес пороха – 9,9 г. Максимальная дальность стрельбы 300 шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность поражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – 100 шагов.

$\frac{1}{4}$ -пудовый единорог в разрезе

12-фунтовая пушка малой пропорции в разрезе

Осветительные снаряды

Ядра

Драгунское ружье образца 1809 года. Его масса (без штыка) 3,73 кг. Калибр – 17,8 мм, вес пули – 23,8 г, вес пороха – 9,6 г. Максимальная дальность стрельбы 200 шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность поражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – 75 шагов.

Винтовальное ружье образца 1805 года. Масса 4,26 кг. Калибр – 16,5 мм, вес пули – 23,8 г. Максимальная дальность стрельбы 1 тыс. шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность поражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – 500 шагов.

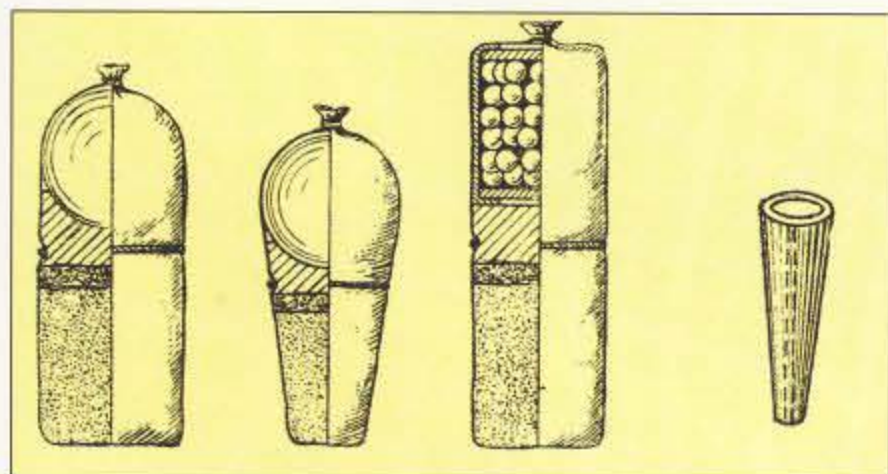
Гранаты

Кавалерийский штуцер образца 1803 года. Масса 2,65 кг. Калибр – 16,5 мм, вес пули – 23,8 г, вес пороха – 7 г. Максимальная дальность стрельбы 900 шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность поражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – 300 шагов.

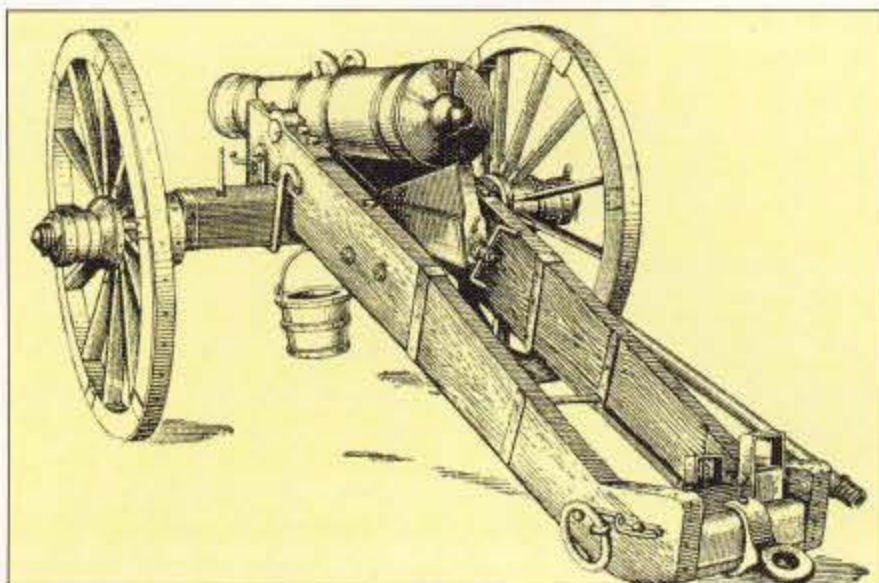
Однако из-за меньшей скорострельности стрелкового оружия (по сравнению с артиллерией) и меньшей дальнобойности гладкоствольных ружей (по сравнению с картечью) роль стрелкового огня в соотношении с артил-

лерийским была небольшой, что сглаживало эффект от различия в стрелковом вооружении.

В области артиллерии картина была более благоприятная для русской армии. Благодаря проведенной реформе на вооружении остались наиболее используемые калибры. Это соответственно 12-фунтовые и 6-фунтовые пушки и $\frac{1}{2}$ - и $\frac{1}{4}$ -пудовые единороги. Оставленные артсистемы были облегчены и унифицированы по лафетам. Обслуживание орудий упростилось. Артиллерийские роты получили смешанный состав из пушек и гаубиц, подобранных по весу артсистемы, – и это позволило гибко использовать огневую мощь и при этом равную подвижность всех орудий в артиллерийской роте. Мобильность и вес залпа артиллерийских рот были признаны более важными, чем дальнобойность. Поэтому из 12-фунтовых пушек были оставлены пушки средней и малой пропорции, 12-фунтовые пушки большой пропорции, не пригодные к быстрым транспортировке и разворачиванию, остались только для крепостной и осадной артиллерии. Такая же судьба постигла и 1-пудовый единорог.

Выстрелы унитарного заряжания

12-фунтовая пушка образца 1805 г.

Кроме того, большое внимание было уделено максимальному повышению скорострельности и удобству заряжания. Ради этого зазор между ядром и стенками канала ствола делался большим, чем у французских пушек. Также для пушек малой пропорции более коротким делался ствол. Это упростило заряжание пушки картузом, который заключал в себе снаряд, пыж и по-

рох. Но в то же время подобные меры снижали кучность и дальность стрельбы ввиду худшей обтюрации ядра снаряда в канале ствола.

Довольно специфическим оружием русской армии были единороги. В полевой артиллерии других стран присутствовали гаубицы, которые отличались от пушек гораздо более коротким и тонкостенным стволом. Они предназначались для ведения огня в основном гранатами и бомбами и имели меньшую начальную скорость снаряда и более крутую траекторию. В русской армии вместо полевых гаубиц применялись единороги, которые, по сути, занимали промежуточное положение между пушкой и гаубицей.

Характеристики имевшихся на вооружении русской армии орудий были следующие.

12-фунтовая пушка средней пропорции

Вес орудия – 800 кг (50 пудов), вес системы – 1624 кг (101,5 пуда), калибр – 4,76 дюйма (121 мм), длина ствола – 16,5 калибра, упряжка – 6 лошадей.

12-фунтовая пушка малой пропорции

Дальность стрельбы: ядром – 2,8 км (1300 сажень), гранатой – 1,1 км (500 сажень), картечью – более 300 метров (150 сажень).

12-фунтовая пушка меньшей пропорции:

Вес орудия – 480 кг (30 пудов), вес системы – 1210 кг (75,6 пуда), калибр – 4,76 дюйма (121 мм), длина ствола – 13 калибров, упряжка – 6 лошадей.

Дальность стрельбы: ядром – 2,6 км (1300 сажень), гранатой – 1,1 км (500 сажень), картечью – более 300 метров (150 сажень).

6-фунтовая пушка

Вес орудия – 355 кг (22,2 пуда), вес системы – 980 кг (61 пуд), калибр – 3,76 дюйма (95 мм), длина ствола – 17 калибров, упряжка – 6 лошадей для конной и 4 для пешей артиллерии.

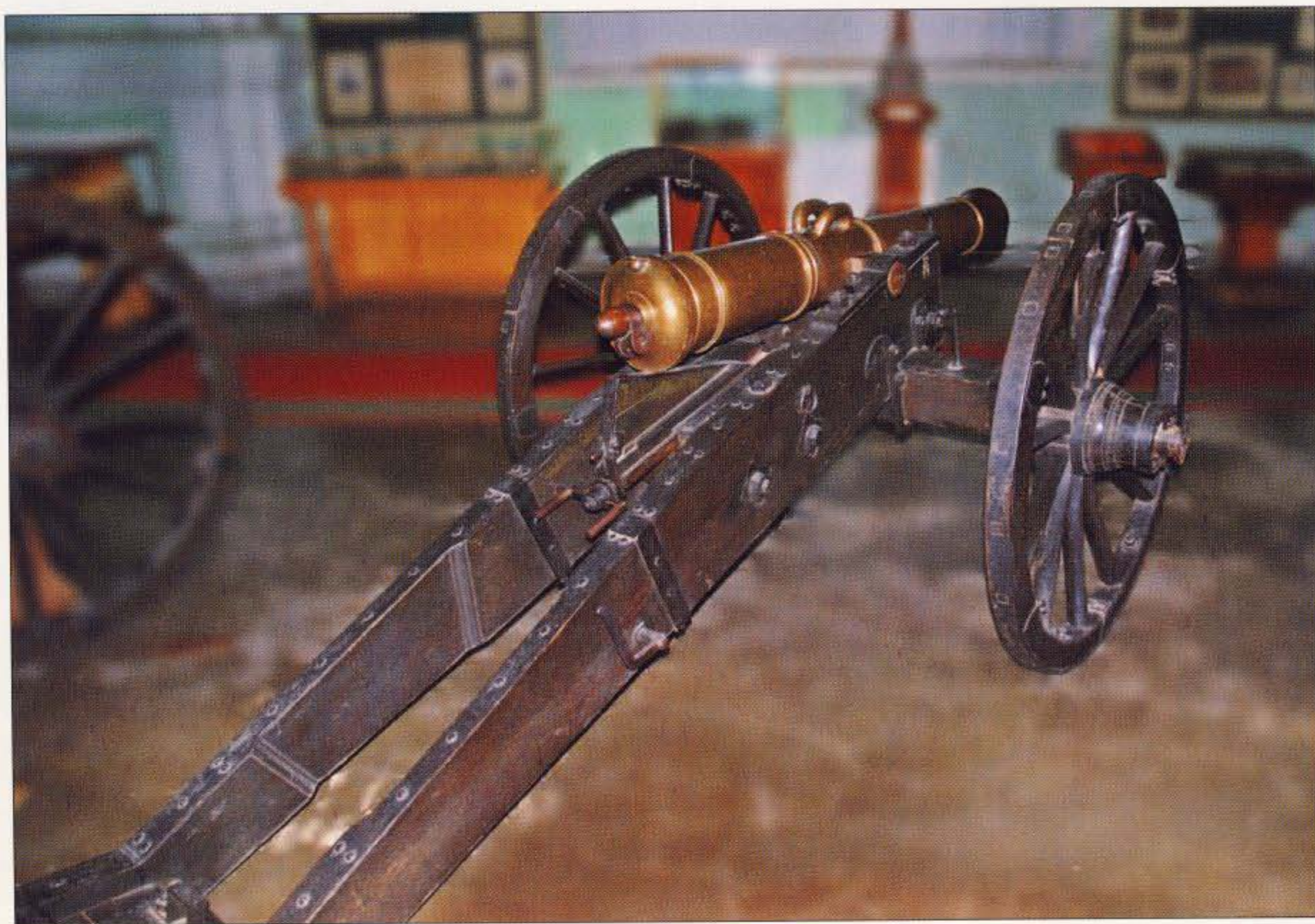
Дальность стрельбы: ядром – 2,2 км (1 тыс. сажень), гранатой – около 900 м (400 сажень), картечью – более 300 метров (150 сажень).

½-пудовый единорог

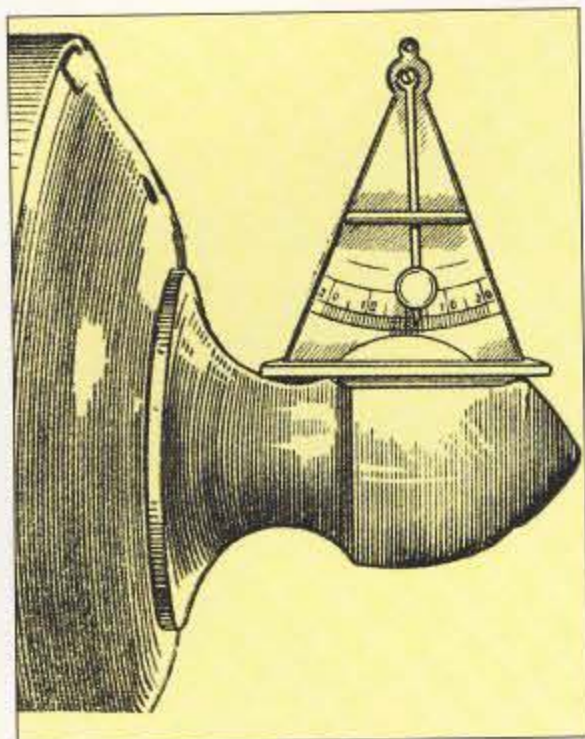
Вес орудия – 680 кг (42,5 пуда), вес системы – 1810 кг (113 пуда), калибр – 6,1 дюйма

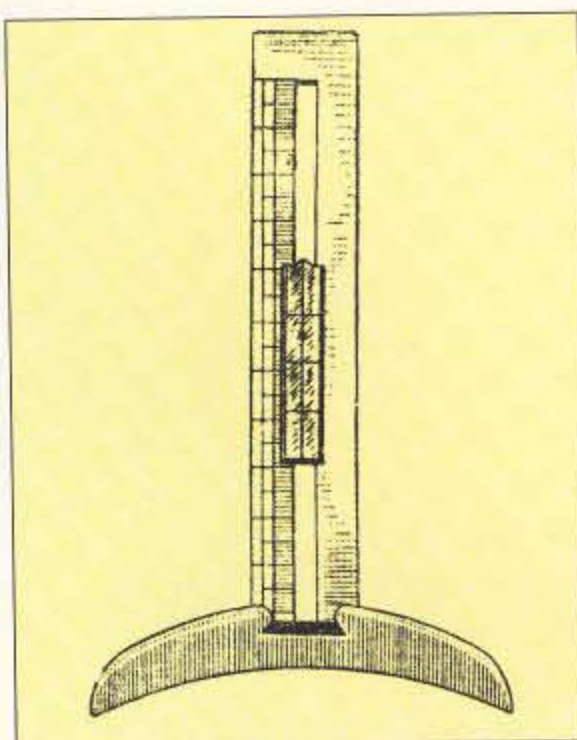
½-пудовый единорог образца 1805 года

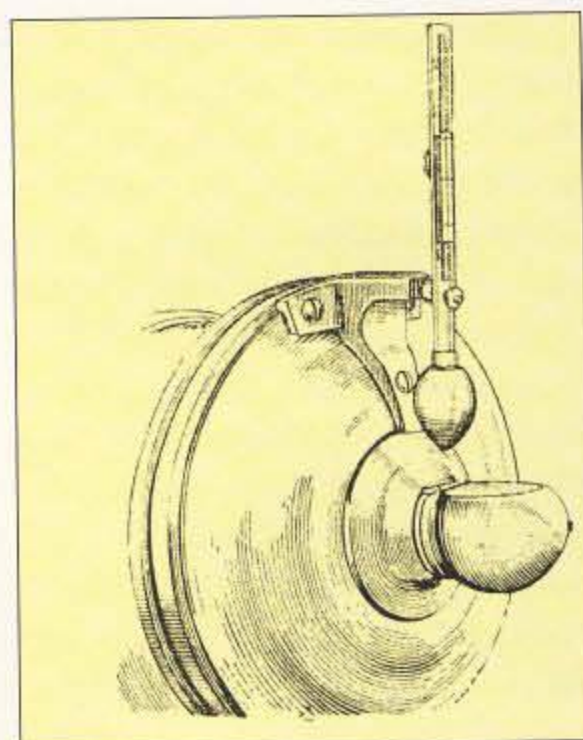
6-фунтовая пушка образца 1805 года

*Квадрант
Маркевича*

*Прицел (диоптр) системы
Маркевича*

*Прицел
Кабанова*

(155 мм), длина ствола – 10,5 калибра, упряжка – 6 лошадей.

Дальность стрельбы: ядром – 2,2 км (1 тыс. сажень), гранатой – 1,3 км (600 сажень), картечью – 550 метров (250 сажень).

$\frac{1}{4}$ -пудовый единорог:

Вес орудия – 345 кг (21,6 пуда), вес системы – 950 кг (59,3 пуда), калибр – 4,84 дюйма (123 мм), длина ствола – 10,5 калибра, упряжка – 4 лошади (6 – конный).

Дальность стрельбы: ядром – 1,3 км (600 сажень), гранатой – около 900 м (400 сажень).

Если учесть количество орудий в армии и их превосходство в скорострельности над стрелковым оружием (до 9 выстр./мин. против 4 выстр./мин. у гладкоствольных ружей и 1–2 выстр./мин. у нарезных), то становится ясно, что именно артиллерийские орудия определяли огневую мощь армии.

В качестве основного тактического уложения русская артиллерия использовала разработанные графом Кутайсовым «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», утвержденные императором Александром I и разосланные в войска в качестве инструкции. Вот содержание этих «Правил».

«1. В полевом сражении выстрелы за 500 сажень сомнительны, за 300 довольно верны, а за 200 и за 100 смертельны; для трех последних дистанций могут также быть употреблены новые наши картечи. Следовательно, когда неприятель еще в первом расстоянии, то должно стрелять по нем редко, дабы иметь время вернее наводить орудие и выстрелами вашими затруднять его в движении; во втором расстоянии стрелять чаще, чтоб остановить или, по крайней мере, продлить его приближение, и напоследок наносить удары со всевозможною

$\frac{1}{4}$ -пудовый единорог образца 1805 года

Казенная часть единорога с вингардом и креплением прицела

скоростью, чтоб его опрокинуть и уничтожить.

2. С начала сражения скрывать число своей артиллерии, но увеличивать ее в продолжение дела, чрез что от неприятеля скроется пункт вашего нападения, а если б он был атакующий, то встретил бы артиллерию там, где бы, может быть, ее и не предполагал.

3. Когда еще не примечено настоящее намерение неприятеля, то батареи должны состоять из малого числа орудий и быть рассеяны в разных местах. В сем положении вы представляете собою малую цель, а сами имеете более средства ему вредить косвенными и перекрестными выстрелами и затруднить в его предприятиях.

4. Батареи же из большого числа орудий должно ставить в таких случаях, когда нужно сделать пролом в линии неприятельской или остановить сильное его стремление на какой-либо пункт или когда необходимо нужно сбить его с какой-нибудь позиции.

5. Избегать ставить батареи на весьма возвышенных, крутых местах; напротив того, батареи из единорогов могут с великою выгодною быть поставлены за небольшими возвышениями, которыми бы они только закрывались, ибо все почти их выстрелы, кроме картечных, суть навесные.

6. Можно почти без исключения взять за правило, что когда мы намерены атаковать, то большая часть нашей артиллерии должна действовать на артиллерию неприятельскую; когда же мы атакованы, то большая часть нашей артиллерии должна действовать на кавалерию и пехоту.

7. Сверх сего необходимо должно стрелять по батареям, когда они весьма препятствуют занять какую позицию или вредят вам в дефилеях.

8. По колоннам и массам стрелять ядрами полным зарядом и гранатами, иногда с уменьшением пороха, дабы они рикошетировали и разрывались, ложась в самой колонне; картечью же по колоннам стрелять только в то время, когда они в близком расстоянии, ибо действие ядер на них смертельнее.

9. По фронту, который в выгодном от нас расстоянии, стрелять преимущественно картечью, для выстрелов же ядрами и гранатами стараться располагать свои батареи так, чтоб действовать вдоль по линии или по крайней мере косвенно.

10. Во время сильного нападения, когда бы предполагалось отступить, то артиллерия, прикрывающая ретираду, должна ставить батареи в две линии, так, чтобы, по обороне, первая проходила чрез вторую, которая уже будет готова встретить неприятеля.

11. Артиллерия во всяком случае должна покровительствовать движению войск, и взаимно войско обороняет ее, потому начальник оной, рекогносцировавши место и быв предведомлен о намерении, сообразясь с местоположением, располагает ее так, чтобы она своим действием способствовала предприятию.

12. Главнейшее же ее разделение должно быть по флангам линий, в интервалах и в резерве; но сие разделение не может ей препятствовать быть, сколь возможно, движущейся сообразно с местоположением и направлением войск неприятельских, ибо весьма вредно во время вашей атаки оставаться долго в одинаковой позиции.

13. Резерв артиллерийский, находясь за второй или третьей линией, должен быть составлен преимущественно из конной артиллерии, которая быстротою и легкостью своей может с великою скоростью переноситься в разные пункты, да и батарейные роты для скорейшего движения могут сажать некоторую часть людей на подручных лошадей и на лафеты.

21. В заключение сего скажу, что нет ничего постыднее для артиллериста и вреднее для армии, как напрасная трата зарядов, которые должно стараться употреблять так, чтоб каждый из них наносил вред неприятелю, зная, сколь заготовление и доставление оных затруднительно».

Картечи

Так что как по материальной базе артиллерии, так и по господствующим доктринам ее применения русская артиллерия была в большей мере, чем французская, ориентирована на достижение максимальной эффективности в ближнем бою в решительную фазу боя. И делалось это с некоторым ущербом для способности вести эффективный бой на больших дистанциях.

Французская армия

Французская армия в последней четверти XVIII века была по уровню вооружения, пожалуй, на первом месте в мире. Основным вооружением французской пехоты являлось кремневое ружье образца 1777 года. На момент принятия на вооружение это ружье было самым совершенным в своем классе. Оно имело уменьшенный калибр, что позволило обеспечить достаточную начальную скорость при меньшем количестве пороха, весе ружья и силе отдачи. Начальная скорость полета пули составляла 420 м/с, что значительно превышало скорость звука и обеспечивало настильность траектории. Хотя высокую точность стрельбы гладкоствольное ружье не могло обеспечить в принципе, но по точности ружье 1777 года превосходило зарубежные аналоги. Также это ружье имело несколько меньшую длину ствола и значительно более длинный штык, что давало преимущество в штыковом бою. До появления у англичан ружья M1794 и русского ружья образца 1808 года французское ружье обеспечивало превосходство на поле боя как французским вольтижерам в огневом бою, так и линейной пехоте – в штыковом. И даже новые ружья обеспечили противникам Франции не преимущество, а лишь примерное равенство в вооружении.

Однако даже такое великолепное ружье имело недостатки, например недостаточную надежность и склонность к коррозии некоторых узлов. Но главным было некоторое различие выпущенных ружей по калибру и необходимость индивидуальной подгонки деталей. Это создавало определенные трудности при создании и вооружении массовой армии. Поэтому французы в 1801 году приняли ружье AN-IX, которое и стало основным к моменту

Ружье AN-IX

Французские 6-фунтовая пушка и 6-дюймовые гаубицы

вторжения в Россию. Это ружье практически полностью повторяло ружье образца 1777 года и отличалось от старого большей унификацией деталей и заменой подверженных коррозии, но не несущих больших нагрузок железных деталей на медные. Кроме того, удалось несколько уменьшить вес ружья.

Возможно, сказались отличные возможности ружья образца 1777 года, но нарезному оружию во Франции уделялось меньшее внимание. Основным образцом нарезного оружия был «Карабин де Версале» образца 1793 года в пехотном и кавалерийском вариантах. Только в 1804 году был разработан чуть усовершенствованный карбин AN-XII, который лишь незначительно отличался от «Карабин де Версале». Насыщенность французской армии нарезным оружием была несколько ниже, чем русской. В основном нарезными карабинами вооружались унтер-офицеры, сержанты и саперы из легкой пехоты и по 6 стрелков в вольтижерной роте.

Характеристики основных имевшихся на вооружении французской армии ружей были следующие.

Ружье AN-IX. Его масса (без штыка) 4,375 кг, длина 151,5 см (длина штыка 46,5 см). Калибр – 17,5 мм, вес пули – 27,2 г, вес пороха –

12,24 г. Максимальная дальность стрельбы 300–400 шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность поражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – более 100 шагов.

Нарезной карабин «Карабин де Версале»: Его масса (без штыка) 3,45 кг, длина 102,5 см. Калибр – 13,5 мм, вес пули – 17,5 г, вес пороха – 4 г. Максимальная дальность примерно 1 тыс. шагов, эффективная дальность прицельной стрельбы (вероятность поражения стандартной мишени более $\frac{1}{2}$) – более 500 шагов.

В области артиллерии французская армия долго удерживала лидирующие позиции, которые не были утрачены за четверть века, прошедшие после реформы Грибоваля. Но Наполеон, сам отличный артиллерист, отметил наличие излишних калибров в системе Грибоваля. Так, например, Наполеон указывал, что в большинстве случаев командиры при ведении огня не делают разницы между 8-фунтовыми и 4-фунтовыми пушками. При этом 8-фунтовые излишне тяжелы, а 4-фунтовые имеют слабый боеприпас. В итоге было принято решение остановиться на 6-фн пушке, которая должна заменить оба калибра.

Также было решено перейти на новую гаубицу с большей длиной ствола и меньшим калибром. Это позволяло увеличить настильность траектории и более эффективно применять данные орудия в маневренном полевым бою. Кроме того, это позволяло унифицировать боеприпас с 24-фунтовой осадной пушкой.

Наконец, полковником Виллентруа были созданы тяжелые дальнобойные гаубицы с увеличенным зарядом пороха и длиной ствола. Данные гаубицы имели калибры 8, 9 и 11 дюймов. При этом самая мощная, 11-дюймовая гаубица могла вести огонь на дистанцию до 5,8 версты. 8-дюймовая гаубица применялась и в полевых сражениях. Кроме изменения в применяемых калибрах и длинах стволов пушки новых образцов были облегчены и упрощены по конструкции.

Реформа должна была вывести французскую артиллерию на новый качественный уровень. На деле она проводилась не так решительно и эффективно, как в России. Причиной послужило и так имевшееся на момент начала реформы некоторое превосходство французской ар-

тиллерии над артиллерией большинства противников. Также отрицательно сказалась «лозкутность» империи Наполеона и отсутствие четкого управления военным производством. Многие заводы империи Наполеона, особенно на покоренных территориях типа Рейнского Союза, выпускали по старым образцам и в старой системе калибров. Так что в итоге реформа не только не уменьшила, как требовалось, число калибров в армии, а наоборот – увеличила. Из новых орудий в значительных количествах были выпущены только 6-фунтовая пушка и 24-фунтовая гаубица. В войну «Великая армия» вступила, имея более двух десятков артсистем.

Характеристики основных имевшихся на вооружении французской армии орудий были следующие.

12-фунтовая пушка системы Грибоваля:

Вес орудия – 860 кг (54 пуда), вес системы – 2160 кг (135 пудов), калибр – 4,76 дюйма (121 мм), длина ствола – 16,5 калибра.

Дальность стрельбы: ядром – 2,7–3 км, гранатой – около 1,2 км, картечью – до 600 метров.

8-фунтовая пушка системы Грибоваля

Вес орудия – 580 кг (36 пудов), вес системы – 1760 кг (110 пудов), калибр – 4,1 дюйма (104 мм), длина ствола – 16,5 калибра.

Дальность стрельбы: ядром – 2,7 км, гранатой – около 1 км, картечью – до 500 метров.

4-фунтовая пушка системы Грибоваля

Вес орудия – 280 кг (18 пудов), вес системы – 1120 кг (70 пудов), калибр – 4,76 дюйма (121 мм), длина ствола – 16,5 калибра.

Дальность стрельбы: ядром – 2,6 км, гранатой – около 1,1 км, картечью – до 400 метров.

6-фунтовая пушка новой системы

Вес орудия – 400 кг (25 пудов), вес системы – 1440 кг (90 пудов), калибр – 3,9 дюйма (96 мм), длина ствола – 16,5 калибра.

Дальность стрельбы: ядром – 2,3 км, гранатой – около 1 км, картечью – до 400 метров.

6-дюймовая удлиненная гаубица

Вес орудия – 320 кг (20 пудов), калибр – 6 дюймов (164 мм), длина ствола – 4 $\frac{1}{3}$ калибра.

Дальность стрельбы: ядром – 3 км, гранатой – около 3 км, картечью – до 400 метров.

24-фунтовая гаубица новой системы

Вес орудия – 320 кг (20 пудов), калибр – 6 дюймов (155 мм), длина ствола – 5 калибров.

Дальность стрельбы: ядром – 3 км, гранатой – около 3 км, картечью – до 500 метров.

Хотя в целом французская артиллерия выглядела хуже русской из-за большого разнообразия калибров и большого количества маломощных полковых орудий, она имела преимущество при борьбе с укреплениями и живой силой на больших дистанциях за счет наличия гаубиц больших калибров и с крутой траекторией, позволявшей поражать противника позади укреплений.

При сравнении характеристик русского и французского оружия нужно учитывать несколько общих моментов, связанных с его применением.

Во время наполеоновских войн господствовал залповый ружейный и артиллерийский огонь. По-другому вести огонь могли только егеря и вольтижеры в рассыпном строю. Это было вызвано в том числе и таким фактором, как используемый дымный порох. При разном бое в залпе опоздавшие стреляли в дымное облако, которое после каждого залпа заволакивало боевые порядки.

Максимальный темп стрельбы в большей мере зависел не от характеристик оружия, а от выучки солдат. Хорошо обученный солдат, как показали практические стрельбы уже в наши дни, мог без проблем из гладкоствольного ружья обеспечить темп стрельбы в 3–4 выстрела в минуту за счет использования патрона. Подобный темп не мог поддерживаться долго, но позволял сделать 10–12 залпов по батальонной колонне, атакующей быстрым шагом, 7–9 по атакующей бегом и 2–3 по атакующей на галопе кавалерии. Учитывая низкую точность огня даже по сомкнутым боевым порядкам, только ружейным огнем обычно не удавалось остановить атаку батальонных колонн или кирасиров.

Полевая артиллерия по дальности стрельбы «дальней» картечью превосходила огонь из гладкоствольных ружей. При этом полевое орудие имело максимальный темп стрельбы благодаря картузному заряданию 7–9 выстрелов в минуту. При этом точность артиллерийского огня на равных дистанциях была также выше. Здесь также высокий темп не мог поддерживаться долго, но позволял сделать 25–35 залпов картечью по батальонной колонне, атакующей быстрым шагом, 15–20 по атакующей

бегом и 7–10 по атакующей на галопе кавалерии. Такая скорострельность была мощным останавливающим средством как против пехоты, так и против кавалерии при условии достаточного количества орудий на длину атакованного фронта. Подобное превосходство артиллерии обычно позволяло выигрывать ее перестрелку с пехотой даже на коротких дистанциях. Могущество артиллерии на поле боя по отношению к другим родам войск было, пожалуй, наибольшим именно в начале XIX века.

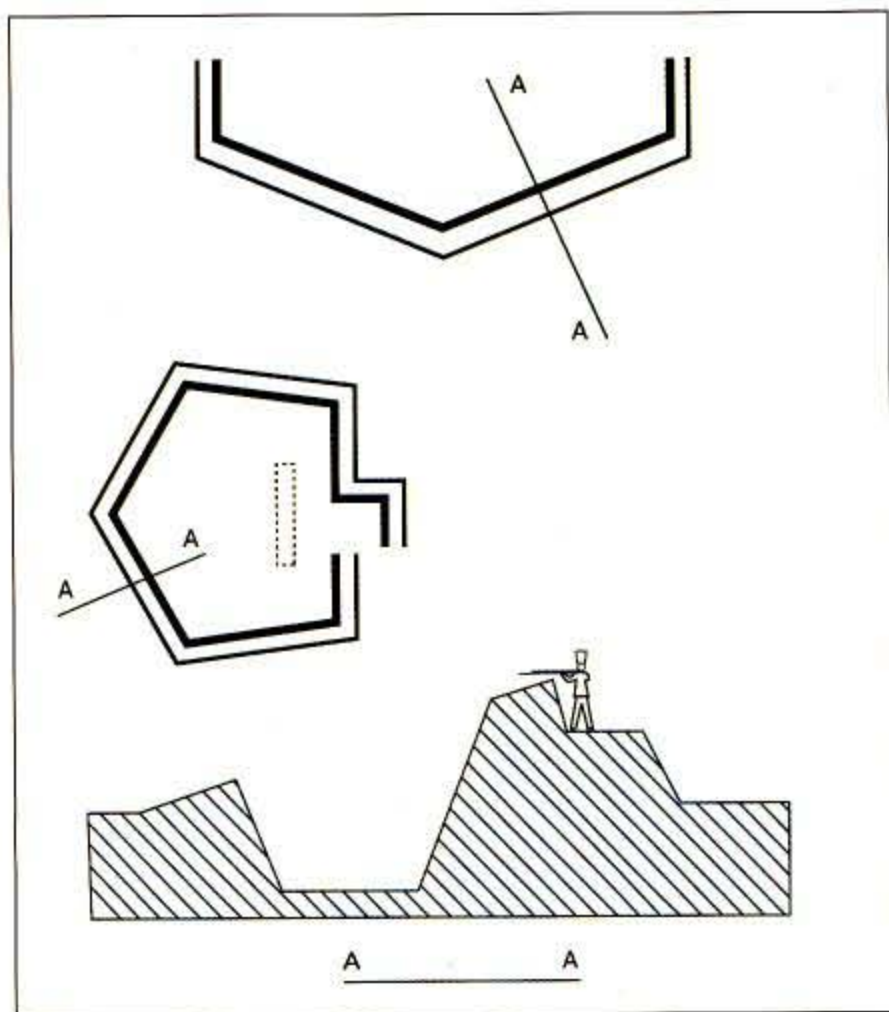
У русских пушек был несколько больший зазор между ядром и каналом ствола, чем у французских. Это приводило к некоторому снижению дальности и точности стрельбы русских орудий по отношению к французским, но обеспечивало немного большую скорострельность. Так что французские пушки имели некоторое преимущество на больших дистанциях, а русские – на коротких, в момент отражения атаки.

Дальность стрельбы артиллерийских орудий указывалась не предельно достижимая, а та, на которую пушка способна практически гарантированно добросить ядро. Дело в том, что в связи с низкой кучностью стрельбы нестабилизированным круглым ядром на большие дистанции, за максимальную дальность бралось расстояние равное примерно $\frac{7}{8}$ той дистанции, на которую улетело самое дальнее ядро, выпущенное на стрельбах полным зарядом. Это означает, что на «перелете» ядро, выпущенное из 12-фунтовой русской пушки средней пропорции, могло улететь более чем на 3 км, а из французской 12-фунтовой – более чем на $3\frac{1}{4}$ км.

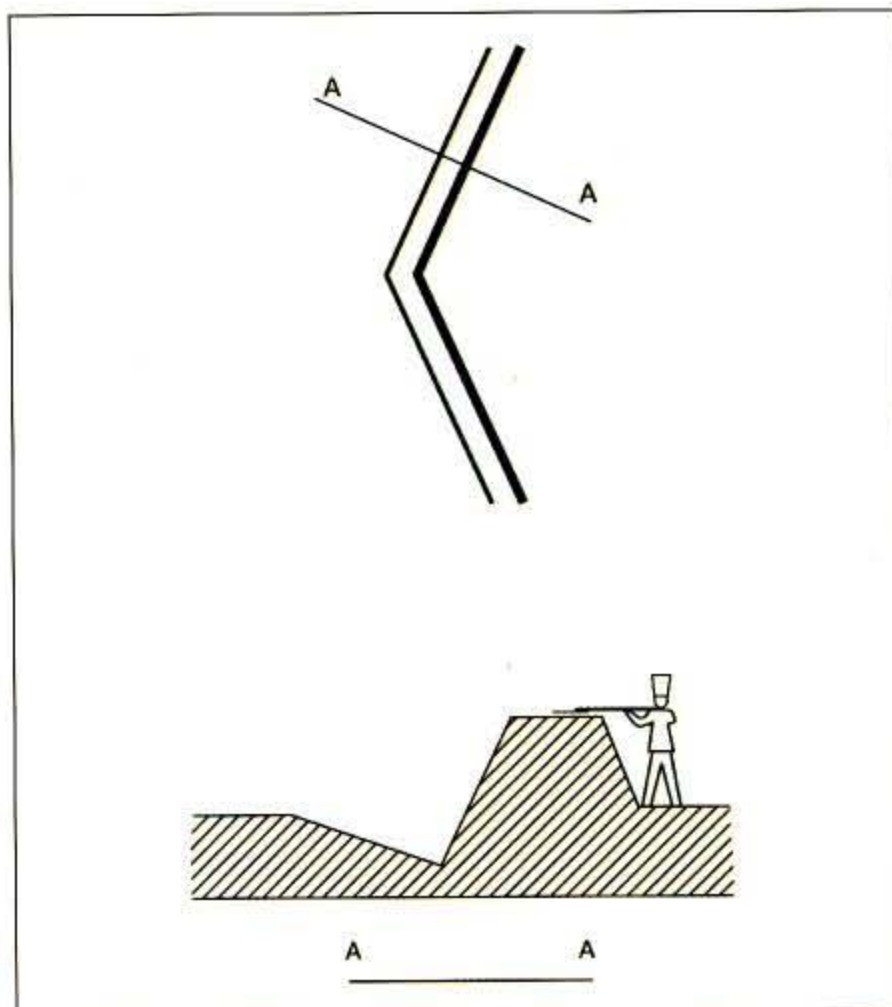
Полевая фортификация на 1812 год

Полевые укрепления использовались воюющими армиями с древнейших времен. Укрепления обеспечивали устойчивость боевых порядков и давали преимущество в бою, особенно обороняющейся стороне.

Основными видами укреплений были различной конфигурации рвы, валы, насыпные и обычные траншеи. Но с конца XVII века и до войны 1812 года произошло важное изменение

Редут и люнет

Флешь

в их размещении. Если еще в XVII веке преобладали сплошные линии укреплений, перекрывавшие фронт армии полностью или на значительном протяжении, то развитие огневых средств и рост значения атаки с применением холодного оружия и в повышающих гибкость расчлененных боевых порядках привел к отказу от длинных укрепленных линий. Такие линии теряли всякое значение при прорыве их в одном или нескольких местах. На смену им пришли отдельные укрепления и узлы обороны, способные поддерживать друг друга фланкирующим огнем и сохранявшие свое значение даже при падении одного из укреплений.

На Бородинском поле применялись следующие виды укреплений.

Редуты (Шевардинский) представляли собой замкнутое укрепление, состоявшее из рва глубиной около 2 метров и шириной 3–5 метров и насыпанного за ним вала до 2 метров высотой. На гребне вала обычно имелся бруствер и банкет (ступенька) для стрелков. Похожим образом был устроен люнет (Курганная батарея). Но, в отличие от редута, он не был закрыт

сзади (с горжи) и имел только фронтальные и фланговые фасы. При этом протяженность по фронту люнета Курганной батареи была довольно высока, что позволяло разместить на нем значительные силы пехоты и артиллерии. Дополнительно с фронта Курганную батарею защищали препятствия в виде волчьих ям, размещенных перед фронтом укрепления в 5–6 рядов.

Заметно отличались, являясь более простым видом укреплений, реданы и их частный случай, флешы (Семеновские, Масловские). Реданы представляли из себя выполненный в форме угла насыпной окоп (в случае флеш угол был тупой). Это был, по сути, бруствер из земли или fascines, за которым размещались стрелки и артиллерия. Подобные брустверы, но не расположенные углом для фланкирующего огня, а предназначенные для фронтальной защиты тяжелой артиллерии, использовали при Бородине и французы. Для сковывания возможного маневра в районе сильно заросшей Старой Смоленской дороги широко использовались засеки из поваленных деревьев.

Командующие

Существует такая поговорка, что бои выигрываются еще до их начала. Трудно с ней не согласиться, хотя возводить ее в абсолют не стоит. Еще до сражения производится сосредоточение сил, подготовка поля боя, развертывание. И, главное, до боя принимаются многие решения, которые и обеспечивают даль-

нейшее развитие событий. Но и роль решений, принимаемых на поле боя, недооценивать не стоит. Поэтому, перед тем как приступить к разбору происходивших событий и оценке планов противника, попробуем разобраться с тем, что за люди разрабатывали планы перед боем и принимали решения на поле боя.

РУССКИЕ

Главнокомандующий

Русские войска на поле боя возглавлял генерал от инфантерии светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Именно его считали тем полководцем, который может побить Наполеона. И это мнение возникло не на пустом месте.

Михаил Кутузов происходил из потомственных военных. Во время обучения Кутузова в Дворянской артиллерийской и инженерной школе артиллерийское дело вел его отец, генерал-поручик Илларион Кутузов. Еще не закончив обучение, Михаил Кутузов уже привлекается к обучению других обучающихся и офицеров. После окончания школы он был оставлен в ней для обучения воспитанников математике.

Первый боевой опыт Кутузов получил в борьбе с польскими повстанцами. Отличился в русско-турецких войнах в армии Румянцева и уже в 24 года стал полковником. В бытность командиром Бугского егерского корпуса разработал новые тактические приемы и методы обучения егерей.

Во всех боях Михаил Илларионович демонстрировал личную храбрость, дважды был ранен в голову и лишился глаза. В декабре 1790 года отличился при штурме и взятии Измаила, где командовал 6-й колонной, шедшей на приступ. Суворов так изложил действия генерала Кутузова в донесении:

«Показывая собою личный пример храбрости и неустрашимости, он преодолел под сильным огнем неприятеля все встреченные им трудности; перескочил чрез палисад, предупре-

Михаил Илларионович Кутузов

дид стремление турок, быстро взлетел на вал крепости, овладел бастионом и многими батареями... Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле; но был правою моею рукою».

Несмотря на блестящие военные победы и дипломатические успехи, Кутузов, бывший в фаворе и у Екатерины Великой, и у Павла I, сразу попал в опалу у Александра I. Однако, когда встала проблема выбора командующего русскими войсками в войне с Наполеоном, никого, кроме Кутузова, предложить на это место не смогли.

Но в этой кампании Кутузов, в результате капитуляции австрийской армии Мака, оказался с 50-тысячной армией против 200 тыс. под командованием самого Наполеона. И Кутузов провел одно из самых выдающихся в мировой военной истории отступлений. Блестящие маневры позволяли раз за разом уходить из-под удара многократно превосходящих сил. Наполеон сумел догнать Кутузова под Амштеттенем, но был отбит. При этом авангард французов под командованием Мюрата потерпел поражение. Переправив под Линцем на северный берег Дуная корпус Мортье (будущего командира «Молодой гвардии»), Наполеон сумел отрезать рус-

скую армию в районе Кремса, но Кутузов сумел удачу Наполеона превратить в свою победу, не только переправив армию, но и на глазах у Наполеона уничтожив одну из дивизий корпуса Мортье. Когда из-за предательства австрийцев, пропустивших Наполеона через сохранные мосты Вены, русская армия оказалась на волосок от гибели, Кутузов сумел стремительным броском, прикрывшись у Галлабрунна арьергардом Багратиона, увести армию из-под удара.

И наконец, после тяжелейшего отступления армия Кутузова соединилась с австрийцами и русской армией Буксгевдена. Союзные войска получили численное превосходство над противником, но были возглавлены императорами Александром I и Францем I и благодаря их бездарному командованию наголову разбиты при Аустерлице. А Кутузов снова попал в опалу.

Снова из опалы к активному командованию Кутузов был возвращен, когда война с Турцией, длящаяся уже 5 лет, зашла в тупик. Кутузов гениально осуществленным оперативным отступлением заманил превосходящие силы турок в ловушку и вынудил к капитуляции под Слободзеей и подписанию мира без сражения. А Кутузов в очередной раз был отстранен от дел.

В начале Отечественной войны 1812 года генерал Кутузов был избран в июле начальником Петербургского, а затем Московского ополчения. На начальном этапе Отечественной войны 1-я и 2-я Западные русские армии откатывались под натиском превосходящих сил Наполеона. Неудачный ход войны побудил дворянство требовать назначения командующего, который бы пользовался доверием русского общества. Еще до оставления русскими войсками Смоленска Александр I вынужден был назначить генерала от инфантерии Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями и ополчениями. За 10 дней до назначения царь пожаловал (29 июля) Кутузова титулом светлейшего князя (минуя княжеский титул). 17 августа Кутузов принял армию от Барклая-де-Толли в Царево-Займище.

Кутузов отличался такими характерными чертами, как сдержанность, замкнутость и осторожность, он научился скрывать свои мысли и чувства. И он был полководцем с богатым опытом боев против Наполеона.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли

Под его началом были генералы, являвшиеся достойными противниками наполеоновских маршалов.

Командующие армиями

Командующий 1-й армией, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли происходил из старинного дворянского шотландского рода с норманнскими корнями. Но уже его отец служил Российской империи и вышел в отставку поручиком. Действительную службу Барклай-де-Толли начал в рядах Псковского карабинерного полка в 1776 году, в 1778 году был произведен в корнеты и только через восемь лет в поручики. Незнатное происхождение Барклая тормозило его продвижение по службе, и ему понадобилось более двадцати лет, чтобы дослужиться до полковника. Участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791; в 1788 принимал участие в штурме Очакова. В 1790 году переведен в финляндскую армию, в рядах которой участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 годов. В 1794 году воевал с польскими повстанцами и за особые отличия, оказанные при взятии штурмом Вильно и при

Петр Иванович Багратион

разгроме отряда Грабовского, награжден орденом Св. Георгия IV степени.

Позже Барклай-де-Толли участвовал в сражении под Аустерлицем, а в войне 1806—1807 годов, командуя дивизией, сражался против Ожеро и одного из лучших маршалов Франции — Сульта, отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау. Командуя арьергардом при отступлении российской армии, дал возможность Беннигсену сосредоточить силы на позициях у этого города, выдерживая у Гофа напор почти всей армии Наполеона. В сражении после серьезного ранения повел солдат в контратаку. Ранение вынудило его на время удалиться из армии, получив, кроме других наград, чин генерал-лейтенанта.

В русско-шведской войне 1808—1809 годов русские войска под командованием Барклая совершили переход по льду Ботнического залива, чем заставили шведов вступить в переговоры и уступить Финляндию Российской империи. Во время этого похода Барклай-де-Толли, сказав: «Победа и слава должны быть храброму войску покорны», — лично провел солдат по льду, ослабленному южными ветрами. С 1810 по 1812-й Михаил Богданович, уже

Александр Иванович Кутайсов

генерал от инфантерии, стал военным министром и провел огромную работу по усилению армии. При нем армия приобрела стройную организацию и выросла численно.

С начала Отечественной войны 1812 года Барклай-де-Толли командовал 1-й армией. С начала войны и до Бородинского сражения именно его винили в постоянном отступлении и не желали видеть в нем русского генерала. Но Барклай-де-Толли продолжал верно и с огромным мужеством служить отчизне. Правильность его стратегии в дальнейшем подтвердил своими действиями Кутузов.

2-й армией командовал Петр Иванович Багратион, происходивший из того же рода, из которого происходили и цари Грузии. Хотя в России его род был признан российско-княжеским, Багратион начал свою военную службу рядовым в пехоте.

Впервые Багратион отличился при штурме Очакова, но настоящая слава пришла к нему во время Итальянского и Швейцарского походов Суворова. В этих походах генерал Багратион командовал авангардом союзной армии и проявил свои способности в сражениях на реках

Алексей Петрович Ермолов

Адда и Треббия, при Нови и на Сен-Готарде. Его оценивали как стремительного, бесстрашного и совершенно хладнокровного командира. Суворов поручал ему самые сложные, а часто считавшиеся невыполнимыми задачи. Багратион считался любимым учеником Суворова и во многом перенял его стиль действий. В кампании 1805 года, во время блестящего отступления Кутузова, Багратион командовал арьергардом, успешно отбивая удары противника. Настоящее чудо он продемонстрировал в сражении под Шенграбеном. За ночь совершив марш-бросок по бездорожью, Багратион успел перехватить войска французских маршалов, почти отрезавших русскую армию. На 5 тыс. русских солдат обрушилась 30-тысячная армия под командованием таких маршалов, как Ланн, Султ, Мюрат, Удино. Но Багратион отбил, опираясь на подожженную деревню, фронтальные атаки, а когда его отряд обошли с флангов, то пробился штыками из окружения. Даже подход главных сил Наполеона не помешал генералу выполнить задачу – при этом не только выдержать невероятный бой и отойти, но еще и захватить в плен около ста французских солдат и трех офицеров.

Сражение у Прейсиш-Эйлау

Багратиону пришлось вместе с Кутузовым испытать позор поражения при Аустерлице. Но уже под Прейсиш-Эйлау именно Багратион с Остерман-Толстым останавливает смертельный охват левого фланга русской армии корпусом маршала Даву. При Фридланде именно по войскам Багратиона пришелся главный удар войск Наполеона. И хотя в этом сражении русская армия была разбита, но Багратион подтвердил свою репутацию. Хотя по нему пришелся удар многократно превосходящих лучших войск Наполеона под командованием Сульта, Нея, Виктора и даже гвардии, а с фланга его силы продольным огнем выкашивала мощная французская батарея, Багратион продержался 3 часа и начал отход только по приказу Беннигсена. С оставшимися силами Багратион отбил от преследующего противника и прорвался по подожженным мостам на другой берег реки Алле.

После начала войны 1812 года Багратион сумел вывести свою малочисленную (45 тыс. человек) армию из стратегического окружения, созданного силами Жерома и Даву, имевшими вместе почти 4-кратное превосходство.

Никто из русских генералов не пользовался такой безоглядной любовью и доверием солдат, как Петр Багратион, — сам Наполеон считал его лучшим русским генералом.

Артиллерией 1-й армии командовал генерал-майор артиллерии граф Александр Иванович Кутайсов. Благодаря положению отца Кутайсов в 10 лет был записан в гвардию унтер-офицером, а в 15 лет дослужился уже до гвардии полковника. Но этот был тот редкий случай, когда в целом порочная практика зачисления детей в части и чинопроизводства для них дала положительный результат. Кутайсов оказался прекрасным артиллеристом. Говорили даже, что граф

Кутайсов был «воином милостью божьей». В начале 1806 года получил чин генерал-майора. В войне 1806–1807 годов показал себя отважным и умелым командиром конной артиллерии. Отличился при Прейсиш-Эйлау и Фридланде. В сражении при Прейсиш-Эйлау 22-летний граф Кутайсов предугадал скрытое движение неприятеля и своевременной, решительной переброской артиллерии по собственному почину и вводом ее в бой по сути переломил ход боя. Именно он отработал для русской армии тактику решительного маневра артиллерийским резервом и энергичной артиллерийской атаки на коротких и средних дистанциях.

После окончания военных действий, ощущая недостаток образования, Кутайсов взял отпуск и отправился в Европу. Он посещал в Вене и Париже лекции по фортификации, артиллерии, математике. Составил в 28 лет «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», которые были приняты императором как инструкция для русской артиллерии.

В 1812 году был назначен начальником артиллерии 1-й армии. При ее отступлении участвовал во всех арьергардных маневрах. Отличился при Островно и Смоленске.

Немногим менее известен тогда был начальник Главного штаба 1-й армии генерал-майор артиллерии А. П. Ермолов. Ермолов родился в Москве в 1772 году. Поступил на военную службу в 1791-м, служил под начальством самого Александра Суворова. Участник подавления Польского восстания под предводительством Т. Косцюшко 1794 года, Персидского похода 1796 года под началом Валериана Зубова.

В 1798-м Ермолов был арестован, уволен со службы и заключен под стражу по делу о создании Смоленского офицерского политического кружка. Помилован указом Александра I от 15 марта 1801 года. Участвовал в войнах с Францией (1805, 1806–1807). В сражении при Прейсиш-Эйлау вместе с Кутайсовым проводил знаменитый артиллерийский маневр и был так же, как и Кутайсов, представлен к награде. С началом Отечественной войны 1812 года назначен начальником Главного штаба 1-й Западной армии. В Бородинском сражении фактически выполнял обязанности начальника штаба Кутузова.

Командиры корпусов

Немногим уступали командирам армий и командиры корпусов. 4-м корпусом командовал граф Александр Иванович Остерман-Толстой. Уже в 18 лет он принял участие в войне против турок в армии князя Потемкина. В 1790 году граф участвовал в штурме Измаила, а с 1793 года служил под командованием Кутузова. Уже в 28 лет Остерман-Толстой стал генерал-майором.

С началом войн против Наполеона в 1805 году генерал Остерман на театре боевых действий. В 1807 году он сражался против Нея. В сражении при Прейсиш-Эйлау именно Остерман-Толстой, командуя дивизией, вместе с Багратионом останавливает опаснейший фланговый удар корпуса Даву и отбрасывает непобедимого маршала на исходные рубежи.

В октябре 1810 года Остерман, измученный раной, добился отставки с правом ношения мундира, но сразу же вернулся в строй с началом Отечественной войны 1812 года, во время которой принял командование корпусом. В бою под Островно Остерман-Толстой остановил авангард французов под командованием Мюрата. Бой складывался неудачно для русских, но надо было любой ценой выиграть время. Как пишет С. Н. Глинка в «Записках о 1812 годе»:

«Яростно гремела неприятельская артиллерия и вырывала целые ряды храбрых полков русских. Трудно было перевозить наши пушки, заряды расстрелялись, они смолкли. Спрашивают графа: «Что делать?». «Ничего, – отвечает он, – *стоять и умирать!*»

Несмотря на подход к Мюрату подкреплений, корпус графа Остерман-Толстого устоял и выиграл время для русской армии.

7-м корпусом командовал Николай Николаевич Раевский. До 1812 года этот опытный командир не сталкивался с французской армией. Но уже после начала войны прекрасно показал себя в бою под Салтановкой, когда пытался отбросить корпус Даву и открыть путь на Могилев 2-й армии Багратиона. Вот как описывал начало этого боя барон Жиро из корпуса Даву: «Мы вдруг увидели выходящими из лесу, и сразу в несколько местах, весьма близких

Бой под Островно

Сражение под Островно

друг от друга, головы колонн, идущих сомкнутыми рядами, и казалось, что они решились перейти овраг, чтобы добраться до нас. Они были встречены таким сильным артиллерийским огнем и такой пальбой из ружей, что должны были остановиться и дать себя таким образом громить картечью и расстреливать, не двигаясь с места, в продолжение нескольких минут. В этом случае в первый раз пришлось нам признать, что русские действительно были, как говорили про них, стены, которые нужно было разрушить. Русский солдат, в самом деле, превосходно выдерживает огонь, и легче уничтожить его, чем заставить отступить».

Хотя Раевскому и не удалось одержать победу в этом бою, но он не отдал победу и противнику, в решительный момент боя лично поведя своих солдат в штыковую атаку. А вскоре Раевский показал не меньшие стойкость и упорство в Смоленском сражении, где его

корпус вместе с дивизией Неверовского удерживал город, отбивая атаки многократно превосходящего противника.

2-й корпус возглавлял Карл Федорович Багговут. Во время 2-й войны императора Александра с Наполеоном Багговут стал известен как один из храбрейших генералов русской армии и за сражение под Пултуском награжден орденом Св. Георгия III степени. В кампании 1807 года он выдавался своей отвагой, участвовал в сражениях при Прейсиш-Эйлау (где контужен в грудь), при Гейльсберге; под Фридландом он находился на левом фланге русских войск, но сильная контузия принудила его оставить строй до окончания сражения. Багговуту пришлось сражаться с такими маршалами Франции, как Ланн, Даву, Ней. Во время шведской войны в 1808 году Багговут, назначенный начальником войск,

Николай Николаевич Раевский

Карл Федорович Багговут

Подвиг солдат Раевского под Салтановкой

Дмитрий Сергеевич Дохтуров

расположенных по берегу Ботнического залива, одержал несколько побед над шведами.

Дмитрий Сергеевич Дохтуров возглавлял 6-й корпус. Вступив в 1771 году на службу пажом, он участвовал с отличием в шведской войне 1789 и 1790 годов и в кампаниях 1805-го, где принял участие в сражении под Аустерлицем, и 1807 гг.; несколько раз был ранен и контужен. Но подлинная слава пришла к нему в войну 1812 года. Когда его корпус был отрезан под Лидами, Дохтуров сумел вырваться из окружения и соединиться с главными силами 1-й армии под Дриссой. Именно Дохтуров возглавил русские войска при обороне Смоленска и после сражения в полном порядке отошел на соединение с главными силами. Считался одним из самых перспективных корпусных командиров.

Во главе 3-го корпуса стоял генерал Николай Алексеевич Тучков. Еще в должности командира полка в составе корпуса Римского-Корсакова он участвовал в Швейцарском походе русской армии. Когда корпус был разбит под Цюрихом маршалом Массена, Тучков штыковым ударом вырвался со своим полком из окружения. В битве при Прейсиш-Эйлау Тучков

Николай Алексеевич Тучков

удерживал правый фланг против маршалов Нея и Сульта и успешно контратаковал неприятеля. К Отечественной войне 1812 года Тучков занял должность командира 3-го пехотного корпуса. Войска его корпуса поддерживали 4-й корпус в бою у Островны, обороняли Смоленск и бились под Лубином против Жюно, Нея и Даву, прикрывая отход главных сил.

Командиры дивизий и кавалерийских корпусов

27-й дивизией командовал генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Неверовский. Его дивизия была самая молодая и необстрелянная в русской армии на начало войны. Однако Неверовский, командуя этой дивизией, по сути спас русскую армию от разгрома, сумев под Красным, отступая, остановить стремительный бросок корпусов Мюрата к Смоленску. По всеобщему признанию, это было беспрецедентное отступление. Сразу после боя под Красным Неверовский снова вступил в бой с французами, защищая Смоленск.

Были у нас и прекрасные кавалерийские начальники, например командир 2-го кавалерий-

Дмитрий Петрович Неверовский

Фёдор Карлович Корф

Дело казаков Платова под Миром

Фёдор Карлович Корф

ского корпуса генерал-лейтенант Федор Карлович Корф, начинавший свою военную карьеру под началом самого Суворова, уже сражавшийся с французами при Прейсиш-Эйлау и получивший за этот бой орден Св. Георгия, а в войне 1812 года храбро и умело сражавшийся под Витебском и Смоленском. Также при Прейсиш-Эйлау отличился казачий атаман Платов, встретивший войну 1812 года в должности командира казачьего корпуса 1-й армии в звании генерала от кавалерии. В этой войне Платов отличился в сражении у местечка Мир, в котором он разбил 9 польских уланских полков. Или командир казачьего корпуса 2-й армии генерал-майор Карпов, сумевший мизерными силами задержать корпуса Нея и Мюрата, дав время арьергарду занять позицию и позволив русской армии выйти на Новую Смоленскую дорогу после Смоленского сражения.

В целом видно, что большинство русских командиров старшего звена имели опыт боевых действий с французами и готовились сражаться, так сказать, со «старыми знакомыми», на опыт боев с которыми можно было опереться.

ФРАНЦУЗЫ

Главнокомандующий

Возглавлял французскую армию на Бородинском поле лично император Франции Наполеон Бонапарт. Задолго до этого сражения снискал он славу гениального полководца. И слава эта была вполне им заслужена.

Свою военную карьеру Бонапарт начал с чина поручика в артиллерии после окончания военной школы. Первая слава пришла к нему через восемь лет после начала службы, во время осады Тулона. Тулон был взят именно благодаря верной оценке ситуации Наполеоном, его решительным и грамотным действиям. Эта победа сделала его в 24 года бригадным генералом. После падения якобинцев Наполеон попал в опалу, но отличился в подавлении монархистского мятежа в Париже в 1795 году и стал дивизионным генералом.

Назначенный командующим «итальянской» армией, одной из слабейших во Франции, Наполеон совершил стремительный подъ-

Император Наполеон I

ем к вершинам военной славы, заняв всю Италию и разгромив превосходящие силы Австрийской империи. Именно итальянская кампания приучила Наполеона четко, не теряя ни часа, выдерживать темп операции. Следующая итальянская кампания закрепила славу Наполеона, хотя ему пришлось столкнуться с реформированной армией Австрийской империи и громить тех австрийских полководцев, что учились воевать и получали опыт под командованием Суворова. Решающей в этой кампании была битва при Маренго.

В дальнейшем Наполеон провел ряд реформ в армии, касающиеся вооружения и организации, большая часть которых пришлась на период 1803–1805 годов. Так что к моменту вторжения в Россию он командовал армией, созданной под себя, что, безусловно, являлось сильной стороной при управлении войсками.

В 1805 году Наполеон сражался с русскими войсками и уже имел столкновения с Кутузовым. При этом Наполеон, проиграв стратегическое маневрирование Кутузову и упустив русскую армию, сумел разгромить в сражении при Аустерлице превосходящие объединенные русско-австрийские войска. В этом сражении Наполеон активно использовал сосредоточение главных сил на направлении удара и маневрирование по внутренним операционным линиям для выигрыша темпа в сражении против растянувшегося противника, вынужденного использовать внешние линии.

В сражении при Прейсиш-Эйлау в 1807 году Наполеон получил опыт боя с равными силами русской армии. В сражении русская армия показала пример высочайшей стойкости и продемонстрировала умение сражаться с развернутым на 90 градусов фронтом при глубоком охвате фланга противником. В сражении при Фридланде Наполеон показал свое умение пользоваться мельчайшим промахом противника и разгромил русскую армию стремительным ударом главных, по отделенному ручьем левому флангу русской армии под командованием Багратиона.

В этих сражениях Наполеон имел возможность познакомиться с манерой ведения боя такими русскими генералами, как Кутузов, Беннигсен, Барклай-де-Толли, Багратион, Тучков, Платов, Остерман-Толстой, Кутайсов.

В 1809 году, в сражении при Ваграме, Наполеон применил невиданную до сих пор концентрацию сил на острие удара, создав ударную колонну Макдональда из 30 тыс. солдат и 104 орудий. Такая концентрация сил позволила Наполеону переломить на неудобной позиции неудачно складывавшийся ход боя в свою пользу.

Определенными преимуществами Наполеона перед Кутузовым являлись более энергичная манера ведения боя, которая всегда строилась от наступления, склонность решительно концентрировать силы на нужном направлении. Наполеон имел гораздо более победоносный опыт решительных сражений с сильным противником, знал манеру действий Кутузова и уже бил войска под его командованием на поле боя.

Командиры корпусов

Под началом Наполеона находилась целая плеяда блестящих военачальников, воспитанных революционными войнами и войнами империи. 1-м корпусом командовал маршал Даву, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, получивший прозвище «железный маршал». Обучался Даву в Бриенской военной школе одновременно с Наполеоном. Служба Даву началась под командованием известного полководца революции генерала Демурье в должности командира батальона. У Наполеона Даву сумел отличиться и сыграть значимую роль в сражении при Абукире, в Ульмской операции осуществил глубокий охват австрийской армии Мака, обеспечивал своими силами прикрытие правого фланга Наполеона во время переправы главных сил через Дунай во время погони за армией Куртузова. В сражении под Аустерлицем Даву сдерживал обходящие Наполеона главные силы русско-австрийской армии, давая последнему возможность выбрать наилучший момент для удара. При Ауэрштедте Даву, имея 27 тыс. человек, разгромил 50-тысячную армию герцога Брауншвейгского, за что получил титул герцога. В сражении при Прейсиш-Эйлау Даву, отбросив войска генерала Багговута, совершил обход фланга русской армии и разбил ее левый фланг, заставив развернуть фронт. Но развить успех в этом сражении ему не дали во-

Луи Никола Даву

йска Остерман-Толстого и Багратиона, отбросившие Даву на исходные позиции. В сражениях при Экмюле и Ваграме он постоянно был на самых угрожаемых участках и за проявленное мужество и полководческое умение получил титул князя Экмюльского. В кампании 1812 года до Бородино Даву сумел умелым маневрированием дважды, под Минском и Могилевом, отрезать пути отхода армии Багратиона и дать отчаянное сражение корпусу генерала Раевского под Салтановкой. Даву считался непобедимым и по воинскому мастерству мог соперничать с самим Наполеоном.

3-й корпус возглавлял маршал Ней, герцог Эльхингенский, известный как «храбрейший из храбрых». Происходящий из семьи ремесленника, Ней начал военную службу рядовым, но всего за 8 лет дослужился до бригадного генерала. В войне 1805 года разгромил под Гюлцбургом войска эрцгерцога Фердинанда во время Ульмской операции, а затем блестяще завершил эту операцию штурмом Эльхингенских высот, принудив австрийскую армию к капитуляции, за что получил титул герцога. Ней находился на острие удара Наполеона в сражениях

Мишель Ней

при Йене и при Фридланде, в последнем опрокинув войска Багратиона, и решил этим исход битвы. В сражении при Прейсиш-Эйлау Ней бился против генерала Тучкова. В кампании 1812 года Ней проявил себя не столь блестяще, упустив вместе с Мюратом дивизию Неверовского и допустив соединение русских армий в Смоленске. В дальнейшем Ней участвовал в штурме Смоленска и бою при Валутиной горе. Отличался огромным личным мужеством и решительностью в бою и лучше всего проявлял себя в решительных фронтальных атаках.

Не менее блестящим полководцем был и командир 8-го корпуса дивизионный генерал Жюно, герцог де'Абрантес по прозвищу Ураган. Сын торговца, он записался добровольцем в армию. Во время службы он проявил невероятную храбрость и хладнокровие. Был неоднократно ранен. В 1797 году стремительным маршем вышел к реке Сенньо и с ходу разгромил войска папы римского. В сражении при Назарете в 1799 году во главе 300 кавалеристов Жюно отразил атаку 10-тысячного авангарда турецкой армии и лично зарубил сына Мурадбея. В битве при Аустерлице Жюно был пер-

вым адъютантом Наполеона. Именно Жюно присоединил к империи Наполеона Португалию. Но до похода 1812 года Жюно не имел личного опыта боев против русской армии. В этой кампании Жюно сумел отличиться быстрым захватом переправ в Орше, чем обеспечил своевременную переправу главных сил Наполеона на южный берег Днепра. Но в ходе Смоленского сражения Жюно впервые проявил нерешительность, остановив свой корпус перед болотом и отказавшись продолжать операцию. Наполеон по этому поводу сказал: «Из-за него я теряю кампанию».

Артиллерией в «Старой гвардии» Наполеона командовал дивизионный генерал Сорбье. Сорбье закончил королевский артиллерийский корпус. Во время службы в Валансе он познакомился с будущим императором Франции. Проявил личную храбрость и таланты артиллериста при Вальми и особенно при Арлоне,

Жан Андрош Жюно

где он, командуя конно-артиллерийской ротой, рассеял и обратил в бегство австрийских гренадеров, за что был удостоен звания адъютант-генерала. Командовал артиллерией в битвах при Алькенкирхене, Укерате и Нойвинде. После последней был прямо на поле боя произведен в бригадные генералы. К началу кампании 1812 года мог считаться одним из лучших и опытнейших артиллеристов в мире и прекрасно показал себя, командуя гвардейской артиллерией в Смоленском сражении.

Кавалерией командовал маршал Мюрат, вице-король Неаполя и Обеих Сицилий. Сын трактирщика, Мюрат еще при короле выбрал военную карьеру. Впервые отличиться ему удалось под командованием Наполеона при подавлении в Париже мятежа монархистов. 18 брюмера Мюрат командовал гренадерами, разогнавшими «совет пятисот». В итальянском походе Мюрат отличился в битве при Маренго, затем выгнал неаполитанцев из Папской области и принудил их к перемирию. В кампании 1805 года Мюрат, командуя французской кавалерией, одержал победу при Вертингене, взял в плен генерала Вернека с 16-тысячной армией, смелостью и хитростью овладел венским мостом как раз в то время, когда австрийцы хотели его разрушить, и, наконец, отличился в Аустерлицком сражении. В награду Наполеон предоставил ему великое герцогство Берг. В кампании 1806 года Мюрат отличился при Иене, взял Эрфурт, способствовал капитуляции Гогенлоэ и Блюхера, с блестящим успехом участвовал в битвах при Эйлау и Фридланде. Как впоследствии характеризовал Мюрата Наполеон: «Нет на свете генерала, более способного к командованию кавалерией, чем Мюрат». В кампании 1812 года Мюрат не сумел уничтожить дивизию Неверовского и воспрепятствовать ее отходу в Смоленск. Но тем не менее в этой кампании Мюрат, по общему признанию, проявлял чудеса храбрости.

«Старой гвардией» командовал образцовый «вояка» маршал Лефевр, герцог Данцигский. Он служил с 18 лет в гвардии еще при короле. Но карьерный рост Лефевра начался только после революции. Уже в 1797 году ему пришлось командовать армией, так что трудно най-

Иоахим Мюрат

Франсуа Жозеф Лефевр

ти более опытного командира. Свой титул Лефевр получил за взятие Данцига, когда он сказал артиллеристам: «Я ничего не понимаю в вашем деле, но сделайте мне дыру, и я пройду в нее». Что он и сделал в 26 мая 1807 года.

Среди старшего офицерского состава «Великой армии» были и бесстрашные братья де Коленкур, из которых старший, Арман, был ранее послом в России и прекрасно знал эту страну, а младший, Огюст, был лихим и талантливым кавалеристом, дивизионным генералом.

1-м кавалерийским корпусом командовал дивизионный генерал граф Этьен-Антуан-Мари Нансути. Потомственный дворянин и военный, Нансути сделал карьеру уже после революции. Он стал бригадным генералом, сражаясь в армии знаменитого генерала Моро и отличившись в сражении при Шлингене. В дальнейшем прекрасно проявил себя, командуя кавалерией под началом таких маршалов, как Мортье и Ней. Приняв участие более чем в десятке сражений, Нансути наиболее ярко проявил себя при Аустерлице, где отбил ожесточенные атаки русской и австрийской кавалерии и затем стремитель-

ным ударом рассек вражеский фронт. Нансути являлся прекрасным командиром тяжелой кавалерии, способным опрокинуть сильнейшего противника во фронтальной атаке. И он имел большой опыт боев против русской армии. Но в войне 1812 года, командуя сначала тяжелой кавалерийской дивизией, а затем 1-м кавалерийским корпусом, он столкнулся с возросшей стойкостью русских войск, особенно когда несколько часов умело, решительно, но безуспешно атаковал под Островно позиции корпуса Остермана-Толстого.

Командиры дивизий

Под стать корпусным командирам были и командиры дивизий. Это, например, блестящие генералы 1-го корпуса Даву. Командир 2-й дивизии, мастер сложнейших маневров Фриан, прошедший безупречно десятки боев и даже принявший участие в египетской экспедиции Наполеона. Именно пехота Фриана, подпустив на несколько шагов отборную кавалерию мамелюков, уничтожила ее залпами в упор. Во время кампаний 1806–1809 годов Фриан успешно сражается с вдвое более сильным

Луи Фриан

противником при Ауэрштедте и с более чем втрое превосходящим при Экмюле. Когда, уже в России, храбрости и стойкости его солдат удивился даже маршал Мюрат, ему сказали: «Сир, но это же солдаты Фриана».

Остальные командиры дивизий были столь же хороши. Компан, командовавший 5-й дивизией, сочетал личное мужество с математическим штабным мышлением. Командир 1-й дивизии Моран, гениально сочетавший огонь и штык в действиях своей дивизии, был блестящим тактиком и показал при Аустерлице, что

Жан Доминик Компан

способен сражаться до конца в самой безнадежной ситуации.

В целом командный состав «Великой армии» был опытным и прекрасно подготовленным. Большинство командиров сумели занять свои должности исключительно благодаря личным качествам и дарованиям. При этом большинство маршалов и генералов уже сталкивались с русской армией и знали, чего от нее ожидать в целом, а зачастую — чего ждать и от конкретных русских генералов.

Соотношение сил

Каким же было реальное соотношение сил на Бородинском поле? Вообще-то данные, используемые в большинстве, дают разброс довольно небольшой по французам и несколько больший по русским. Обычно указывается численность войск Наполеона в 130–135 тыс. человек и 587 орудий, войск Кутузова – 120–130 тыс. чел. и 623–640 орудий. Некоторые исследователи и источники дают по русской армии цифру в 112 тыс., 132 тыс. и даже в 155 тыс. человек. При этом указывается разбивка войск по родам. Но что дают эти данные? Какие из них точны? Можно ли по ним сопоставить реальные возможности сторон в этом сражении? Кто был сильнее перед сражением и насколько? Это мы сейчас и попробуем выяснить.

Начнем с русской армии. Различные данные указывали уже имевшие доступ к реальным данным участники войны, например, генерал-квартирмейстер Главной армии генерал-майор К. Ф. Толь называл (в 1822 году) цифру 112 тыс. воинов, из которых 95 тыс. – это регулярные войска, 7 тыс. – казаки, 10 тыс. – ополчение. Генерал-адъютант Александра I Д. П. Бутурлин указывает в 1824 году цифру 132 тыс. Иностранные историки приводили близкие цифры, к примеру, К. Клаузевиц давал 120 тыс., а Т. Бернгарди приводил 130 тыс. человек. Но общий порядок понятен. Данные Наполеона в 170 тыс., указанные им в воспоминаниях, записанных на

о. Св. Елены, мы даже не будем рассматривать, ибо эти цифры расходятся с более ранними от того же Наполеона.

Мы будем опираться на данные армейского рапорта от 17 августа, как на наиболее проработанный источник, на данные А. И. Михайловского-Данилевского, а также на исследования и расчеты С. В. Шведова и Б. С. Абалихина.

В рапорте были учтены 166 батальонов, 88 эскадронов, 35 артиллерийских рот, что дало в итоге 92 555 человек. Так как общая численность войск была 181 батальон, 154 эскадрона, 59 артиллерийских рот, то мы получим расчетную численность 102,6 тыс. человек. С учетом прибывшего с генералом Милорадовичем пополнения в 15,6 тыс. и убыли в боях и на марше, выходит расчетная цифра 114 тыс. человек, что полностью совпадает с экстраполяцией по рапорту от 23 августа, практически полностью совпадает с численностью регулярных войск по данным Михайловского-Данилевского (113 тыс.) и Бутурлина (115 тыс.). Кадровые войска по родам войск были представлены следующим образом: пехота – 82 тыс., кавалерия – 20 тыс., артиллерия и инженерные части – 14 тыс.

Кроме кадровых войск в сражении участвовали казаки и ополчение. Численность казачьих частей генерал-майор К. Ф. Толь дает равной 7 тыс. человек в составе 20 полков, но он не

учитывает 3-й Бугский казачий полк, состоявший в конвое Главной квартиры, и два полка 2-й армии, вроде отправленные перед боем на границу Калужской губернии, но присутствующие в наградных списках по Бородинскому сражению, что однозначно указывает на их участие. Кроме того, были еще 6 казачьих полков в составе отрядов флангового прикрытия Ф. Ф. Винценгероде и М. Т. Власова – но они, судя по всему, в сражении не участвовали. Общая численность казачьих войск на поле сражения составляет примерно 9 тыс. человек. Казаков обычно не относят к кадровым частям, однако качественно они не уступали и имели большой боевой опыт.

Наиболее сильно разнятся данные по ополчению. Но подтвержденными являются только 10 тыс. человек, из них 7 тыс. в Московском и 3 тыс. в Смоленском ополчении. Значение ополчения, ввиду плохой подготовки и вооружения и ввиду отсутствия опыта, было незначительным даже в том случае, если его численность была и несколько большей. Если включить в соотношение сил ополчение, то следует учесть и французские войска аналогичного «качества» – нестроевых, которых насчитывалось порядка 15 тыс. и которые в соотношении сил обычно никак не указываются.

Количество орудий, как и указано выше, было 624.

Но теперь попробуем разобраться, что именно это были за силы.

1-я армия под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая-де-Толли.

2-я армия под командованием генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона.

В состав русских армий входили следующие корпуса.

1. 2-й корпус под командованием генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута. Корпус состоял из 4-й и 17-й пехотных дивизий и насчитывал 11 450 человек при 72 орудиях. Дивизии корпуса представляли собой дивизии старой комплектации и имели опыт боев, в том числе и в этой кампании. 2-й корпус осуществлял прикрытие отхода 1-й армии от Смоленска в составе арьергарда.

2. 3-й корпус под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го. Корпус состоял из 1-й гренадерской и 3-й пехотных дивизий

и насчитывал 10 800 человек при 18 орудиях. Дивизии корпуса представляли собой дивизии старой комплектации и имели огромный опыт боев. Например, 3-я дивизия у деревни Каморье во время арьергардных боев выдержала двухдневное сражение с многократно превосходящими силами противника. Но численно, из-за понесенных потерь, 3-й корпус был слабейшим в русской армии.

3. 4-й корпус под командованием генерал-лейтенанта графа А. И. Остерман-Толстого. Корпус состоял из 11-й и 23-й пехотных дивизий и 2-й сводной гренадерской бригады и насчитывал 12 тыс. человек при 42 орудиях. 11-я дивизия была старого формирования и имела большой процент солдат-ветеранов, 23-я дивизия была сформирована в Оренбургской инспекции позднее 1808 года. Корпус и его командир продемонстрировали незаурядное мужество в бою под местечком Островно, где, выполняя задачи арьергарда, целый день сдерживали французов, обеспечивая отход 1-й армии.

4. 5-й корпус (иногда именуемый гвардейским) под командованием генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова. Корпус состоял из гвардейской и 1-й кирасирской дивизий и 1-й сводной гренадерской бригады и насчитывал 15–17 тыс. человек при 66 орудиях. В комментариях состав не нуждается, так как по меркам русской армии гвардия, кирасиры и гренадеры – отборные части для ударных действий на поле боя. Это был один из двух сильнейших корпусов русской армии.

5. 6-й корпус под командованием генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова. Корпус состоял из 7-й и 24-й пехотных дивизий и насчитывал 12 500 человек при 72 орудиях. 7-я дивизия была старого формирования и имела большой процент солдат-ветеранов, 24-я дивизия была сформирована в Сибирской инспекции позднее 1808 года. Корпус и его командир показали высокие примеры стойкости в Смоленском сражении.

6. 7-й корпус под командованием генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. Корпус состоял из 12-й и 26-й пехотных дивизий и насчитывал 12 500 человек при 24 орудиях. 7-я дивизия была старого формирования и имела большой процент солдат-ветеранов, 26-я дивизия была создана в 1811 году, но имела в своей основе контингенты из ранее созданных дивизий. Кор-

пус Раевского сумел в сражении под Салтановкой остановить 1-й французский корпус маршала Даву, имевший двойное превосходство в личном составе, и прекрасно проявил себя в Смоленском сражении. Перед Бородинским сражением корпус качественно был несколько ослаблен большим процентом маршевых пополнений из новобранцев.

7. 8-й корпус под командованием генерал-лейтенанта М. М. Бороздина. Корпус состоял из 2-й гренадерской и 27-й пехотной дивизий, сводной гренадерской дивизии 2-й армии и насчитывал 17 тыс. человек при 70 орудиях. 2-я гренадерская дивизия и сводная гренадерская дивизия относились к отборным частям русской армии и имели большой процент солдат-ветеранов, 27-я дивизия была сформирована последней перед войной и состояла в основном из молодых бойцов. Изначально она не входила в состав 8-го корпуса и была ему придана в качестве усиления. 27-я дивизия под командованием Неверовского показала себя одним из лучших соединений армии. Отрадив под Красным атаку конных корпусов Мюрата и частей корпуса Нея, эта дивизия, по сути, спасла русскую армию под Смоленском. В ходе Смоленского сражения 27-я дивизия бессленно участвовала в обороне города и первой вступила в генеральную битву, защищая Шевардинский редут.

8. 1-й резервный кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта Ф. П. Уварова. Корпус насчитывал 3470 человек при 12 орудиях.

9. 2-й и 3-й резервные кавалерийские корпуса под командованием генерал-майора и генерал-адъютанта Ф. К. Корфа и генерал-майора С. В. Дяткова. Корпуса насчитывали 6700 человек при 24 орудиях.

11. 4-й резервный кавалерийский корпус под командованием генерал-майора графа К. К. Сиверса. Корпус насчитывал 4300 человек при 12 орудиях.

12. 2-я кирасирская дивизия под командованием генерал-майора И. М. Дуки, имевшая в своем составе 2800 человек.

13. Артиллерийский резерв 1-й и 2-й армий в составе 4 батарейных рот, 8 легких рот и 5 конных рот. Всего 200 орудий.

Кадровый состав русской армии имел в целом большой боевой опыт, уже был проверен

Казаки гвардии

в боях с Наполеоном и отличался высоким уровнем подготовки. Несколько ослабляло кадровые части наличие в их составе только около 90 тыс. старослужащих бойцов, 15 600 человек прибыли только перед сражением и еще не были обстреляны.

Иррегулярные части состояли из казачьего корпуса под командованием генерала от кавалерии М. И. Платова в составе 1-й армии и казачьего корпуса под командованием генерал-майора А. А. Карпова в составе 2-й армии.

Корпус Платова более всего отличился в двухдневных боях за местечко Мир, где разбил 9 польских уланских полков, в том числе и полки Польской уланской дивизии генерала Турно. Корпус насчитывал в своем составе 5600 человек при 12 орудиях.

Корпус Карпова также имел огромный боевой опыт. Именно он при поддержке 3 тыс. солдат Тучкова 3-го героически сдерживал многократно превосходящий корпус генерала Нея в сражении при Валутиной горе, что дало возможность развернуть арьергард русской армии для боя и исправить едва не ставшую роковой ошибку командования. Корпус насчитывал в своем составе 3 тыс. человек.

В целом казачьи части можно считать равными кадровой кавалерии, хотя они и уступали ей по качеству конного состава и умению действовать в строю.

Всего 7 пехотных корпусов (15 пехотных дивизий, кавалерийская дивизия и пехотная бригада), 4 кавалерийских корпуса и кавалерийская дивизия, 2 казачьих корпуса.

Численность русской артиллерии значительных разночтений не вызывала, но что это были за силы по составу? Получившая в ходе реформ Зубова 1794 года конные роты и в ходе реформ Аракчеева 1805 года постоянный конный состав, сокращенный набор калибров и новые штаты, русская артиллерия к 1812 году стала, возможно, наиболее эффективной в мире.

Батарейная рота имела в своем составе 4 ½-пудовых единорога и 8 12-фунтовых пушек. Легкая рота имела в своем составе 4 ¼-пудовых единорога и 8 6-фунтовых пушек. Конная рота — 6 ¼-пудовых единорогов и шесть 6-фунтовых пушек. Батарейным ротам зачастую придавались два 3-фунтовых единорога, обычно в бою придаваемые егерям.

Всего в русской армии имелось 240 полевых единорогов, из которых примерно 70 — ½-пудовые и 140 — ¼-пудовые, кроме того имелось более 30 3-фунтовых горных единорогов. Пушек имелось 12-фунтовых примерно 150 и 6-фунтовых примерно 240. Это давало суммарный вес залпа более 6100 артиллерийских фунтов по штатным боеприпасам, или около 7300 артиллерийских фунтов при пересчете единорогов на сплошное ядро. Это обеспечивало по крайней мере на четверть больший вес суммарного залпа, чем могла обеспечить артиллерия армии Наполеона.

Этим силам противостояла наполеоновская армия, включавшая лучшие силы французской империи. Общая численность составляла, как уже говорилось выше, 133–135 тыс. человек при 587 орудиях. Из них на пехоту приходилось более 90 тыс., более 28 тыс. на кавалерию и более 16 тыс. на артиллерию и инженерные части.

1. 1-й пехотный корпус под командованием маршала Даву, князя Экмюльского и герцога Ауэрштедского. Корпус состоял из 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й пехотных дивизий. Это были образцовые части, укомплектованные в основном французами. Примерно 4/5 личного состава дивизий корпуса составляли опытные солдаты. Командующий корпусом маршал Даву по праву считался одним из лучших полководцев империи. Он начал карьеру с командира батальона, отличился в сражении при Абукире, в Ульмской операции и сражении под Аустерлицем, в сражении под Ауэрштедом Даву во главе корпуса в 27 тыс. человек наголову разгромил 40-тысячную прус-

скую армию, по сути выиграв этим сражением войну против Пруссии и получив за это герцогский титул. Княжеский титул Даву получил за свою роль в разгроме австрийцев при Экмюле и Ваграме. Удача начала изменять Даву только в походе в Россию. В сражении под Салтановкой он не смог разгромить корпус Раевского, хотя и остановил его атаку. Скромны были и успехи в Смоленском сражении. Но накануне Бородинской битвы именно корпус Даву взял штурмом Шевардинский редут.

1-й корпус насчитывал 36 400 человек при 143 орудиях и был сильнейшим корпусом армии Наполеона.

2. 3-й пехотный корпус под командованием маршала Нея, герцога Эльхингенского. Корпус состоял из 10-й, 11-й и 25-й пехотных дивизий. 10-я и 11-я дивизии состояли в основном из французских солдат, но уже с довольно большим процентом солдат других национальностей, в основном португальцев. Это были хорошо подготовленные и слаженные части, однако имевшие большой некомплект личного состава. 25-я дивизия была Вюртембергской и состояла в основном из немцев. К началу сражения в составе этой дивизии был лишь один полк неполного состава.

3-й корпус насчитывал 10 300 человек при 69 орудиях.

3. 4-й пехотный корпус под командованием вице-короля Италии, дивизионного генерала принца Евгения Богарне. Корпус состоял из 13-й и 14-й пехотных дивизий, итальянской королевской гвардии, Баварской кавалерийской дивизии и части кавалерии 4-го кавалерийского корпуса. 13-я и 14-я дивизии состояли в основном из французских солдат, но уже с довольно большим процентом солдат других национальностей, в основном хорватов и испанцев. Остальные части корпуса были немецкими и итальянскими. В целом части 4-го корпуса несколько уступали по боевым качествам частям 1-го и 3-го корпусов, но зато были наиболее полно укомплектованные.

4-й корпус насчитывал 24 300 человек при 88 орудиях.

4. 5-й пехотный корпус под командованием дивизионного генерала князя Понятовского. Корпус состоял из 16-й и 18-й пехотных дивизий и двух кавалерийских бригад. Корпус со-

стоял из польских войск и считался корпусом герцогства Варшавского. Польские части отличались стойкостью в обороне и упорством в наступлении, но имели к началу сражения значительный некомплект. Корпус Понятовского вместе с корпусом Даву принимал участие в сражении при Шевардино.

5-й корпус насчитывал 10 тыс. человек при 50 орудиях.

5. 8-й пехотный корпус под командованием маршала Жюно, герцога д'Абрантес. Корпус состоял из 23-й и 24-й пехотных дивизий и кавалерийской бригады. Обе дивизии были Вестфальские и состояли в основном из немцев. Так как к некомплекту добавилось еще отсутствие на поле боя части 24-й дивизии, то корпус Жюно, при неплохом качестве личного состава, оказался в этом сражении самым слабым из пехотных корпусов Наполеона.

8-й корпус насчитывал 8900 человек при 30 орудиях.

Кавалерия была представлена силами 1-го, 2-го, 3-го и 4-го кавалерийских корпусов и кавалерией пехотных корпусов под общим командованием вице-короля Неаполя и Обеих Сицилий маршала принца Мюрата.

6. 1-й кавалерийский корпус под командованием дивизионного генерала барона Брюера состоял из 1-й легкой кавалерийской дивизии и 1-й и 5-й тяжелых кавалерийских дивизий. Корпус имел многонациональный, хотя и в основном французский состав.

1-й кавалерийский корпус насчитывал 5100 человек и 25 орудий.

7. 2-й кавалерийский корпус под командованием дивизионного генерала графа Монбре-на состоял из 2-й легкой кавалерийской дивизии и 2-й и 4-й тяжелых кавалерийских дивизий. Корпус имел многонациональный, хотя и в основном французский состав и был самым сильным по численности из кавалерийских корпусов Наполеона.

2-й кавалерийский корпус насчитывал 5300 человек и 29 орудий.

8. 3-й кавалерийский корпус под командованием дивизионного генерала графа Груши состоял из 3-й легкой кавалерийской дивизии и 6-й тяжелой кавалерийской дивизии. Корпус имел многонациональный состав, в основном из французов, баварцев и саксонцев.

3-й кавалерийский корпус насчитывал 2900 человек и 10 орудий.

9. 4-й кавалерийский корпус под командованием дивизионного генерала Роджнецкого состоял из 4-й легкой кавалерийской дивизии и 7-й тяжелой кавалерийской дивизии. 4-я дивизия была польской, а 7-я – немецко-польской с преобладанием вестфальцев и саксонцев.

4-й кавалерийский корпус насчитывал 3500 человек и 24 орудий.

Всего же под командованием Мюрата находилось 19 700 человек и 94 орудия. Следует обратить внимание на большой процент тяжелой кавалерии в составе кавалерийских корпусов французской армии. Это усиливало ударные возможности французской армии и давало заметные преимущества во фронтальном столкновении.

10. «Старая гвардия», под командованием маршала Франсуа-Жозефа Лefевра, герцога Данцигского, состояла из 3-й гвардейской пехотной дивизии.

Гвардия представляла собой соединение из наиболее опытных и хорошо себя зарекомендовавших солдат. В гвардию брали солдат, прошедших не менее двух кампаний. Именно про гвардейцев в свое время писал знаменитый Денис Давыдов:

«Наконец подошла «Старая гвардия», посреди коей находился и сам Наполеон... Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хоть одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти испытанных воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля... Все наши азиатские атаки не оказывали никакого действия против сомкнутого европейского строя... колонны двигались одна за другой, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством. В течение этого дня мы еще взяли одного генерала, множество обозов и до 700 пленных,

но гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль перед рыбацкими лодками».

Это были отборные силы Наполеона.

«Старая гвардия» насчитывала 6120 человек и 32 орудий.

11. «Молодая гвардия», под командованием маршала Эдуарда-Адольфа Мортье, герцога Тревизского, состояла из 2-й гвардейской пехотной дивизии и польской дивизии «Легион Вислы».

«Молодая гвардия» насчитывала 7 тыс. человек и 28 орудий.

12. Гвардейская резервная кавалерия под командованием маршала Жан-Батиста Бессьера, герцога Истрийского, состояла из 6 бригад и имела в своем составе 4600 человек и 12 орудий.

13. Гвардейская резервная артиллерия под командованием дивизионного генерала графа Жана-Бартеlemi Сорбье, полковника гвардейской артиллерии, имела в своем составе 1200 человек и 37 орудий.

Артиллерия французской армии насчитывала, как известно, в общей сложности 587 орудий. Но большое значение при сопоставлении сил имеет качество и боевые возможности артсистем. Какие именно артсистемы и в каких количествах присутствовали у французов на Бородинском поле?

В исторической литературе принято считать, будто из 587 орудий французской армии в Бородинском сражении только 10% составляли батарейные орудия (М. И. Богданович,

А. П. Скугаревский, Даффи и др.). Но подобную цифру можно принять только для 12-фунтовых пушек. Известно, что при вступлении в Россию наполеоновская армия имела 14% тяжелых орудий, а это 12-фунтовые пушки и 8-фунтовые гаубицы. Кроме этих орудий к тяжелой артиллерии можно отнести и длинные 6-фунтовые гаубицы, которые примерно сопоставимы с нашими $\frac{1}{2}$ -пудовыми «единорогами», которые мы отнесли к тяжелой артиллерии. Близки были по мощи и короткие 6-фунтовые и новые 24-фунтовые (5,5-фунтовые) гаубицы. Точное количество орудий по каждой артсистеме определить не представляется возможным из-за крайнего разночтения источников, когда 6" гаубицы называют 6-фунтовыми, 8" «пруссские» гаубицы, имевшие «каменный вес 24 фунта, приравнивают к 24-фн (5,5-фунтовым), хотя по весу чугунного ядра они соответствуют 68-фунтовым, а 8-фунтовые «грибовалевские» пушки считают как 6-фунтовые нового образца.

Но общую картину по французской артиллерии рассчитать вполне возможно. Всего у французов имелось на поле боя 120 гаубиц, из которых 8-фунтовые «пруссские» насчитывали 20 единиц. Остальные сто – это вполне сопоставимые по возможностям 6" длинные и короткие гаубицы и 5,5-фунтовых новые гаубицы. Вместе с шестью десятками 12-фунтовых пушек это дает примерно 180 стволов тяжелой артиллерии, из которых 80 (12-фунтовые пушки и 8-фунтовые гаубицы) превосходят по огневой мощи и дальности русские тяжелые орудия.

Полковая артиллерия, насчитывавшая 98 орудий, была представлена маломощными легкими 3-фунтовыми и 4-фунтовыми пушками. Учитывая, что 4-фунтовые пушки входили и в состав резервной артиллерии дивизий, то общее количество малокалиберных орудий составит порядка трети французской артиллерии на поле боя.

Остальная артиллерия была представлена 8-фн «грибовалевскими» и новыми 6-фунтовыми орудиями. При этом обычно данные орудия были представлены в тех же батареях, что и 6-фунтовые и 24-фунтовые (5,5-фунтовые) гаубицы в пропорции 2 гаубицы и 6 пушек, либо в пушечных конных батареях. Хотя, например, в «Молодой гвардии» дивизионные

Французские 6-фунтовая пушка и 6-дюймовые гаубицы

Французская конная артиллерия

батареи были чисто пушечными с 8-фунтовыми пушками.

Так что картина, нарисованная Энгельсом и Тарле, о том, что французская артиллерия была в основном представлена 3-фунтовыми и 4-фунтовыми пушками, не соответствует действительности. Но в целом, хотя французская артиллерия уступала по численности русской всего на 6%, по весу залпа она уступала на четверть. Единственным преимуществом Наполеона было 80 орудий, превосходящих по мощи сильнейшие русские орудия. Однако опыт предыдущих войн показал, что это преимущество было крайне трудно реализуемое в силу малой мобильности столь мощных орудий и малого процента попаданий на больших дистанциях. Именно учет этого опыта привел к тому, что русские полевые войска отказались от 12-фн пушки большой пропорции, которая

была равноценна 12-фн «грибовалевской» пушке и даже чуть превосходила новую французскую 12-фн пушку.

В целом у Наполеона было небольшое численное превосходство. При этом в пехоте превосходство было почти на 10% (без учета ополчения). Качественно русская пехота могла бы в целом считаться несколько лучше французской, если бы не была разбавлена почти на 20% новобранцами. С учетом новобранцев качество русской пехоты можно считать несколько худшим, что должно было больше всего сказаться на инициативности рядового состава на поле боя.

Кавалерия французов численно практически не имела превосходства над русской, но из-за того, что почти $\frac{1}{3}$ русской конницы была иррегулярной (казаки) и в регулярной русской кавалерии был невелик процент тяжелой конницы (5500 в двух дивизиях против более чем 11 тыс. у французов), французская конница как боевая сила на поле боя была гораздо более значима, чем русская, и должна оцениваться, как имеющая значительное преимущество.

Так что численное превосходство Наполеона в живой силе усугублялось лучшим в целом качеством пехоты и кавалерии и более подходящим для боя составом конницы. И по общей мощи пехоты и кавалерии русская армия уступала почти так же, как французская – в артиллерии.

Соотношение сил приведено на начало Бородинского сражения. То есть уже после боя за Шевардинский редут.

Первоначальное развертывание и русская позиция

Одним из наиболее странных событий, связанных с Бородинской битвой, является выбор русским командованием позиции и размещение войск на этой позиции. И этот выбор служит основной причиной критики Кутузова со стороны историков. Эта критика опирается в том числе на записки таких известных участников событий, как Барклай-де-Толли, Беннигсен, Ермолов, Толь. Например, Беннигсен, согласно его «Запискам...», считал необходимым «наш правый фланг опереть на деревню Горки и двинуть все остальные войска нашего правого фланга на поддержку левого крыла». Барклай-де-Толли, если верить его сочинениям, убеждал Кутузова «при наступлении темноты исполнить с армиею движение так, чтобы правый фланг 1-й армии отступил на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус. Сие расположение не переменяло бы боевого порядка; каждый имел при себе собранные войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть сбережены до последнего времени, не будучи рассеяны и, может быть, решились бы сражение. Князь Багратион, не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля». При этом Барклай ручался за успех. И за вроде бы необъяснимый отказ Кутузова и критикуют чаще всего современные историки.

Кстати, все эти воспоминания появились из-под пера людей, уже знавших к моменту написания, как именно прошло сражение. Масла в огонь добавляют утверждения французских участников событий, таких как генералы Ж. Рапп, Ж. Ж. Пеле, Ф. Сегюр. По их словам, правый фланг русской армии «был столь же неприступен, как и неопасен».

Но что же именно вызывало такое недоумение действий Кутузова и критику позиции? В первую очередь это размещение на линии Бородино–Маслово 4 корпусов и казаков Платова. То есть главные силы русской армии были размещены там, где вообще никаких атак противника не производилось. К этому добавляется оценка как совершенно бесполезных хорошо подготовленных и вооруженных тяжелой артиллерией Масловских флешей.

Из каких же соображений исходили Кутузов и Толь, размещая войска именно таким образом? Для того чтобы понять, обратимся к схеме № 1. Как видно из этой схемы, Шевардинский редут был никак не передовой позицией, как часто утверждается, а частью единого фронта от Маслова до Шевардина, опиравшегося на целый ряд естественных преград и оборонительных сооружений. Почему была выбрана именно такая линия построения? Одно важное требование является константой – необходимость перекрыть Новую Смоленскую дорогу.

Атаман Платов

Кроме того, было явное желание заставить французов штурмовать позицию с северо-запада, через реку Колочу.

Что касается самого критикуемого участка – Масловских флешей, – то можно отметить, что даже при северо-западном направлении атак французов значение мощной батареи Масловских флешей невелико.

Зачем флешы с тяжелой артиллерией? А флешы нужны в силу важности позиции при возможном захвате их французами. В этом случае русская армия отбрасывается от Новой Смоленской дороги и лишается возможности отойти на Можайск. Это катастрофа. Так что оборонительные сооружения под Масловом – своеобразная страховка от худшего варианта.

А как быть с тяжелой артиллерией, направленной на север? Дело в том, что всего в 6 верстах от деревни Бородино, у местечек Аксиньино и Рахманово, находятся броды через Москву-реку. И в том же месте, вдоль северного берега Москвы-реки идет Гжатский торговый тракт, который через Марфин брод выходит к Можайску в тылу русских позиций.

Следует вспомнить, что Наполеон прекрасно умел использовать маневр с переброской

сил через водные преграды для охвата противника или принуждения его к тем маневрам, которые требовались французскому полководцу. При этом Кутузов лично сталкивался с этим умением Наполеона во время своего отступления в Австрии под Кремсом, когда русская армия чуть не была отрезана переброшенными на северный берег Дуная силами Мортье. Тогда Кутузову удалось парировать подобный маневр. Но уже под Смоленском Наполеон подобным маневром, но уже осуществленным главными силами, поставил русские армии на грань разгрома, от которого их спас только героизм, проявленный 27-й дивизией Неверовского.

При этом мы исходим из того, что главные силы Наполеона наступали по обеим Смоленским дорогам. Но это известно сейчас, а тогда Кутузов не мог знать, что противник не пустит тот же корпус Богарне по Гжатскому тракту. В этом случае французы оказывались бы избавлены от необходимости переправляться через реку Москву вблизи русской армии.

Так что батарея на Масловских флешах позволяла держать под наблюдением и обстрелом Гжатский тракт, простреливая северный берег реки Москвы вплоть до леса за Гжатским трактом. Она позволяла замедлить или сорвать возможное продвижение вражеских войск и дать Кутузову время для маневра или отхода к Можайску. Вывод: Масловские флешы – это не ошибка или сомнительное решение Кутузова, а совершенно четкий и, скорее всего, лучший способ парирования небольшими силами вполне характерного для Наполеона маневра.

Теперь переберемся на противоположный фланг, к Шевардинскому редуту. Совершенно очевидной причиной выбора этой точки для сооружения укрепления было то, что это была самая значительная высота на поле. Конечно, южнее были и более высокие возвышенности, но они не имели интереса, так как были покрыты кустарником и лесом. В итоге Шевардинский редут оказался господствующей высотой на Бородинском поле. Но, судя по общему расположению русских войск, размещение у Шевардино тяжелой батареи должно было заставить Наполеона действовать в соответствии с русским планом, то есть разворачивать силы на северо-западе от русской линии, на поле се-

вернее деревни Бородино. А для этого требовалось иметь возможность простреливать Новую Смоленскую дорогу до ее выхода из леса западнее Валуева (схема № 1). Это ставило Наполеона перед выбором: либо вступать в сражение с марша, что явно невыгодно в генеральном бою, либо выводить войска из зоны обстрела для развертывания. Наиболее естественным в таком случае выглядит развертывание французов на самом обширном поле на линии Логиново–Беззубово и севернее Валуева. То есть французская армия оказывается перед русским фронтом и должна атаковать его через реку Колочу. Ну или попытаться сманеврировать в обход позиции севернее реки Москвы.

Развертывание без боя на линии от Новой до Старой Смоленских дорог, до входа в сектор обстрела батареи Шевардинского редута (Головина-Ельня), тоже мало что дает Наполеону. В этом случае французская армия нависает над флангом русских войск, но должна будет наступать через довольно широкий лес, не имея возможности поддержать наступление огнем тяжелой артиллерии из-за отсутствия удобных позиций для последней. Подобное направление ограничивает используемые силы и принуждает выстраиваться для атаки уже на опушке у Доронино, в зоне не просто досягаемости, а эффективного огня батареи Шевардинского редута.

Собственно, эта версия подтверждается в одной из редакций рапорта императору Александру I о Бородинском сражении и самим М. И. Голенищевым-Кутузовым: «...построенный нами 24-го числа редут, а также егеря, засевшие в рвах и кустарниках на правом берегу реки Колочи и занимавшие деревни Фомкину, Алексину и Доронино, весьма затрудняли приближение неприятеля по большой дороге...» О том же писал в своей фундаментальной работе по войне 1812 года А. И. Михайловский-Данилевский. Он полагал, что одной из задач Шевардинского редута было «удобство действовать во фланг наступающим по большой дороге к Бородину колоннам». Современник событий Д. П. Бутурлин писал: «Огонь, производимый из редута, при селе Шевардине построенного, равно и российскими стрелками... весьма беспокоил проходившие неприятельских колонн по большой дороге». Так что

основной задачей Шевардинского редута, кроме собственно обеспечения устойчивости фланга армии, являлось ограничение маневра Наполеона на момент развертывания его войск перед сражением.

Основным возражением против данной версии служат утверждения о невозможности ведения огня с Шевардинского редута по Новой Смоленской дороге. При этом основной упор делается на большую дистанцию. Кстати, именно это возражение мешает осознать и значение Масловских флешей. Обычно историки ссылаются на Кутайсова и на существующие в русской армии нормативы по ведению артиллерийского огня. Например, в параграфе третьем статьи Столыпина «Как батарея должна действовать» предлагалось: «На 400 сажен расстояния выстрелы невыгодны; от 300 до 200 они становятся точнее; но ближе 200 они весьма смертельны; посему на первом расстоянии должно стрелять медленно и редко, на втором скоро, на третьем поспешнее и стремительно» (в подлиннике – расстояния указаны прописью). А вот что рекомендовалось в пункте «1» правил Кутайсова: «В полевом сражении выстрелы за 500 саженей сомнительны, за 300 довольно верны, а за 200 и за 100 смертельны... Следовательно, когда неприятель еще в первом расстоянии, то должно стрелять по нем редко... во втором расстоянии стрелять чаще... и напоследок наносить удары со всевозможною скоростью...»

Но при этом забывают, что речь идет об эффективном огне по таким мишеням, как, например, батальонная колонна. Действительно, вероятность попадания в подобную цель из 12-фунтовой пушки на дистанции 400–500 саженей была меньше 40%. А тут речь идет о дистанциях 1 тыс. саженей и более. Но, как показывает пример самой Бородинской битвы, французы эффективно обстреливали Багратионовы флешы с такой же дистанции – порядка 1 тыс. саженей. Судя по всему, обычно исследователи и историки путают эффективный огонь по конкретным единичным целям (даже типа батальонной колонны) и эффективную стрельбу по площадным целям (походные порядки пехотного корпуса или расположение главных сил неприятеля). Но когда речь идет об обстреле городов или больших масс войск на поле боя

Начальное развертывание русской армии

или на марше, то огонь на предельные дистанции вполне допустим и актуален.

Перенесение основного направления действий с Новой на Старую Смоленскую дорогу было оценено как не особо значимое ввиду заброшенности Старой дороги и лесистой местности в ее районе. Более вероятным, похоже, считалось продвижение французов не южнее, а севернее Новой Смоленской дороги. Да, собственно, так оно и было, севернее, по проселкам, шел корпус Богарне, который был в два с половиной раза больше идущего по Старой Смоленской дороге корпуса Понятовского. Однако возможность обхода предусматривалась – и для его парирования было осуществлено выдвижение резервов в район Старой Смоленской дороги и начато сооружение Багратионовых флешей.

Центр русской позиции, а точнее, стык левого фланга и центра, опирался на построенное южнее Бородина укрепление – курганную батарею, которая фланкирующим огнем прикрыва-

вала нашу линию на левом фланге и совместно с Шевардинским редутом позволяла обеспечить устойчивость фронта не меньшую, чем в центре и на правом фланге, где фронт прикрывался крутыми берегами реки Колочи.

Что же получается в итоге? Весьма разумное и продуманное расположение русской армии в соответствии с требованиями военной науки того времени. При этом развертывание противника было затруднено и много внимания было уделено защите от таких действий противника, которые могут привести русскую армию к катастрофе даже без прямого разгрома на поле боя. Кутузов не зря считался прекрасным полководцем – он образцово выбрал позицию и провел развертывание. Таким образом, Наполеон был поставлен в крайне неудобное положение еще до начала боя. Но император Франции не уступал в военном искусстве Кутузову. И как он сумел выкрутиться из цугцванга, который ему пытался навязать русский командующий, мы узнаем в следующей главе.

Бой за Шевардинский редут

Накануне главного сражения, ранним утром 24 августа (5 сентября), русский арьергард под командованием генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, находившийся у Колоцкого монастыря в 8 км к западу от расположения главных сил, был атакован авангардом противника. Завязался многочасовой упорный бой. Но после того как было получено известие об обходном движении противника, Коновницын отвел войска за реку Колочу и присоединился к корпусам, занимавшим позицию в районе деревни Шевардино. Около Шевардинского редута был размещен отряд генерал-лейтенанта А. И. Горчакова. Всего под командованием Горчакова находилось 11 тыс. войск и 46 орудий.

Силы Гочакова и находящиеся поблизости войска располагались следующим образом. На самом редуте было размещено двенадцать орудий 12-й батареей роты под командованием подполковника Винспера. За Шевардинским редутом стояла в батальонных колоннах 27-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского: Одесский и Симбирский пехотные полки – в первой линии, Виленский и Тарнопольский – во второй. Шесть егерских полков – 5-й, 6-й, 41-й, 42-й, 49-й и 50-й – заняли позиции от хутора Алексинки вверх по реке Колоча, в кустах и оврагах ее правого берега, затем – от деревни Доронино, в Доронинской роще, и далее –

Взятие редута французскими гренадерами

в кустарнике до самой дороги в д. Ельню. Севернее деревни Шевардино встали Харьковский и Черниговский драгунские полки. Новороссийский и Киевский драгунские – позади деревню Доронино, поддерживая егерей в Доронино и роще, а два эскадрона Ахтырского гусарского полка прикрывали восьмиорудийную батарею 9-й конной роты, которая находилась на возвышенности южнее редута. Кроме того, справа от редута находились шесть орудий 23-й легкой роты, двенадцать орудий 47-й легкой роты и четыре орудия 21-й легкой роты, а также четыре орудия 9-й конной роты. В тылу 27-й пехотной дивизии уступом влево стояла 2-я кирасирская дивизия генерал-майора Дуки в полковых ко-

лоннах. Значительно далее – у ручья Каменка – была расположена 2-я гренадерская дивизия под командованием генерал-майора К. Мекленбургского. 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора Воронцова, четыре батальона которой тоже приняли участие в «деле», первоначально находилась у деревни Семеновской. Всего, таким образом, в Шевардинском бою с русской стороны приняло участие, с учетом переданных во время боя Горчакову резервов, 36 батальонов пехоты, 38 эскадронов кавалерии и 46 орудий.

Для прикрытия Старой Смоленской дороги остались 6 казачьих полков генерал-майора А. А. Карпова 2-го. Армия Наполеона подходила к Бородину тремя колоннами. Основные силы – три кавалерийских корпуса Мюрата, пехотные корпуса Даву, Нея, Жюно и гвардия – двигались по Новой Смоленской дороге. Севернее их наступали пехотный корпус вице-короля Евгения Богарне и кавалерийский корпус Груши. По Старой Смоленской дороге приближался корпус генерала Понятовского. Для атаки редута Наполеон выдвинул 1-ю (Моран), 2-ю (Фриан) и 5-ю (Компан) дивизии 1-го корпуса Даву, кавалерийские корпуса Мюрата и впоследствии корпус Понятовского. Хотя первоначально вся тяжесть штурма легла на 5-ю дивизию Компана.

5-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса маршала Даву имела отличную репутацию. Полки дивизии, вокруг имени которых нередко возникали легенды (к примеру, 57-й линейный еще с Итальянского похода носил прозвище «грозный»), состояли из испытанных, большей частью французских солдат-ветеранов. Командовавший дивизией сорокатрехлетний дивизионный генерал Жан-Доминик Компан был одним из самых опытных и талантливых генералов французской армии. На 2 сентября 1812 года 5-я дивизия включала в себя 4 полка линейной пехоты, сводный вольтижерский полк и две артиллерийские роты. Всего: пехоты – 9838 человек, артиллерии – 520 человек, лошадей (в артиллерии) – 462; 30 орудий. Всего же против защитников укрепления было направлено 35 тыс. пехоты и кавалерии, 180 орудий.

Неприятель, охватывая Шевардинский редут с севера и юга, пытался окружить войска Горчакова. По русской версии боя, французы

Петр Петрович Коновницын

дважды врывались на редут, и каждый раз пехота Неверовского выбивала их. На Бородинское поле спускались сумерки, когда противнику еще раз удалось овладеть редутотом и ворваться в деревню Шевардино, но подошедшие русские резервы из 2-й гренадерской и 2-й сводно-гренадерской дивизий отбили редут. Бой постепенно ослабел и наконец прекратился. Кутузов приказал генерал-лейтенанту Горчакову отвести войска к главным силам.

Вот как описывает бой за Шевардинский редут Михайловский-Данилевский: «Коновницын принужден был отступить и приблизиться к Бородину. Полки арьергарда начали входить в состав корпусов, к коим принадлежали, и, вступая на позицию, открывали взорам неприятеля русскую армию, устроенную в боевой порядок. Доступ к ней преграждался редутотом при Шевардине. Наполеон приказал овладеть им. Защита редута как отдельного укрепления была бы с нашей стороны без цели, если бы князь Кутузов не имел надобности выиграть несколько времени, приводя к окончанию инженерные работы, начатые на позиции».

Как видно из описания, арьергардный бой плавно стал перетекать в бой за Шевардинский редут. При этом очевидна и помеха, создавае-

Бой за Шевардинский редут

мая редутом для развертывания французов, и решимость Наполеона эту помеху убрать. Отсюда и нестандартное, смелое решение атаковать с марша фланговый редут в виду главных сил противника.

«Неприятель шел, по большой дороге и по сторонам, в трех колоннах, державшихся на одной высоте. Часа в два пополудни французы начали переходить Колочу у Фомкина и Валуева и направляться на редут. Понятовский следовал туда же от Ельны. В редуте было 12 батарейных орудий. Войска, назначенные для обороны его, под начальством князя Горчакова, состояли из 27-й дивизии, пяти гренадерских полков, 5-го егерского, двух сводных гренадерских батальонов, двух драгунских полков и 2-й кирасирской дивизии. Князю Горчакову надобно было защищать редут, вправо деревню Шевардино и влево лес, на Старой Смоленской дороге. Завязалась перестрелка. Державшись более часа, наши егеря и фланкеры отступили, потому что неприятель, под личным управлением Наполеона, пошел на укрепления колоннами, предшествуемый огнем многочисленной артиллерии. Чрезмерное превосходство сил, двинувшихся в атаку, заставило князя Горчакова ввести тотчас в дело гренадер, но пока они подходили, редут и стоявшие для его обороны войска были засыпаны ядрами, гранатами, картечами, пулями. Французские колонны ворвались в укрепление, однако торжество их было непродолжительно. Гренадерские полки, перед которыми шли священники в облачении, с крестом в руках, скоро поравнялись с укрепленной батареей и выгнали из нее неприятеля. Завязался рукопашный бой. То наши опрокидывали французов, то французы подавали нас назад. Два раза неприятель вторгался в редут, но не мог в нем утвердиться. Кровопролитие продолжалось до вечера. Редут, село Шевардино и лес на левом крыле остались окончательно за нами.

Казалось, что с наступлением мрака сражение прекратилось, потому что пальба с неприятельской стороны затихла. Когда совсем смерклось, слышалось между редутом и Шевардиным приближение войск. Сперва нельзя было в темноте увидеть числа их. Загоревшиеся в расположении неприятельском стоги сена озарили светом свою густую колонну, направ-

лявшуюся косвенно в правый фланг наш. Князь Горчаков послал за 2-й кирасирской дивизией, а Неверовскому с 27-й дивизией велел остановить французов, которые в темноте не могли видеть русских войск. Неверовский приказал бывшему впереди полку ссыпать порох с полка, и подойдя к неприятелю, ударить в штыки. Приказание исполнено в мертвой тишине. Взятые внезапно во фланг, французы оробели, остановились, побежали. Наши смешались с врагами, кололи и гнали их. Подоспела 2-я кирасирская дивизия и довершила поражение неприятеля, принужденного в бегстве своем бросить 5 орудий. Три подбитые пушки остались на месте, две вывезены кирасирами. Сражение прекратилось. К полуночи заметили снова приближение французских колонн. Далее удерживать редут стало бесполезно, по отдаленности его от позиции. Главнокомандующий велел князю Горчакову отступить».

Несколько иное описание Шевардинского боя дает с французской стороны Сегюр: «Тотчас были захвачены деревни и леса. На левом фланге и в центре – это были Итальянская армия, дивизия Компана и Мюрата; на правом фланге – Понятовский. Атака стала всеобщей, так как армия Италии и Польская появились одновременно на двух крылах большой императорской колонны. Эти три массы отбросили на Бородино русские арьергарды, и вся война сконцентрировалась на одном участке. Прикрытие было снято, и был открыт первый русский редут; слишком выдвинутый вперед от левого фланга их позиции, он защищал его, не будучи сам защищенным. Неровности местности должны были стать его преградой».

И снова, несмотря на отличия, описание указывает на редут как на преграду к развертыванию и показывает атаку французов с марша, без предварительного развертывания и рекогносцировки, на русское укрепление.

Далее Сегюр пишет: «Компан ловко воспользовался рельефом местности, ее возвышения послужили платформой его пушкам, чтобы бить по редуту, и убежищем его пехоте, чтобы построить ее в колонны для атаки. 61-й полк шел первым: редут был взят одним махом и в штыки, но Багратион послал подкрепления, и его отбили. Три раза 61-й полк вырывал его у русских и три раза он был отбит, но наконец он

был удержан, весь окровавленный и наполовину разрушенный.

На следующий день, когда император делал смотр этому полку, он спросил, где же его третий батальон: «Он остался на редуте!» – ответил ему полковник. Но дело не было еще закончено там: соседний лес кишел еще русскими стрелками; они выходили каждую минуту из этого логова, чтобы возобновить свои атаки, которые поддерживали три дивизии. Наконец атака Шевардина Мораном и та, что из лесов Ельни Понятовского dokonчили надоевшие войска Багратиона, и кавалерия Мюрата очистила равнину. Это стало результатом упорства испанского полка, который обескуражил врагов: они уступили, и этот редут, который был аванпостом, стал теперь нашим <...>

Император спал мало. Генерал Коленкур пришел с захваченного редута. Ни одного пленного не попало в наши руки, и Наполеон, удивленный, забросал его своими вопросами. «Разве его кавалерия не атаковала вовремя? А эти русские решили победить или умереть?» Ему ответили, что, доведенные до фанатизма их военачальниками и привыкшие драться с турками, которые кончают своих пленных, они предпочли покончить с собой, чем сдаться противнику. Император погрузился тогда в глубокое раздумье».

Старший из Коленкуров, бывший посол в России, описывал бой за Шевардино более кратко и еще менее героически для русских: «Император оставался лишь один момент в своей палатке, находившейся, по обыкновению, в центре гвардейского каре, а затем поспешил туда, где наше правое крыло атаковало два редута, поддерживающих левый фланг неприятеля».

Здесь самым важным является момент, что Коленкур воспринимал атакующие Шевардинский редут силы как правый фланг армии Наполеона. То есть первоначально главные силы французов естественным образом разворачивались на поле западнее и северо-западнее Бородине, как и хотел Кутузов. Но Наполеон не принял правила игры противника. Далее Коленкур описывает собственно бой: «Эта атака была проведена с такой силой, что мы овладели редутами меньше чем в течение часа. Войска получили приказ оставаться в боевой позиции,

На поле боя под Москвой

а пехота – сохранять каре. Хорошо, что император проявил эту предусмотрительность, так как через полчаса после наступления вечерней темноты, когда бой давно уже был окончен, русские кирасиры, поддержанные пехотой, энергично атаковали наше каре, направляясь к этим редутам; они, бесспорно, надеялись в сумятице ночного сражения принудить нас эвакуировать редуты и отбить их обратно. Первое каре, захваченное врасплох, потеряло несколько человек и орудий, но остальные, предупрежденные пальбой первого каре, держались твердо. Русские кирасиры потерпели большой урон от нашего артиллерийского и ружейного огня, а к тому же их атака была плохо поддержана, и они должны были отступить и отказаться от обладания этими редутами, которые служили ключом к русским позициям. Наши войска выиграли даже некоторое пространство, преследуя кирасиров в темноте, и мы утвердились на опушке леса, которую для врага было бы весьма важно сохранить за собой хотя бы для того, чтобы задержать наши атаки и следить за нашими передвижениями».

Таким образом, из этих описаний, несмотря на все их различия, можно сделать вывод, что Наполеон сразу оценил значение Шевардинского редута и, вместо ожидаемого выхода на Бородинское поле севернее Новой Смоленской дороги, прямо с марша, уже во второй половине дня, атаковал Шевардино силами корпуса Даву, то есть лучшими не гвардейскими частями, прикрываясь от возможной атаки с левого фланга корпусом Богарне и имея в резерве остальные корпуса и гвардию. При этом атаки на редут велись с трех сторон, и бой не прекратился с наступлением темноты. По этой

причине, во избежание неожиданностей, русским пришлось разрывать боевой контакт и отводить войска на Семеновские высоты, к флешам. Чтобы избежать продвижения французов на плечах отходящих сил, пришлось использовать для дезинформации противника звуковые сигналы к атаке во время отхода.

Большое значение Шевардинского редута подтверждается французскими источниками. Например, капитан Э. Лабом утверждал, что «ведущийся с Шевардинского редута убийственный огонь нес ужас в наши ряды».

Таким образом, взяв редут, Наполеон сумел сделать самое важное: обеспечить позицию для развертывания главных сил не там, где ему пытался это навязать Кутузов, а за флангом русской армии, после чего немедленно приступил к этому более выгодному для себя развертыванию. Такой маневр Наполеона заставил Кутузова с ходу пересмотреть план боя и начать в уже наступавшей ночи перегруппировку сил – что также ясно описано у Михайловского-Данилевского: «С укрепленных высот наших, особенно с колокольни Бородина, видно было, как французы все более и более подавались вправо, как леса наполнялись их стрелками, и артиллерия, пробираясь разными тропами, выезжала на холмы и пригорки. Замечая скопление неприятеля на нашем левом крыле, князь Кутузов приказал сделать некоторые перемены и в размещении войск: сводным Гренадерским батальонам второй армии, графа Воронцова, занять укрепление у Семеновского; за графом Воронцовым, во второй линии, стать 27-й дивизии, Неверовского; позади Семеновского 2-й гренадерской дивизии, принца Мекленбургского; корпусу Тучкова, подкрепляемому 7 тыс. Московского ополчения, отделиться из резерва и стать, не доходя до Утицы, на Старой Смоленской дороге, которая была в версте от нашего левого крыла и, проходя через

лес, склонялась в тыл позиции. Остальные полки ополчения Смоленского и Московского размещены позади линий, для подания помощи раненым. Четыре егерских полка посланы в лес и кусты между Утицей и Семеновским, охранять связь между корпусом Тучкова и 2-й армией. Главную квартиру свою князь Кутузов перенес из Татаринова в Горки».

Получается, что именно в результате действий французов и стали бесполезными Масловские флешы, а Семеновские (Багратионовы) флешы сразу вышли на первый план. Резко возросло и значение Старой Смоленской дороги в качестве пути возможного охватывающего маневра французов. А весь центр тяжести ожидаемых событий сместился к югу. Наполеон получил в результате своей рискованной атаки в качестве исходной позиции господствующую высоту. При этом ему уже не нужно было прорывать укрепленную линию, опирающуюся на сильную естественную преграду в виде реки Колоча, имевшей русло с обрывистыми и труднодоступными берегами. Таким образом, на стадии развертывания Наполеон сумел «переиграть» Кутузова и «выровнять» позиции. Дальнейшую судьбу сражения должно было решить искусство полководцев собственно на поле сражения, соотношение сил и эффективность использования этих сил.

Потери французской стороны при взятии Шевардинского редута оцениваются в большинстве французских источников в 4–5 тыс. человек убитыми и ранеными. Русские потери точно не указываются нигде даже по подразделениям, но, по утверждению Баркляя-де-Толли, они составили примерно 6–7 тыс. Большие потери русской армии в бою за Шевардино объясняются явным преобладанием в этом бою французской артиллерии и общим численным превосходством и охватывающим положением французов, что позволяло им поражать русские войска перекрестным и фланкирующим огнем.

Планы сторон

Как видно из соотношения сил, возможности сторон были довольно близки. Так как собирались построить свои действия Наполеон и Кутузов? Что такое видели эти полководцы, чего не видели и их современники, и историки? Совершенно очевидно и отмечено практически всеми, что Наполеон собирался строить бой от наступления, а Кутузов – от обороны.

Перед сражением русская армия развернула в линию 2-й, 4-й, 6-й, 7-й и 8-й корпуса, имея в резерве 5-й гвардейский корпус. Корпуса кордебаталии разворачивали пехотные полки в две линии батальонных колонн на боевых интервалах, которые позволяли при атаке противника развернуть батальоны каждой линии в 4-шереножный строй для отражения атаки огнем и штыком. В линии пехотных корпусов находилось 25 артиллерийских рот (около 300 орудий). Перед линиями батальонных колонн, на расстоянии 0,2–1,5 км, разворачивались егерские бригады в рассыпном строю и ротных поддержках. Позади линии пехотных корпусов находились кавалерийские корпуса, играющие роль подвижного резерва и предназначенные для контратак. В одной линии с кавалерийскими корпусами находилось еще 9 артиллерийских рот (около 100 орудий). За правым флангом, продолжая линию кавалерийских корпусов, находились казаки Платова и кавалерийский корпус

Уварова. С другой стороны, с разрывом примерно в версту от левого фланга, на Старой Смоленской дороге стоял 3-й корпус Тучкова и еще левее – казаки Карпова. За левым флангом стояло ополчение. В резерве, кроме 5-го гвардейского корпуса и 1-й кирасирской дивизии, находились еще 22 артиллерийские роты (около 250 орудий). Необычным новшеством для полевого сражения было выделение половины артиллерии, более 300 орудий, в артиллерийский резерв. Но это новшество определялось в соответствии с пунктами № 2 и № 3 принятых перед самой войной «Общих правил для артиллерии в полевом сражении», разработанных командующим артиллерией 1-й армии графом Кутайсовым. В них говорилось:

«2. С начала сражения скрывать число своей артиллерии, но увеличивать ее в продолжение дела, чрез что от неприятеля скроется пункт вашего нападения, а если б он был атакующий, то встретил бы артиллерию там, где бы, может быть, ее и не предполагал.

3. Когда еще не примечено настоящее намерение неприятеля, то батареи должны состоять из малого числа орудий и быть рассеяны в разных местах. В сем положении вы представляете собою малую цель, а сами имеете более средства ему вредить косвенными и перекрестными выстрелами и затруднить в его предприятиях».

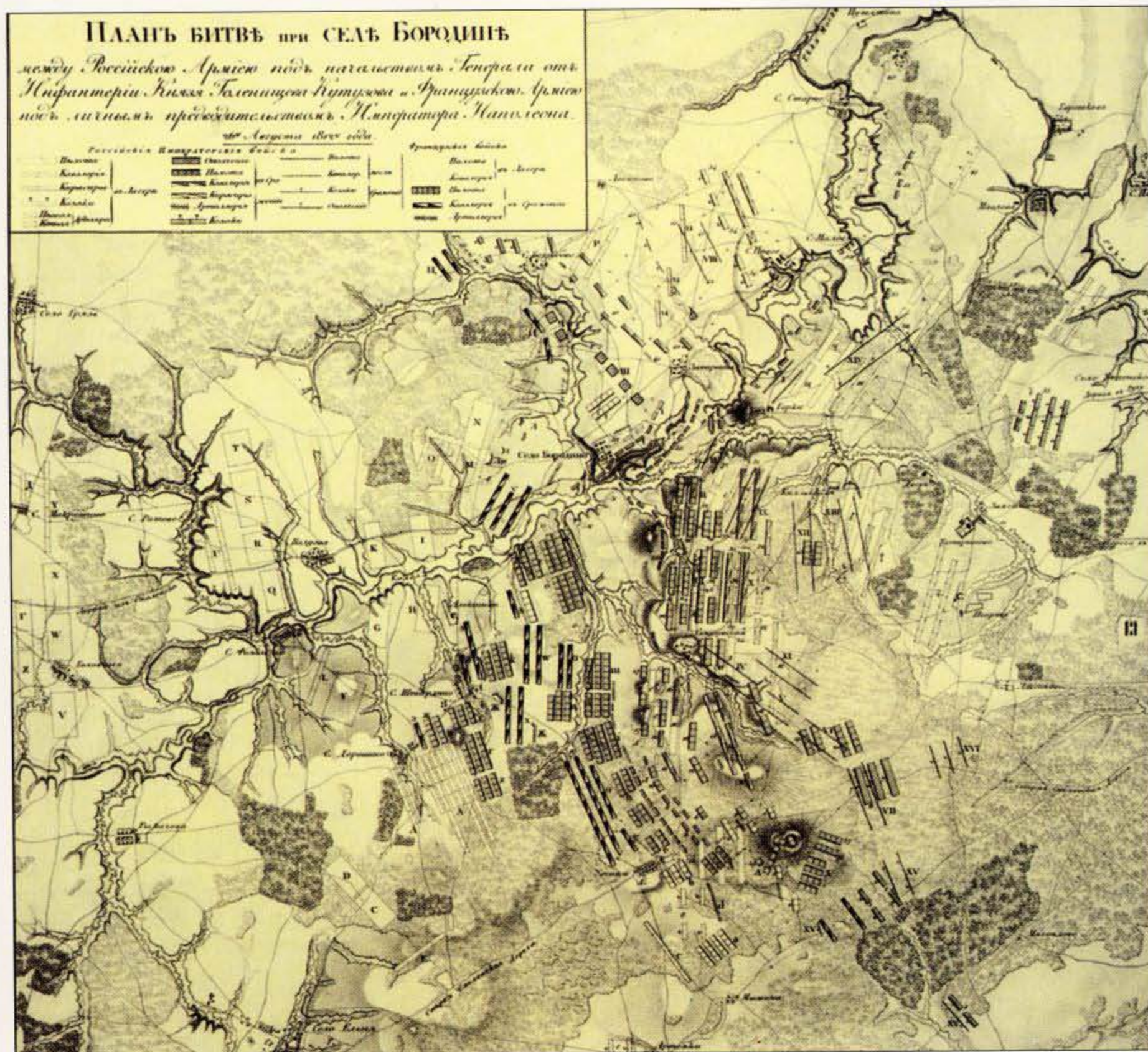

План битвы при Бородине генерал-лейтенанта Толя

Кутузов вообще делал очень серьезную ставку на артиллерию для обеспечения стойкости своих боевых порядков, здесь достаточно процитировать часть инструкции Кутайсова для Бородинской битвы: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, что неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нане-

сет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

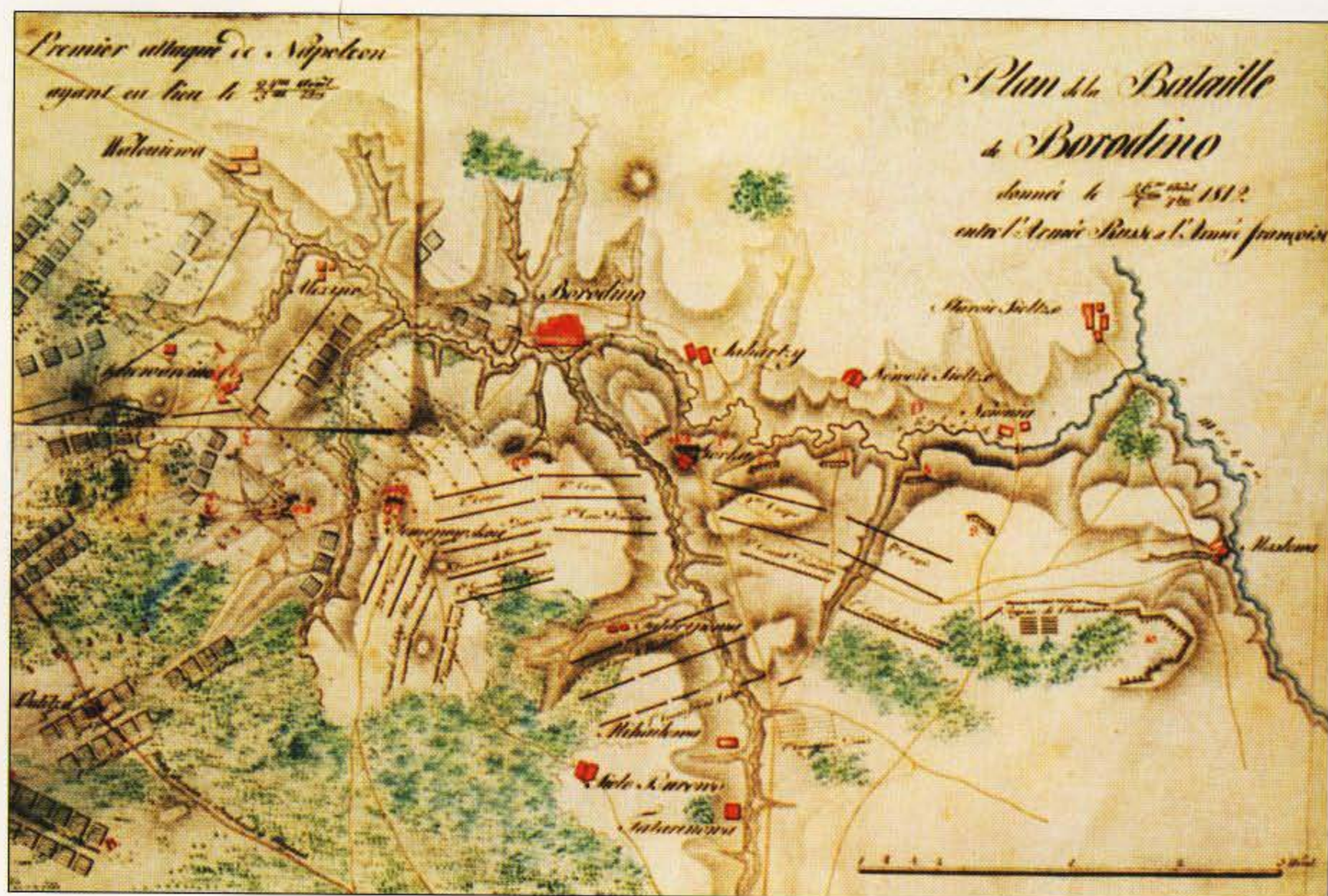
Боевой порядок русской армии имел достаточную глубину и, будучи размещенным напротив главных французских сил, опирался на два укрепленных пункта – Курганную батарею и Семеновские флеши. Курганная батарея представляла, как уже говорилось выше, люнет с фронтальным фасом протяженностью около 130 метров и с боковыми фланками по 27 метров. Глубина рва была более 3 метров, высота вала примерно 2,4 метра. Перед рвом на удалении 100 метров в 5–6 рядов располагались «волчьи ямы». Вооружение батареи состояло из 18 тяжелых ору-

дий – 12-фунтовых пушек «средней пропорции» и ½-пудовых единорогов 26-й и 12-й артиллерийских рот из состава 7-го пехотного корпуса Раевского. Именно это и дало Курганной батарее ее второе название – батарея Раевского. Батарея располагалась на господствующей над русскими позициями высоте и была спереди и с флангов прикрыта рекой Колочей и Семеновским оврагом. Но так как данные препятствия находились за пределами дальности картечного и ружейного огня с батареи, то заметно усилить позицию они не могли.

Семеновские флеши завершали теперь, после потери Шевардинского редута, левый

фланг русской линии. Называть их флешами не совсем верно, ибо собственно флешью, то есть тупоугольным реданом, было только среднее, наименьшее укрепление. Левое и правое укрепления имели форму люнетов с фасом протяженностью 60–70 метров у каждого и фланками по 20 метров. Так как Семеновские укрепления не успели закончить, то они были слабее с инженерной точки зрения, чем Курганная батарея, и представляли из себя насыпные окопы (брустверы) с незаконченным рвом перед ними. На вооружении флешей находилось 24 тяжелых орудия: 12-фунтовых пушек «средней пропорции» и ½-пудовых единорогов 11-й и 32-й артиллерийских рот.

На левом, южном укреплении, имелось 12 орудий, на центральном – 5 и на правом – 7 орудий. Важной особенностью флешей являлось то, что с юга и частично фронта они были прикрыты лесом и кустарником и находились на высоте. До опушки было от 300 до 500 метров, что мешало обстреливать приближающегося противника и скрывало его от защитников, но в то же время заставляло выстраиваться для атаки прямо под ружейным и картечным огнем с флешей. Это предопределяло неизбежность решительных и стремительных действий сторон при атаке и защите укреплений.

В сочетании с этими укреплениями плотность русских войск обеспечивала высокую устойчивость боевых порядков при самых мощных атаках противника. И как показывал боевой опыт, например сражение при Прейсиш-Эйлау, мощнейший артиллерийский резерв позволял огнем остановить любой по силе натиск даже после того, как основная линия не выдержит. Слабым местом русского порядка было довольно равномерное распределение сил на длинном фронте, что не давало

возможности нанести противнику решающий удар достаточной силы. Кроме того, Кутузов сам оказался заложником первоначального плана. Теперь, когда Наполеон развернул свои силы за прежним флангом русских войск, Кутузову приходилось держать 2 пехотных, 2 кавалерийских корпуса и казаков для парирования возможного обхода правого фланга. Ведь на север от Бородино простиралось обширное поле, и ничто не мешало Наполеону нанести удар через него и отбросить русскую армию от Новой Смоленской дороги либо совершить глубокий обходной маневр по северному берегу реки Москвы. Поэтому корпуса правого крыла были прикованы к своему месту до того момента, пока французы не введут в бой главные силы.

Исходя из этого, план Кутузова вырисовывается вполне четко – опираясь на укрепления, отражать удары противника, постепенно наращивая силу обороны на атакованных участках за счет переброски войск с неатакованных и максимально долгое сохранение достаточных резервов. При стандартных вариантах действий

превосходящего противника (а Кутузов исходил численности армии противника 160 тыс. человек) такая манера ведения боя позволяла выдержать длительное сражение и нанести противнику большие потери, уравнив силы и лишив возможности продолжать атаки. При отсутствии, как это и было в реальности, значительного превосходства противника такая тактика позволяла изменить в ходе боя соотношение сил в сторону русской армии и, используя сохраненные резервы, заставить противника отойти с поля боя. В том случае, если французы не примут предложенный сценарий или попробуют обойти русскую армию глубоким фланговым маневром, Кутузов просто снялся бы с позиции и отошел к Можайску и далее, что для Наполеона было совершенно неприемлемо.

Русские войска были настроены именно на ожесточенное сопротивление и оборону. Вот как пишет о настрое русской армии перед боем Михайловский-Данилевский: «С другой стороны стояли русские, родные по чувству и крови, а за ними были Москва, могилы предков, царский трон, вера отцов, права человечества. Князь Кутузов объехал войска и говорил

с ними, просто, но языком, доступным до глубины души. Симбирскому пехотному полку, например, сказал он: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Надеюсь на вас. Бог нам поможет; отслужите молебен». Единодушное «ура!» сопровождало вождя от одной колонны до другой. Перед вечером понесли по лагерю икону Смоленской Божией Матери и совершили молебен. Начальники и солдаты укрепились молитвой, готовясь противостать полчищам, алкавшим разгромить Россию. Князь Кутузов не отдал никакого приказа, какими обыкновенно предваряют войска о сражении. <...>

Солдаты точили штыки, отпускали сабли, артиллеристы передвигали орудия, избирая для них выгоднейшие места. Некоторые генералы и полковые начальники говорили солдатам о великом значении наступавшего дня. Один из них сказал: «Ведь придется же умирать под Москвою: так не все ли равно лечь здесь?»

Как были развернуты для боя французы? Наполеон разместил свой командный пункт у Шевардина, около захваченного редута. Правее (при взгляде с французской стороны) и впереди Шевардинского редута расположились 3 дивизии корпуса Даву – Компана, Дезе и Фриана, построенные в 3–4 линии батальонных колонн. Позади них, правее сзади стояли в трех линиях полков 3 кавалерийских корпуса под командованием Мюрата. Левее редута были развернуты в 3 линии батальонных колонн остальные дивизии Даву – Морана и Жерара. Позади них размещались дивизии корпусов Нея и Жюно, что вместе давало глубину построения кордебаталии в 6 линий батальонных колонн. Севернее Колочи кроме дивизии Жерара стояли позади его дивизии кавалерийский корпус Груши и, левее, войска 4-го корпуса Богарне, также построенные в 3 линии батальонных колонн. В центре, за корпусами Нея и Жюно, располагалась в резерве «Молодая гвардия» и за ней «Старая гвардия». На крайнем левом фланге, за речкой Войной, между деревнями Логиново и Беззубово стояла кавалерия 4-го корпуса под командованием Орнано (более 1700 человек легкой конницы), которая осуществляла наблюдение за нашим правым флангом. За правым флангом французов, для действий вдоль Старой Смоленской дороги, размещался 5-й корпус Понятовского.

Наполеон, исходя из наступательной тактики, применил невиданную для того периода концентрацию сил, развернув $\frac{9}{10}$ армии на фронте всего в 4 версты, получив плотность войск порядка 26–30 тыс. человек на километр фронта. Для такой плотности Наполеону пришлось крайне глубоко эшелонировать войска. На линии дивизия Морана – «Старая гвардия» глубина боевого порядка составляла до 13 линий батальонных колонн. Но, учитывая глубину русских порядков, силу их позиции и укреплений, превосходство в артиллерии и отсутствие у французов решительного превосходства в живой силе, только большим сосредоточением сил решить ход сражения в свою пользу было невозможно. На что же рассчитывал Наполеон? Ведь в стойкости русской армии и ее готовности стоять до конца он убедился уже в бою за Шевардинский редут.

Сегюр пишет: «Император воспользовался первыми проблесками света утренних сумерек, чтобы, переходя с одной возвышенности на другую, осмотреть между двумя боевыми линиями весь фронт неприятельской армии.

Окончив разведку, император решился. Он вскричал: «Евгений, останемся на месте! Правый фланг начнет битву, и, как только он завладеет под защитой леса редут, который находится против него, он повернет налево и пойдет на русский фланг, поднимая и оттесняя всю их армию к их правому флангу и к Колоче.

Составив общий план, он занялся деталями. <...> Император, не сомневаясь больше в сражении, возвратился в свою палатку, чтобы продиктовать приказ. Там обдумал серьезность своего положения. Он увидел две равные армии: около ста двадцати тыс. человек и шестисот пушек с каждой стороны; у русских выгода расположения, один язык, одна и та же военная форма, одна нация, борющаяся за одно дело, но много нерегулярных войск и рекрутов; у французов же столько же человек, но больше солдат, а так как ему только что представили отчет о состоянии его корпусов, то у него перед глазами был точный счет сил его дивизий».

Как утверждает француз А. Фэн, план атаки Наполеон разработал с учетом опасности отхода русских войск в случае попытки французов обойти их позиции.

Наполеон провел тщательную рекогносцировку. В. Н. Земцов достаточно подробно реконструировал это мероприятие на основе французских источников. Вот как это выглядело: «Наполеон «долго всматривался в русские биваки без помех» (Денье), чему способствовал «туман от дождя» (Фэн). Вероятно, проезжая с левого фланга на правый, возле села Бородино, Наполеон был обстрелян русским орудием. Проследовав на правый фланг, Наполеон окончательно убедился, «что линия русских продолжается облическим образом, пересекая Московскую дорогу, до высоты большого леса, на который опирался наш (французский. – В. З.) правый фланг...» (Денье). По словам Денье, Наполеон увидел, что «многочисленные редуты прикрывают позиции русских». Утром у Наполеона не было

уверенности в «облическом загибе русских позиций»; именно поэтому он предполагал русскую атаку Шевардинского редута. Теперь же, когда он ясно увидел возводимые на южном фланге укрепления, русская линия уже определенно предстала в «облическом» виде. Это «окончательно убедило его, что он не ошибся: по своему возвращении он отдал соответствующие приказы» (Рапп). Наполеон окончательно решил начать главную атаку из района Шевардинского редута».

Здесь хочется обратить внимание на то, что Наполеон верно оценивал значение Шевардинского редута как основного укрепления левого фланга русской армии. Он понимал, чем грозит ему отбитие редута, и ожидал подобной попытки. Ведь в этом случае французы лишались пространства для развертывания и вынуждались к перемещению главных сил севернее Новой Смоленской дороги, напротив сильного фронта русских войск. И если Кутузов не

попытался взять обратно Шевардинский редут, то скорее всего в силу ожидаемого превосходства французов и нежелания русского полководца ставить судьбу страны на это сражение.

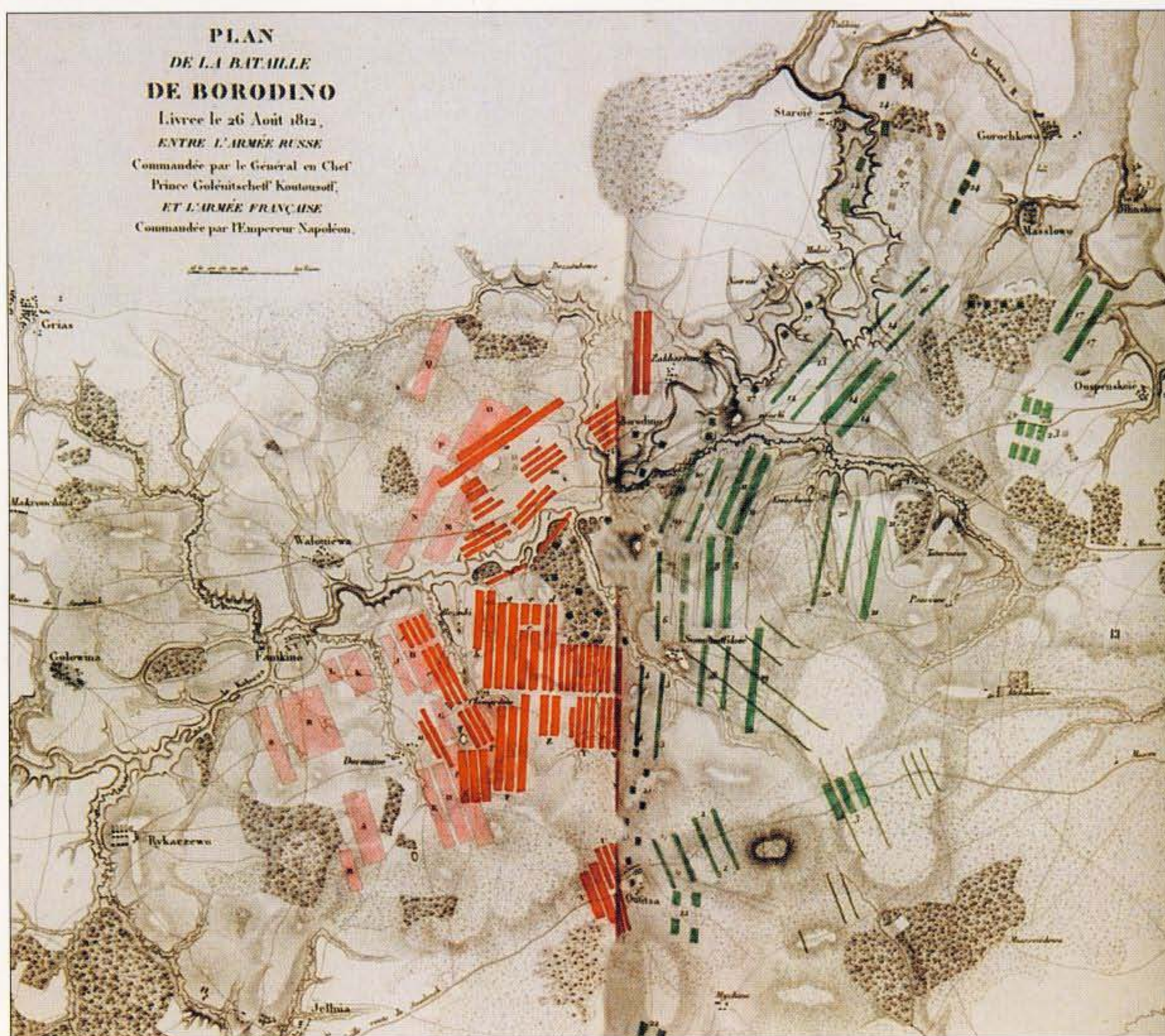
Как же оценивали французы характер русских укреплений? По мнению Денье, «позиции русских были хорошо защищены». Лежен считал, «что линия врага была защищена потрясающими позициями, хорошо укрепленными, с редутами и редантами, в которых были пушки». Но это крайняя точка зрения. Гораздо более убедителен Фэн и особенно текст 18-го бюллетеня «Великой армии»: «Позиция была хорошо укреплена и давала возможность маневрировать и ретироваться. Но это (атака такой позиции) составляло честь, и эта позиция не была в такой степени сильной, чтобы отказаться от возможности сражаться. Было видно, что редуты не были закончены, рвы были неглубокими, не было палисадов...»

Во время рекогносцировки маршал Даву предложил Наполеону совершить глубокий обход русских позиций по Старой Смоленской дороге и южнее ее. Для этой цели предполагалось выделить 1-й и 5-й корпуса. Наполеон не принял предложения Даву, бросив, по утверждению Сегюра: «Вечно вы со своими обходами! Это слишком опасный маневр». И здесь Наполеон был совершенно прав, ибо в обход предполагалось отправить 40-тысячную армию по неразведанной и сильно заросшей местности без возможности надежной связи. Каждая из частей французской армии оказывалась слабее русской армии. Тем более Наполеон знал Кутузова как полководца и уже имел опыт «отрезания» его армии меньшими, чем у Кутузова,

силами, что привело к неудаче в районе Кремса корпуса Мортье и разгрома одной из дивизий этого корпуса под Дюрнштейном. Следует отметить, что обычно отказ Наполеона от плана Даву рассматривают без учета уже имевшегося у французского императора опыта боев с Кутузовым.

Но что тогда остается? Ведь фронтальная атака на укрепленные позиции при отсутствии сколь-нибудь серьезного превосходства выглядит грубой ошибкой. Ответ, скорее всего, кроется в артиллерийском образовании Наполеона. Когда после Шевардинского боя бесстрашный генерал Коленкур процитировал императору фразу Фридриха Великого: «Русского солдата мало убить, его еще и повалить надо»,

император ответил: «Завтра я повалю их своей артиллерией».

Если построение русской армии было достаточно традиционно для того времени и огневые средства были распределены по длине боевого порядка, кроме батарей на укреплениях, то Наполеон пошел на беспрецедентный шаг. Согласно распоряжениям императора, ночью было сооружено два эполемента для артиллерии; их делали «из фашии и мешков с песком» (Фоссен). Левая батарея была располо-

жена напротив д. Семеновское; там должны были занять позицию 16 тяжелых пушек и 8 гаубиц 3-го армейского корпуса под командованием генерала Фуше. Правая батарея, построенная для 24 орудий гвардии, сооружалась напротив Багратионовых флешей (ее обычно называют батареей Сорбье). Обе батареи должны были вести огонь в направлении деревни Семеновское и по укреплениям к югу от нее, а батарея Фуше должна была направить часть своих усилий и на Курганную высоту, обстреливая ее

совместно с орудиями 4-го корпуса перекрестным огнем. Все остальные орудия на этом фланге предполагалось использовать в составе мобильных батарей. Так, в общей диспозиции и в приказе войскам Даву было предписано сформировать перед исходной позицией дивизии Компана батарею из 30 орудий под командованием генерала Пернетти (16 орудий корпусного резерва и 14 орудий дивизионной артиллерии); к ней должны были примкнуть 8 батарейных орудий дивизии Фриана и Дезе. Эти 38 орудий должны были вести огонь в тесном взаимодействии с 24 тяжелыми орудиями гвардии, соединив таким образом огонь 62 орудий. Равным образом к батарее Фуше примыкала остальная артиллерия 3-го и 8-го корпусов, составляя передвижные батареи. По мнению Фэна, общее число орудий перед 3-м корпусом составляло 60. Таким образом, против Багратионовых флешей, деревни Семеновское и частично против Курганной высоты сосредоточилось в первой линии 102 орудия. И это были в основном 12-фунтовые пушки и гаубицы 8, 6 и 24 фунтов. То есть основная масса тяжелой артиллерии армии была сосредоточена на участке менее одной версты, на господствующей высоте, за укреплениями. При этом, несмотря на постоянные утверждения о небольшой, не более 500 саженьей, эффективной дальности стрельбы орудий того времени, Наполеон осмелился разместить орудия на расстоянии 700–1000 саженьей от Семеновских флешей и 1200–1300 – от Курганной батареи. Он считал, что использование тяжелых орудий по укрепленным позициям и расположенным около них массам войск будет достаточно эффективным. При этом русская артиллерия, более сильная в ближнем бою, не могла ничего про-

тивопоставить артподготовке, которую могла провести эта «Гранд-батарея». Подобная концентрация в полевом бою тяжелой артиллерии еще не применялось и была новшеством Наполеона, которое другие армии освоили полностью только через сто лет. Также новшеством являлось переподчинение таких сил артиллерии из состава корпусов и дивизий в прямое подчинение командования армии. С учетом огневой мощи «Гранд-батареи» именно ее можно считать основным или по крайней мере одним из основных инструментов достижения победы на поле боя для Наполеона.

По такому же принципу, но на еще большем расстоянии от основной цели, Курганной батареи, располагались тяжелые батареи 4-го корпуса Богарне. Эта позиция находилась строго на запад от деревни Бородино и более чем в 1 тыс. саженьей от Курганной батареи и размещена также на господствующей над русскими позициями высоте.

При этом крайне необычным для полевого сражения было подобное размещение тяжелых батарей на такой большой, почти предельной дистанции от основных боевых порядков противника. Размещение тяжелой артиллерии на высоте на предельных дистанциях от артиллерии противника давало возможность французам осуществить «игру в одни ворота». То есть поражать противника своим огнем практически безнаказанно. Но в то же время подобные дистанции не позволяли обеспечить стремительный огневой удар и быстро смести противника. И это тоже надо учитывать при попытке понять замысел Наполеона. Но очевидным было явно более высокое, чем было принято в то время, значение, которое придавал тяжелой артиллерии Наполеон.

Начало сражения. 1-й этап

Вот как описывает начало сражения Михайловский-Данилевский (в дальнейшем мы будем опираться в основном на его описание как наиболее полное и нормально коррелирующееся с остальными): «Услыша гул пушки, князь Кутузов, уже давно бодрствовавший, не предупредив своей главной квартиры, только что пробуждавшейся от сна, поехал один на батарею, за деревней Горками.

Так же рано, как князь Кутузов, когда еще свет не боролся со тьмой, вышел из своей палатки Наполеон и поехал к Шевардину. Заря занялась, туман рассеялся, блеснул первый луч солнца. «Это солнце Аустерлица!» – сказал Наполеон. «Приемлем предвещание!» – воскликнули клеветы его. Заколебались черные линии неприятельских колонн. У Семеновского загремела канонада, и в самом Бородине закипела ружейная пальба. Наше левое крыло и центр были атакованы единовременно».

В отечественной историографии обычно принято считать началом сражения атаку дивизии Дельзона на деревню Бородино. Что это была за атака и с какой целью она предпринималась?

«Бородино было занято гвардейским егерским полком, находившимся там с 24-го августа, для способствования в то время переправе арьергарда через Колочу. Гвардейским егерям велено было удерживать Бородино как можно

долее. В селе стояло 2 батальона, а 3-й содержал впереди цепь и был вдруг атакован со всех сторон дивизией Дельзона, из корпуса вице-короля. Пользуясь туманом, дивизия скрытно подошла к Бородину. Завидя, с батареи у Горок, превосходство сил неприятельских, Барклай-де-Толли велел егерям отступить. Только что его адъютант проскакал небольшое пространство между Горками и Бородиным и подъехал к полку, как град пуль посыпался на егерей. 3-й батальон ударил в штыки, но обращен назад к первым двум, стоявшим в боевом порядке, и построился за ними. Неприятель, остановленный на несколько мгновений, продолжал наступать. Егеря очистили Бородино, отошли за мост и начали ломать его, но, теснимые целой дивизией, не успели его истребить вовсе. Французские стрелки появились на правом берегу Колочи и покушались атаковать 2-пушечную батарею, защищавшую мост. Нападение отбито, но батарею велено отвезти назад. Для удержания неприятеля, начинавшего в силах переходить через Колочу, посланы полковник Карпенков с 1-м и полковник Вуич с 19-м егерскими полками. Карпенков построил батальоны к атаке, за бугром, скрытно, на пистолетный выстрел от неприятеля, и когда, по данному повелению, гвардейские егеря отходили назад, быстро выдвинул полк на гребень бугра и дал меткий залп. Дым выстрелов

Сражение при Бородине

Атака 3-го пехотного корпуса маршала Нея на Семеновские флеши

клубился еще перед лицом ошеломленных нечаянным залпом французов, когда наши ударили в штыки. Неприятель бросился к мосту, однако не мог перейти через него всей колонной, потому что гвардейские егеря при отступлении сняли более десятка мостовин. Оставшихся на нашем берегу французов приперли к реке и истребили до последнего. Потом Карпенков перешел чрез Колочу, вступил в Бородино, но получил приказание возвратиться за Колочу и истребить мост дотла, что и было исполнено, под сильным огнем.

Нападение на Бородино было только ложное, предпринятое Наполеоном с целью скрыть настоящее намерение его обрушиться на левое крыло русской армии».

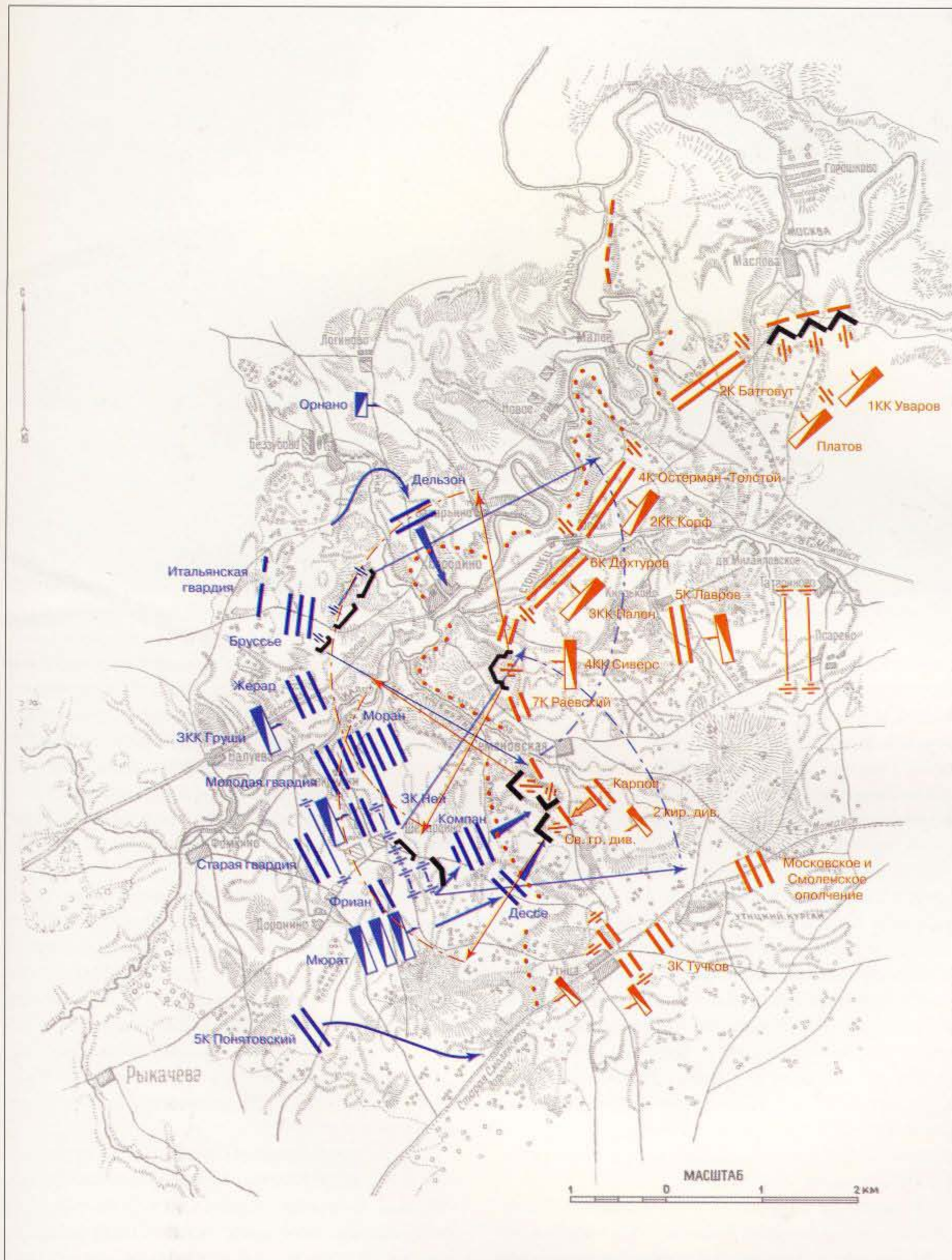
Подобный способ «демонстрации» выглядит совершенно бессмысленным, тем более если внимание отвлекают, то ждут какой-то реакции, например переброски сил на атакованный участок. Но интервал между атакой на Бородино и на Семеновские флеши был слишком мал, что полностью обесценивало такую демонстрацию. Тогда какой смысл в атаке Дельзона? При взгляде на карту поля боя он становится вполне очевидным. Левый фланг французской армии был короток и ничем не прикрыт – далее него находилось поле. Наш противостоящий правый фланг был сильнее и доходил до реки Москва. Но возможным активным действиям русского правого фланга мешала река Колоча, имевшая обрывистые берега. При этом русские егеря удерживали Бородино и мост в этой деревне, создавая этим плацдарм для возможного

удара по открытому левому флангу Наполеона. Атакой дивизии Дельзона французы устранили угрозу. Также русскими в результате действий французов была убрана батарея, способная прикрывать фланкирующим огнем Курганную батарею.

Никакой демонстрации не было: французы обеспечили свой фланг, и единственное, что им не удалось, – это дальше развить свой успех, что и неудивительно при столь скромных силах. Нельзя было ожидать прорыва русского центра силами дивизии численностью в 8,5 тыс. человек. Как только задача была выполнена, интерес французов к данной точке сражения угас.

Таким образом, обеспечив безопасность своего короткого и более слабого левого фланга, Наполеон смог начать главными силами атаку на правом, на Семеновские флеши.

«Здесь атака поручена была Даву, Нею и Жюно, имевшим в подкрепление три кавалерийских корпуса под главным начальством Мюрата. В голове шли три дивизии Даву: одна, Компана, следовала по опушке леса; другая, Дезе, проходила через самый лес и кустарники; 3-я, Фриана, была в резерве. Местоположение препятствовало быстрому наступлению. Неприятелю надлежало пробираться через лес, где не было дорог. Миновав лес, французы начали строиться в колонны к атаке; но как построение совершалось под картечными выстрелами, то головы колонн, показывавшиеся перед нашими укреплениями, были останавливаемы выстрелами артиллерии и егерей, рассыпанных в лесу».

Первые атаки французов

Битва под Москвой 7 сентября 1812 года

Здесь необходимо отметить, что положение французов, возможно, было бы еще плачевнее, если бы русская армия была полностью перевооружена на ружья образца 1808 года, но основное ружье образца 1805 года до опушки не добивало. Но и без этого французы попали в тяжелую ситуацию.

«Сверх того, несколько из главных начальников неприятельских нашлись принужденными удалиться с поля сражения. При начале дела ударило Компана осколком гранаты. Он сдал команду Дезе, который вскоре также опасно ранен. Его место заступил присланный от Наполеона генерал-адъютант Рапп, но и его не пощадил русский свинец. Наконец в то же время сам корпусный командир Даву упал с лошади, пробитой ядром, и получил сильную контузию. Он скоро оправился, но не мог заменить своих раненых дивизионных начальников, отчего в его корпусе произошло колебание, и атаки его были не совсем успешны».

Французы атаковали решительно. 10 батальонов дивизии Дезе прошли через лес, где их боевой порядок смешался, и они оказались вынуждены снова сбивать ряды на опушке. 18 ба-

тальонов дивизии Компана также не смогли сохранить боевой порядок, так как наступали по пересеченной местности под огнем егерей. Самым неудачным для французов оказалось то, что русские орудия с флешей добивали картечью до самой опушки и уже в момент сбивания рядов французы понесли большие потери. Они были смешаны огнем русских орудий в упор и стали откатываться. При этом на срыве этой атаки сказались даже не столько потери, сколько выбытие командного состава. Были потеряны ранеными оба командира дивизий. Лично маршал Даву, под которым была убита лошадь, а сам маршал получил контузию, собрал отходивших солдат своего корпуса и повел их во вторую атаку, которая также была отбита артиллерийским огнем и штыковой контратакой 8 пехотных батальонов дивизии Неверовского.

Атака столь малыми силами выглядит странной: Наполеон имел на этом направлении 86 тыс. человек, но в атаку бросил менее 16 тыс., что, учитывая сложность местности и силу позиции, явно недостаточно для опрокидывания дивизии Неверовского, усиленной егерскими батальона-

ми других дивизий 2-й армии и тяжелой артиллерией на флешах. А ведь Наполеон знаменит в том числе и смелой концентрацией сил в атаке, что не раз приносило ему победу, например в битвах при Аустерлице, Ваграме и Фридланде. При этом в первой атаке на флешах не применялась такая ударная сила, как кирасиры, хотя их использование напрашивалось.

Здесь стоит обратить внимание на то, что с самого начала боя атаку Даву прикрывали 102 тяжелых орудия, которые были расположены на Шевардинском холме в составе батарей Фуше и Сорбье. И это не считая полковых орудий в боевых порядках наступающей пехоты и подвижных батарей 1-го корпуса. И если непосредственно перед атакой в зоне обстрела находились только егеря и развернутая в одну линию батальонных колонн дивизия Неверовского и потери русских войск были невелики, то при отражении атаки Неверовский выдвинул всю дивизию на флешах в развернутом порядке, а в зону обстрела вошли главные силы 2-й сводной гренадерской дивизии Воронцова (около 5 тыс. человек) и 2-я кирасирская дивизия Дука (2800 человек). Также в районе флешей оказались и оставшиеся силы егерей, до этого выдвинутых вперед в сторону французов. Это привело к значительному возрастанию плотности войск и росту потерь от артиллерийского огня тяжелых французских батарей, которые продолжали безнаказанно обрабатывать русские позиции.

Всего в первых атаках французов приняли участие 24 тыс. человек, или менее 18% налич-

Сражение под Москвой

ных сил, из них для «демонстрации» 6% и на направлении «главного удара» – 12%. Ясно, что при учете силы русской позиции и расположения русских войск при атаке такими силами на успех рассчитывать невозможно. Но атаки были приведены, и на левом фланге французов это позволило упомянутый фланг обезопасить от возможного русского контрудара. Атака же на своем правом фланге дала возможность французам привести русские войска в положение, удобное для обработки их «Гранд-батареями».

В пользу подобной версии говорит и тот факт, что французы не подтянули к атакуемым участкам никаких сил для развития успеха. Хотя никакого заметного успеха французами в ходе первых атак достигнуто не было и русские войска удерживали все позиции своего фронта, однако общая позиция русских войск ухудшилась и потери от огня противника стали возрастать.

Сражение в разгаре

Французы нарастили силы и начали 3-ю атаку на флеши.

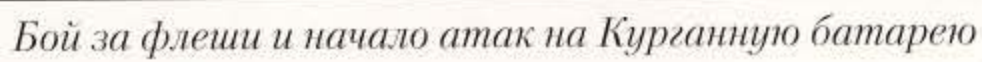
«Ней вступил на левый фланг Даву; корпус Жюно, отданный в распоряжение Ней, стал во вторую линию; Мюрат велел трогаться трем кавалерийским корпусам: Нансути должен был подкреплять Даву, Монбрен Ней, Латур-Мобур следовать в резерве».

«Между тем Ней, Даву, Жюно и Мюрат повели атаку, подкрепляемую 130 орудиями, с которых с самого начала сражения не умолкала пальба, большей частью из гаубиц. Русская артиллерия и пехота, выждав французов, первая на картечный, вторая на ружейный выстрел, поразили их убийственным огнем, но не остановили их стремления. Граф Воронцов, занимавший редуты, должен был первый выдержать весь натиск неприятеля. Его сопротивление не могло быть продолжительно, судя по великому числу нападавших, но он сражался до тех пор, пока его дивизия не была истреблена. Во время борьбы с графом Воронцовым французы бросались между батареями, стараясь взять их в тыл. Стоявшая во 2-й линии дивизия Неверовского пошла в штыки; кирасиры Дуки, несколько полков драгун и улан вспомогательствовали пехоте, и сражение сделалось тут общим. Даву и Ней несколько раз посылали к Наполеону просить подкрепления. Наполеон отвечал, что еще слишком рано вводить в дело

свежие войска. Он велел усилить огонь с батарей своего левого фланга, в центре около Бородина и на всем протяжении боевой линии. По превосходству позиции, русские батареи отвечали успешно».

Всего в атаке приняли участие дивизии Компана и Дессе из корпуса Даву (28 батальонов, потрепанных в первых двух атаках), 10-я, 11-я и 25-я дивизии корпуса Ней (27 батальонов в основном неполного состава), правда, 25-я дивизия состояла только из одного полка, 23-я и 24-я дивизии и кавалерия корпуса Жюно (16 батальонов и 12 эскадронов) и 1-й, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, имевшие в своем составе 5 тяжелых и 3 легкие кавалерийские дивизии под общим командованием Мюрата (131 эскадрон).

Из-за очень больших сил, привлеченных на узком участке фронта, атакующие войска были глубоко эшелонированы и атака оказалась растянутой по времени. Пока число защитников оставалось достаточным для обороны таких укреплений, позиция держалась, но по мере выбывания большинства русских солдат на флешах французы эти флеши захватывали. Однако удержать открытые с тыла укрепления под шквальным артиллерийским огнем русских батарей, находившихся у Семеновского оврага, от яростных контратак русских войск французы не могли.

Битва под Москвой 7 сентября 1812 года

Интересным моментом в организации обороны князем Багратионом видится ротация дивизий 8-го корпуса Бороздина. Если во время первых 2 атак на флешы в первой линии была дивизия Неверовского, а во второй была гренадерская дивизия Воронцова, то во время 3-й атаки Воронцов был в первой линии, а Неверовский – во второй. Кавалерия 4 кавалерийского корпуса Сиверса (32 эскадрона, или 4300 человек) и кирасиры дивизии Дуки (20 эскадронов) участвовали в контрударе, но серьезную роль здесь играли только кирасиры. Контратакой французы были выбиты с флешей.

Такая атака французских войск уже была похожа на атаку главных сил и скорее всего преследовала цель опрокинуть левый фланг Кутузова. Но возможная неудача атаки была предусмотрена Наполеоном и использована им. Отразить такой натиск русские смогли только усилением войск на флешах, что еще больше повышало эффективность «Гранд-батареи».

Хотя 3-ю атаку и сумели успешно отразить, но при этом кирасиры и дивизия Неверовского понесли тяжелейшие потери, а дивизия Воронцова была почти полностью уничтожена. Русская артиллерия отражала атаки французов и вела борьбу, по сути, только с подвижными батареями. «Гранд-батарея» оставалась нетро-

нутой и продолжала безнаказанно обрабатывать район флешей. Плотность же русских войск в этом районе вынужденно (чтобы избежать опрокидывания фронта) увеличивалась. Например, в зону артиллерийского огня с «Гранд-батареи» вошли части еще двух пехотных и кирасирской дивизии, что дало на километровом фронте 4 пехотных и 2 кирасирских дивизии. Даже с учетом потерь плотность войск стала очень высокой. И сверх этих сил начали подходить части гвардии из 5-го гвардейского корпуса Лаврова.

«Нетрудно было заключить князю Багратиону, что дивизии графа Воронцова и Неверовского не возмужают устоять против столь великих сил, какие развертывались в его глазах. Он послал за 7-й дивизией, Коновницына, находившейся с Тучковым на Старой Смоленской дороге, взял несколько батальонов из 2-й линии Раевского, бывшего правее от него, подвинул из резерва 2-ю гренадерскую дивизию, принца Мекленбургского, и поставил ее влево от Семеновского. К левому флангу принца придвинута 2-я кирасирская дивизия, Дуки. Словом, князь Багратион стянул к угрожаемому пункту все войска, какие имел под рукой, и послал просить князя Кутузова о немедленном подкреплении. Главнокомандующий отправил

к нему Генерал-Майора Бороздина, с тремя полками 1-й кирасирской дивизии, Его и Ея Величества и Астраханским, полковника Храповицкого с полками лейб-гвардии Измайловским и Литовским, батарейные роты Его Высочества и графа Аракчеева, и полковника Козена, с 8 орудиями гвардейской конной артиллерии. Тогда же князь Кутузов велел 2-му корпусу, Багговута, идти с правого крыла к центру. До прибытия 2-го корпуса выдвинуты из резерва еще несколько батарей к Семеновской».

Таким образом, постепенно, с возрастанием давления французов на флешы, численность русских войск на них возросла с примерно 6–7 тыс. человек до 20 тыс. Численность защитников флешей постоянно возрастала, несмотря на потери. Взамен тающих рядов кирасир Дуки и солдат Воронцова и Неверовского в ряды войск, оборонявших флешы, вставали участвовавшие в отбитии укрепления у французов и в отражении 5-й атаки солдаты дивизии Коновницына и кирасиры 1-й кирасирской дивизии Бороздина 2-го. Также Багратион перебросил под флешы резерв 7-го корпуса Раевского. Если учесть, что эти силы действовали на фронте менее километра, то получается плотность войск более 20 человек на метр, что свойственно скорее античным армиям. Меньшие силы не имели бы шансов сдержать французские атаки, а столь значительные – несли колоссальные потери от артиллерийского огня французов. Тут поневоле вспоминаются слова, сказанные Наполеоном храброму Коленкуру: «Завтра я поваляю их своей артиллерией». Французы тоже несли страшные потери во время своих атак, но русские войска несли потери постоянно.

Как видно, уже при отражении 3-й атаки на флешы Багратион исчерпал почти все резервы 2-й армии и начал, иногда самовольно, привлекать резервы 1-й армии Барклая. Например, именно так были забраны полки 1-й кирасирской дивизии и переданы Дуке. Об этом Барклай-де-Толли писал: «...Послал за 1-й кирасирскою дивизиею, которая однако же по несчастию не знаю, кем отослана была на левый фланг, и адъютант мой не нашел оную на месте, где я предполагал ей быть». Здесь чувствуются и отголоски конфликта между Багратионом и Барклаем-де-Толли. Ибо маневр, усиливший

наши позиции на флешах, привел в итоге к более раннему падению батареи Раевского.

Выдвигавшиеся силы русской резервной артиллерии Кутузов вынужден был разворачивать у деревни Семеновская, что хорошо видно по их дислокации, когда после первых французских атак на флешах и в боевых порядках развернутых на них войск находилось 52 орудия, а за Семеновским оврагом – 110 орудий. Это выводило основную часть орудий из зоны обстрела «Гранд-батареи», но позволяло использовать, только когда французы вплотную приближались к флешам или врывались на них. В такие моменты русская артиллерия получала возможность действовать более эффективно, чем французская. Тут сказывалось как большое могущество русских орудий, их высокая скорострельность и удачное для контратак размещение, так и устройство флешей. Как отмечал в своих записках французский капитан Жиро де л'Эн: «Эти редуты были простые реданы... в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружейными и картечными залпами выметали находившихся внутри их. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими».

По словам Ф. Н. Глинки, артиллерия в Бородинском сражении жила своей собственной жизнью. Над головами сражавшихся у флешей с визгом пролетали ядра, картечь, гранаты, «поражая насквозь сжатые строи» атакующих. Батареи у деревни Семеновское вели прицельный огонь по неприятельским орудиям, выдвинувшимся к реданам. Русская артиллерия, по образному выражению участника битвы, «менялась смертью» с батареями Сорбье и д'Антуара.

«Действия на крайнем правом фланге французской армии, у Старой Смоленской дороги и деревни Утица, отделенном от основного места действий перелеском и кустарниками, были вялыми и неуверенными: «На оконечность нашего левого крыла двинулся Понятовский, рано поутру, по Старой Смоленской дороге, вытеснил наших стрелков из Утицы, занял деревню и атаковал 1-ю гренадерскую дивизию. Нападение было отбито. Неприятель возобновил атаку и заставил Тучкова отступить к высотам за Утицей. Понятовский последовал за ним, атаковал высоту и овладел ею. Здесь кончились успехи неприятеля. Уже заблаговре-

Бородинское сражение

менно, при первом нападении Понятовского, просил Тучков о подкреплении, потому что у него оставалась только одна дивизия, а другая, Коновницына, была отправлена на помощь второй армии к Семеновскому. Князь Кутузов отрядил к Тучкову 17-ю дивизию, Олсуфьева, из корпуса Багговута, только что переведенного с левого крыла в центр армии. Когда 17-я дивизия пришла к месту своего назначения, Тучков решил прогнать неприятеля с кургана. Граф Страгонов, с четырьмя гренадерскими полками, с одной стороны, Олсуфьев, с Вильманстрандским и Белозерским — с другой, и сам Тучков, с Павловским гренадерским, ударили в штыки. Уступленная высота взята, но Тучков заплатил за успех жизнью. Простреленный насквозь пулей, отчего через три недели умер, сдал он начальство Багговуту. Понятовский отступил и несколько часов ограничивался одной канонадой, опасаясь быть завлеченным в засаду и не имея сообщений с главной армией».

В итоге действия Понятовского и противостоящих ему русских войск никак на ходе сражения не сказались. Что в общем-то и неудивительно, учитывая малочисленность войск на этом участке и сложность действий на пересеченной лесистой местности. Силы Понятовского были порядка 10 тыс. человек при слабой артиллерии. Противостоял им корпус Тучкова и ополчение. Боевая ценность ополчения была крайне низка, и его в бою серьезно учитывать не стоило. По численности корпус Тучкова был равен корпусу Понятовского. Но после отъезда на флеш дивизии Коновницына Понятовский получил примерно двойное превосходство в силах при равенстве сил в артиллерии. Этим и был обеспечен первоначальный успех французов. Но с прибытием 17-й дивизии из корпуса Багговута превосходство перешло к русским. Воспользовавшись этим, Тучков провел контратаку и выбил противника с высоты.

Наполеон был уверен, что русский фронт достигает Старой Смоленской дороги, так что от действий Понятовского успех ожидался разве что случайный, и основной задачей польского корпуса было обеспечить с фланга группировку, атакующую флеш. При этом задачу Понятовский выполнил запоздало, так как дивизия Коновницына, бывшая в корпусе Тучкова, успела принять участие в отбитии флешей у францу-

Евгений Богарне

зов. Русские также не смогли развить успех своего контрудара в силу сложности местности и малочисленности сил. Для удара во фланг французской группировки у флешей утицкий отряд был явно слаб, а для беспокоящих действий в обход фланга французов было слишком мало конницы, только казаки Карпова.

В целом действия вдоль Старой Смоленской дороги носили локальный характер и практически не могли решающим образом сказаться на ходе сражения. Причиной тому были изолированность этого направления от остального поля боя и невозможность развертывания там больших сил. Но можно было создать там угрозу флангу главных сил, что вынуждало обе стороны предпринимать на этом направлении активные действия и даже усиливать имевшиеся в районе Утицы группировки.

На левом фланге армии Наполеона, почти одновременно с активизацией корпуса Понятовского, начал атаку на Курганную батарею корпус итальянского вице-короля Евгения Богарне.

«При начале боя на нашем левом крыле вице-король стоял, как ему было предписано,

в наблюдательном положении близ Бородина, но, завидя, что Даву, Ней и Жюно подаются вперед, счел минуту сию благоприятной для наступательных, повеленных ему действий, имевших целью прорвать наш центр. Он поручил защиту Бородина дивизии Дельзона, послал кавалерийскую дивизию Орнано на правый берег Войны, для наблюдения за правым крылом русской армии, а с остальными тремя дивизиями своего корпуса и кавалерией Груши стал переходить через Колочу, направляясь против Курганной батареи, защищаемой Раевским. Ее прикрывали четыре пехотных полка 26-й дивизии, Паскевича; впереди два полка 12-й дивизии, находившейся... под начальством Васильчикова, занимали кустарник; три егерских полка стояли в резерве. Раевский расположил войска таким образом, что при появлении неприятеля к кургану мог взять французские колонны с обоих флангов. К распоряжениям Раевского Паскевич присовокупил приказание начальнику артиллерии при приближении неприятеля отослать назад

лошадей и зарядные ящики. На левом фланге Раевского стоял 3-й кавалерийский корпус под командой барона Крейца».

Как видно, Раевский приготовился к отражению пусть мощной, но одной атаки. При этом не был уверен в достаточности наличных сил. Пехотные полки 26-й дивизии имели в этот момент по одному батальону. С этим связан приказ отвести лошадей и зарядные ящики.

«Когда войска вице-короля стали подходить, с ними завязалась в кустарниках перестрелка. Оттеснив наших стрелков, французы двинулись на батарею; 18 орудий ее и стоявшие по сторонам артиллерийские роты поражали их сильным огнем. Неприятель не колебался. Выстрелы по нем ежеминутно становились чаще, заряды истощались, наконец дым закрыл неприятеля так, что нельзя было видеть ни успехов, ни расстройств его, и «вдруг головы французских колонн, без выстрела, перелезли через бруствер».

Таким образом, атака дивизии Морана увенчалась успехом. Но учитывая практически пол-

Атака корпуса Евгения Богарне

ное отсутствие подготовки атаки и ограниченные силы, успех был полностью заслугой первоклассной пехоты 1-го корпуса, волею Наполеона оказавшейся в распоряжении Богарне, и скорее всего был неожиданным для самого Богарне. Поэтому он не обеспечил возможность развития успеха.

«Неприятель не мог употребить захваченных им 18 орудий, потому что при них не было зарядов, но, по обеим сторонам взятой ими батареи, французы стали подвозить орудия для поражения отступавших войск Раевского. Еще несколько минут промедления, и неприятель успел бы утвердиться в середине боевой черты русской армии. Задние колонны его спешили, удваивали шаг, но не могли прийти в настоящую пору. Ермолов и граф Кутайсов, незадолго перед тем посланные князем Кутузовым

с разными поручениями на левый фланг, поравнялись с батареей, когда она только что перешла во власть французов. «Высота», говорит Ермолов, «повелевавшая всем пространством, на котором устроены были обе армии, и 18 орудий, доставшихся неприятелю, были слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возвращения сделанной потери. Я предпринял это. Нужна была дерзость и мое счастье, и я успел. Взяв один только батальон Уфимского пехотного полка, я остановил бегущих, и толпой, в образе колонны, повел их на курган и ударил в штыки». В то самое время Паскевич пошел на штыки в левый фланг неприятеля, находившегося за редутом, а Васильчиков в правый. «Во мгновение ока, — пишет Раевский, — опрокинули они неприятельские колонны и гнали их до кустарников, столь силь-

Контратака А. П. Ермолова на батарею Раевского

но, что едва ли кто из французов спасся». Между тем, пока Паскевич и Васильчиков атаковали и кололи неприятеля по сторонам батареи, Ермолов устилал вершину кургана вражескими трупами.

«Французы, — замечает Раевский, — были сами причиной своей неудачи, не устроив резерва для подкрепления колонны, шедшей на приступ».

На батарею взяли в плен, совсем исколотого штыками, генерала Бонами. Желая спастись от смерти, он назвался Неаполитанским королем, чему в первую минуту поверили. Прискакавший со взятой батареи адъютант доложил князю Кутузову о взятии Мюрата в плен. Все вокруг главнокомандующего закричали: ура! Но он, умеряя общую радость, сказал: «Подождем подтверждения». Вскоре привели пленного, и обнаружилась истина.

Возвращением батареи, краткое время бывшей во власти французов, восстановлено дело в центре, но урон, понесенный нами в людях, был весьма велик, потому что вице-король осыпал выстрелами батарею и окрестность. Невознаградимой потерей была смерть графа Кутайсова...

Его смерть имела важные последствия на весь ход сражения, лишив 1-ю армию начальника артиллерии, в такой битве, где преимущественно действовали орудия».

Мы видим, что первоначально Богарне, уже обеспечивший свой открытый фланг взятием деревни Бородино, должен был оставаться на месте в соответствии с планом Наполеона, а когда у ударной правофланговой группировки наметится успех, то развить его атакой на центр русской позиции. Эту атаку Богарне обеспечивал 14-ю пехотной дивизией Брусье (16 батальонов) из своего корпуса и держал в резерве находившуюся в его распоряжении 3-ю пехотную дивизию Жерара (15 батальонов) из корпуса Даву и 3-й кавалерийский корпус Груши (36 эскадронов). Атаку проводила 1-я дивизия Морана (15 батальонов) из состава 1-го корпуса. Всего Богарне выдвинул около 20 тыс. человек. Непосредственно батарею атаковала бригада Бонами из дивизии Морана, усиленная 2-м Баденским полком (всего атаковало 7 батальонов). В это время батарею защищали войска 1-й линии 7-го корпуса Раевского (2-я

линия была переброшена на флешу) из состава 26-й дивизии Паскевича (4 пехотных батальона) правее батареи и из состава 12-й дивизии Васильчикова (4 пехотных батальона) левее. Егеря 7-го корпуса были рассыпаны впереди батареи. Кроме того, Раевскому на помощь были присланы 3 егерских полка из состава 4-го и 6-го корпусов. Всего имелось более 9 тыс. человек, из которых более 6 тыс. непосредственно в линии и на укреплении, а около 3 тыс. (3 егерских полка) — в ближнем резерве. Рядом также находился 3-й кавалерийский корпус Крейца (32 эскадрона).

Очевидно, что французы, имея большое превосходство над силами непосредственно на укреплении, не имели серьезного превосходства на направлении удара в целом. За вычетом находящейся в отдалении в резерве дивизии Жерара превосходства не оставалось вообще. Поэтому первоначально успешная атака французов не была дополнена закреплением или развитием успеха. Но обращает на себя внимание отсутствие единоначалия при отражении французской атаки. Резервы в атаку вели не имеющие отношения к батарее и вообще ко 2-й армии Кутайсов и Ермолов, один — начальник артиллерии 1-й армии, второй — начальник штаба 1-й армии. Контратаку с флангов осуществляли командиры дивизий. Одновременность контрудара оказалась в какой-то мере случайной.

Атака на батарею Раевского была отбита, как и на флешу. Более того, если бы была взята только батарея, то удержать ее без успеха на правом фланге французы вряд ли смогли. И сил было недостаточно, да и положение батареи позволяло контратаковать ее с трех сторон.

Но самым важным видится способ применения французами артиллерии. Батареи 4-го корпуса вели огонь по площадям с больших дистанций, так как находились на высоте западнее Бородино на расстоянии полутора верст от батареи Раевского. То есть способ артиллерийской атаки был аналогичен примененному на правом фланге. И основные потери русские войска здесь также несли от артиллерийского огня. Хотя эффект был не столь бросающимся в глаза из-за меньшего количества и калибров примененных орудий.

План Наполеона проступал все более четко. Постоянными атаками он заставлял русское командование наращивать силы на атакованных участках и держать в развернутых порядках большие массы войск. В это время его тяжелая артиллерия по сути в полигонных условиях методично перемалывала эти войска. То есть даже не играло особой роли то, что мы успешно отбивали атаку за атакой. Чем дольше русские войска держались на позиции, тем больше росли потери, значительно превосходя потери французов, и тем больше менялось соотношение сил в пользу Наполеона.

Рано или поздно русские войска должны были дрогнуть и начать откатываться. И во время 3-й атаки на Багратионовы (Семеновские) флеши французы решили, что этот момент наступил. Для того чтобы воспрепятствовать стабилизации фронта русской армии, и была предпринята атака на батарею Раевского (Курганную) корпусом Богарне. Но момент еще не наступил, и атаки были отбиты. Русская армия еще держалась. И несла страшные потери от артиллерийского огня. План Наполеона был гениален. Оставаться на позициях было нельзя, так как это вело к обескровливанию армии и должно было привести к разгрому ее остатков. Отступать с позиций было нельзя, так как в этом случае постоянно атакующие французы, имеющие в непосредственной близости большие резервы, немедленно превратят очередной атакой, на этот раз уже всех сил, отход в бегство и уничтожат русскую армию. Атаковать французов, находящихся на сильных позициях и имеющих по линии боевого соприкосновения превосходство в живой силе и артиллерии, также нельзя: подобная атака приведет к немедленным огромным потерям русских и мощному контрудару французов, в результате которого русская армия будет уничтожена на поле боя еще в первой половине дня.

Что же оставалось делать русским, Кутузову? Ведь, по сути, Кутузов попал в тактическую ловушку, выхода из которой тогдашняя военная наука не давала. Он не мог ни атаковать, ни отойти, так как любой из этих вариантов вел к немедленному поражению. Оставался один путь, который был озвучен в подобной ситуации еще под Островно Остерманом-

Толстым: «Стоять и умирать». Единственное, что мог предпринять Кутузов, – это, грамотно распределяя резервы и силы для устойчивости фронта, сделать всю ставку на стойкость русского солдата. И Кутузов сделал именно это.

А французское давление на флеши продолжало усиливаться. К нему добавилось параллельное давление на батарею Раевского. Наполеон стремился быстрее вызвать кризис боя и решить его в свою пользу.

На батарее Раевского события стали напоминать то, что уже более трех часов творилось на Багратионовых флешах.

«От великой убыли в людях два раза переменили орудия на отбитой батарее. Для прислуги брали солдат из пехотных полков. Еще полтора часа продолжал неприятель покушения на батарею. На ней распоряжался Ермолов; Раевский командовал прикрывавшими ее войсками и, по словам его, «держался до тех пор против повторенных атак, пока убитыми и ранеными не приведен был в совершенное ничтожество». Тогда отвели назад расстроенный корпус Раевского. Место его заступила 24-я дивизия Лихачева. Ермолов сдал ему батарею, а сам, отправляясь на левый фланг, был ранен. Во все продолжение сих повторенных нападений, Крейц, с 3-м кавалерийским корпусом, несколько раз ходил в атаку на пехоту и на конницу, то с успехом, то с неудачей. Он получил три раны, но оставался во фронте, пока в рубке не был сброшен с лошади».

Богарне также наращивал силы атак. В бой были брошены 3-я дивизия Жерара, и перенацелен с флешей 2-й кавалерийский корпус Монбрена. В силу крайне большой плотности войск французы вынуждены были бросать свои соединения и части в атаки поочередно.

А на Багратионовых флешах атаки шли практически непрерывно. В 6-й атаке приняли участие те же силы, что проводили 3-ю, 4-ю и 5-ю атаки. Даву, Ней, Жюно и Мюрат просили подкреплений у Наполеона, но не получали их. Для атак они использовали перегруппировку своих сил, в то время как Багратион вводил в бой подходящие к нему резервы. Например, силы защитников усилили главные силы 5-го корпуса Лаврова и 4-я дивизия генерал-майора принца Евгения Вюртембергского из 2-го кор-

Атака русской кавалерии на французскую батарею при Бородине

Сражение при Бородине 26 августа

пуса Багговута. Однако из-за разницы в потерях от артиллерийского огня соотношение сил менялось все больше в сторону французов.

Был использован и скромный успех Понятовского в виде взятия Утицкого кургана. Это позволило не бросить корпус Жюно в лоб на флешу, а обойти их с юга через лес. Жюно, оттеснив егерей Шаховского, зашел в тыл войскам, оборонявшим флешу. Вестфальцы 8-го корпуса Жюно медленно двигались по местности, поросшей частью лесом, а частью кустарником. Но эта атака была остановлена контратакой наших кирасир. В описании сражения, составленном К. Ф. Толем, говорится: «Генерал-лейтенант князь Голицын с кирасирскими полками, имея за собою в подкреплении 4-ю пехотную дивизию генерал-майора, принца Евгения Вюртембергского, подошедшую от 2-го корпуса, атаковал головы неприятельских колонн и, рассеяв их, прогнал обратно в лес...»

Бой был воистину страшен. При этом разница в применении артиллерии становилась совершенно очевидной.

«Немного прежде атаки вице-короля на Раевского, Наполеон поставил более 400 орудий. Под их защитой густые колонны пехоты и конницы возобновили напор на князя Багратиона. Более 300 соединенных с нашей стороны орудий и сближенный резерв приготовились принять неприятеля, дали ему подойти и открыли жесточайший огонь; но французы смело стремились вперед и даже вынудили похва-

лы у самого князя Багратиона. Когда один французский полк, осыпаемый картечами, продолжал идти без выстрела, неся ружья под курок, Князь Багратион воскликнул: «Браво!» Видя, что пушечный и ружейный огонь не останавливали неприятеля, он приказал выступить к ним навстречу. Весь фронт наших колонн левого крыла двинулся в штыки. Завязался кровопролитнейший ручной бой, где истощались все усилия храбрости. Нельзя было различить французов от своих. Конный, пехотинец, артиллерист – в пылу сражения все перемешались; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками; попирая ногами падших, громоздились на телах убитых и раненых. Некоторые неприятельские всадники, увлеченные запальчивостью, захвачены даже в наших гвардейских полках. Одни только резервы оставались с обеих сторон в отдалении, неподвижны. Черепок чиненого ядра ударил князя Багратиона в правую ногу и пробил переднюю часть берцовой кости. Боготворимый войсками, он хотел утаить от них боль и превозмочь ее, но течение крови изменило ему. Зрение его помрачилось; он едва не упал с лошади. Удаляясь с поля славы, князь Багратион беспрестанно обращал взор на место сражения. Коновницын, оставшись после него старшим, послал к Раевскому, пригласить его в Семеновское для принятия команды. Раевский отвечал, что не может отлучиться, не отразив сперва направленной на него атаки вице-

короля, и просил Коновницына действовать сообразно с обстоятельствами, присовокупляя, что не замедлит приехать после того. Между тем князь Багратион, не успев еще выехать из-под неприятельских выстрелов, заболел о распоряжениях, посылал к Коновницыну узнавать о происходившем и останавливался в ожидании ответа».

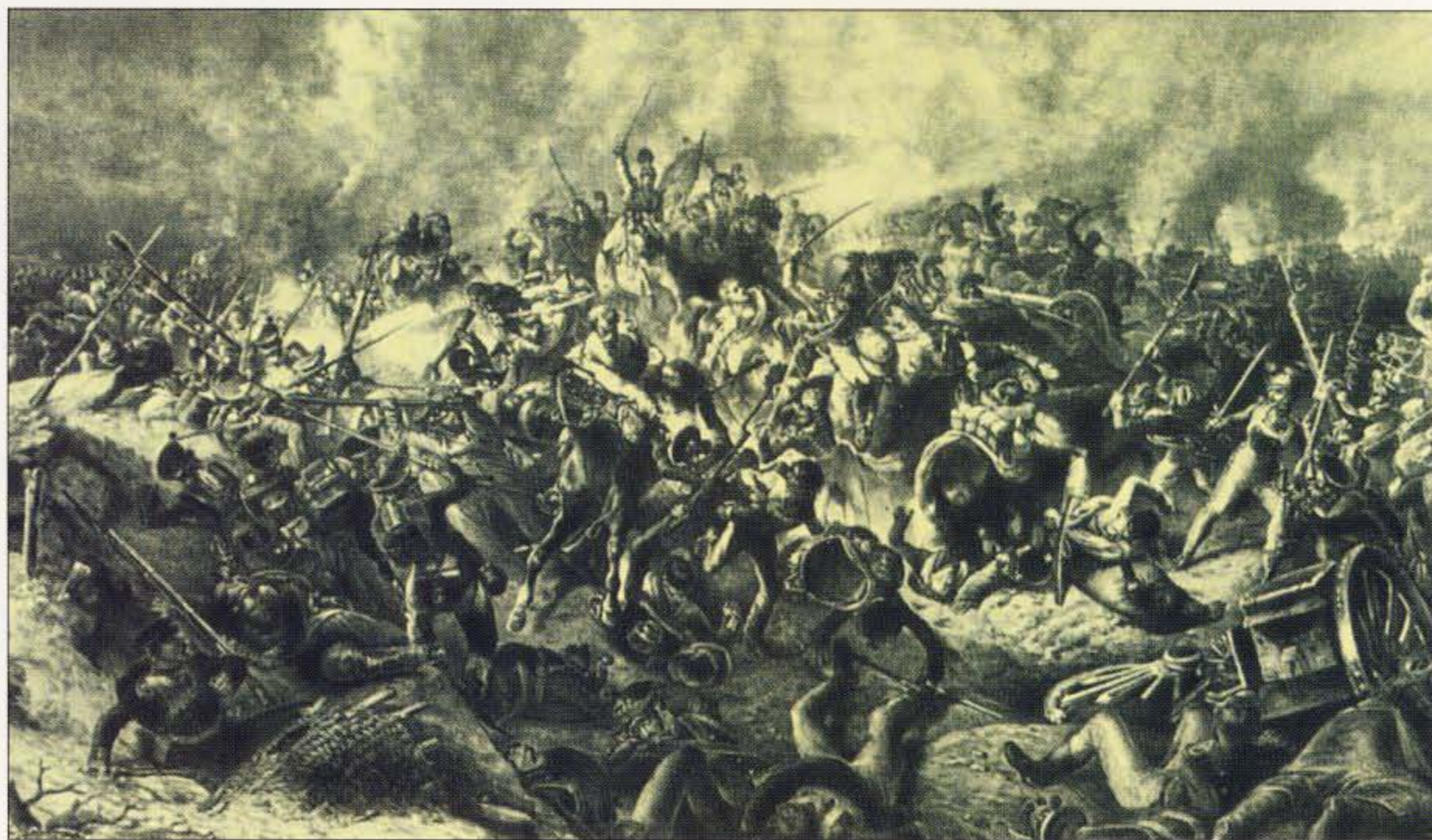
Вот описание того же момента в очерках Бородинского сражения Ф. Глинки: «...Князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, воина с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей, получил тяжкую рану принц Мекленбургский, во главе колонны был ранен корпусной командир Бороздин 2-й, осколок гранаты раздробил руку племяннику Суворова князю А. И. Горчакову, был убит на бруствере укрепления князь Г. Н. Кантакузен, по преданию,

его войска ввел в редан, отбитый у неприятеля, сам Багратион. Сильно пострадали полковые командиры. Московский гренадерский полк лишился в атаке полковника Шатилова. Подвиг его соратника запечатлен в скупых строках реляции Кутузова: «Астраханского гренадерского полку полковник Букстевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами».

И в очередной раз французы сочли, что вот он – кризис боя и сейчас русские будут опрокинуты. В это время уже пошли первые победные

Наполеон I на Бородинских высотах

Атака саксонцев в районе Семеновского оврага

Сражение при Бородине 26 августа

реляции в Париж. Русские отступают на своем левом фланге, центр держится из последних сил. В это время маршалы упрашивают Наполеона бросить в бой гвардию и обещают принести императору победу.

Как писал по поводу этих просьб в своей работе «Бой за Семеновские высоты» Л. Л. Ивченко: «Ней, Мюрат и Даву вновь готовились к атаке. Они давно уже требовали ввести в бой гвардию, потому что для решительного удара сил уже не хватало. Однако повелитель Франции, по словам генерала Пеле, чувствовал, что гвардия «предназначалась не для такого боя». Около получаса было потеряно им в раздумьях. Отказ, последовавший через генерала Бельяра, по словам историка, «вызвал более одного нетерпеливого движения, более одного очень живого выражения со стороны Мюрата и Нея... Ней, между прочим, воскликнул: «Пусть же он едет в Париж!» Наконец Наполеон отдал приказ ввести в бой дивизию Фриана, которая изначально сберегалась императором «для исправления ошибок». Обеспечить успех атаки дивизии Фриана должен был 4-й кав. корпус генерала Латур-Мобура. Около 10 часов утра Фриан двинулся к деревне Семеновское и, не дожидаясь кавалерии, попытался ворваться в деревню, но был сброшен в овраг, за которым в течение уже длительного времени находился в бездействии маршал Мюрат с кавалерией, «подвергаясь губительному огню батареи Семеновского». Король Неаполитанский приказал Латур-Мобуру «взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны...»

Обычно отказ Наполеона от ввода в бой Гвардии объясняют от болезни и вялости с французской стороны до ура-патриотической версии о страхе Наполеона, вызванного обходным маневром корпусов Уварова и Платова. Но практически все рассматривают этот отказ Наполеона как ошибку, помешавшую ему вырвать победу в критический момент боя.

Действительно ли так серьезна ошибка французского императора? И точно ли это ошибка? Или, может, Наполеон видел то, чего не видели его маршалы и современные критики? Похоже, что видел.

Местность как была, так и осталась трудной для стремительных маневров и атак. На

двухкилометровом фронте от слияния речки Каменка и Семеновского оврага до леса было развернуто 3 пехотных и 2 кавалерийских корпуса, что даже после всех потерь составляло порядка 40 тыс. человек. Им противостояли на высотах за Семеновским оврагом остатки 2-й армии с 300 орудиями, к которым постоянно подходили подкрепления. При этом огневое превосходство перешло на сторону русских, так как тяжелые батареи не доставали до новых позиций русских, а подвижные батареи уступали числом и калибром орудий. В резерве у Кутузова оставались не введенные в бой 4-й корпус Остермана-Толстого и 5-й гвардейский корпус Лаврова. Кроме того, резервная артиллерия позволяла нарастить число орудий на угрожаемом участке до 500. Но главное – русские войска были готовы сражаться дальше.

Что же получал Наполеон в случае ввода в бой гвардии на этом участке? Он получал на узком фронте фактически фаланги своей пехоты и конницы под огнем сотен русских орудий. Конечно, гвардия могла опрокинуть русский фронт на этом участке. Но с учетом готовности русских сражаться дальше, наличия у Кутузова резервов и огневого превосходства русской артиллерии при подобной атаке даже частный успех гвардии не гарантировал победы. А вот колоссальные потери были гарантированы. Даже если бы русскую армию вынудили к отходу атакой гвардии, но не смогли добить на поле боя, то соотношение потерь изменилось бы в пользу русских.

Наполеону не нужна была победа любой ценой. Ему нужна была такая победа, плодами которой можно воспользоваться. Для этого требовалось сохранить армию боеспособной. Вот собственные его слова, сказанные генерал-интенданту армии, Дюмасу, ввечеру, после окончания Бородинской битвы: «Будут удивляться, зачем я не употребил резервов для приобретения значительнейших успехов, но мне надобно сохранять резервы и нанести ими решительный удар в сражении, которое неприятель даст нам под Москвой. Успех сегодня обеспечен, а потому мне должно помышлять об участии всего похода и для этой цели сберегать резервы». Хотя это становилось все более проблематичным, так как русские, которые долж-

Каре лейб-гвардии Измайловского полка в Бородинском сражении

ны были давно обратиться в бегство, продолжали ожесточенно сражаться.

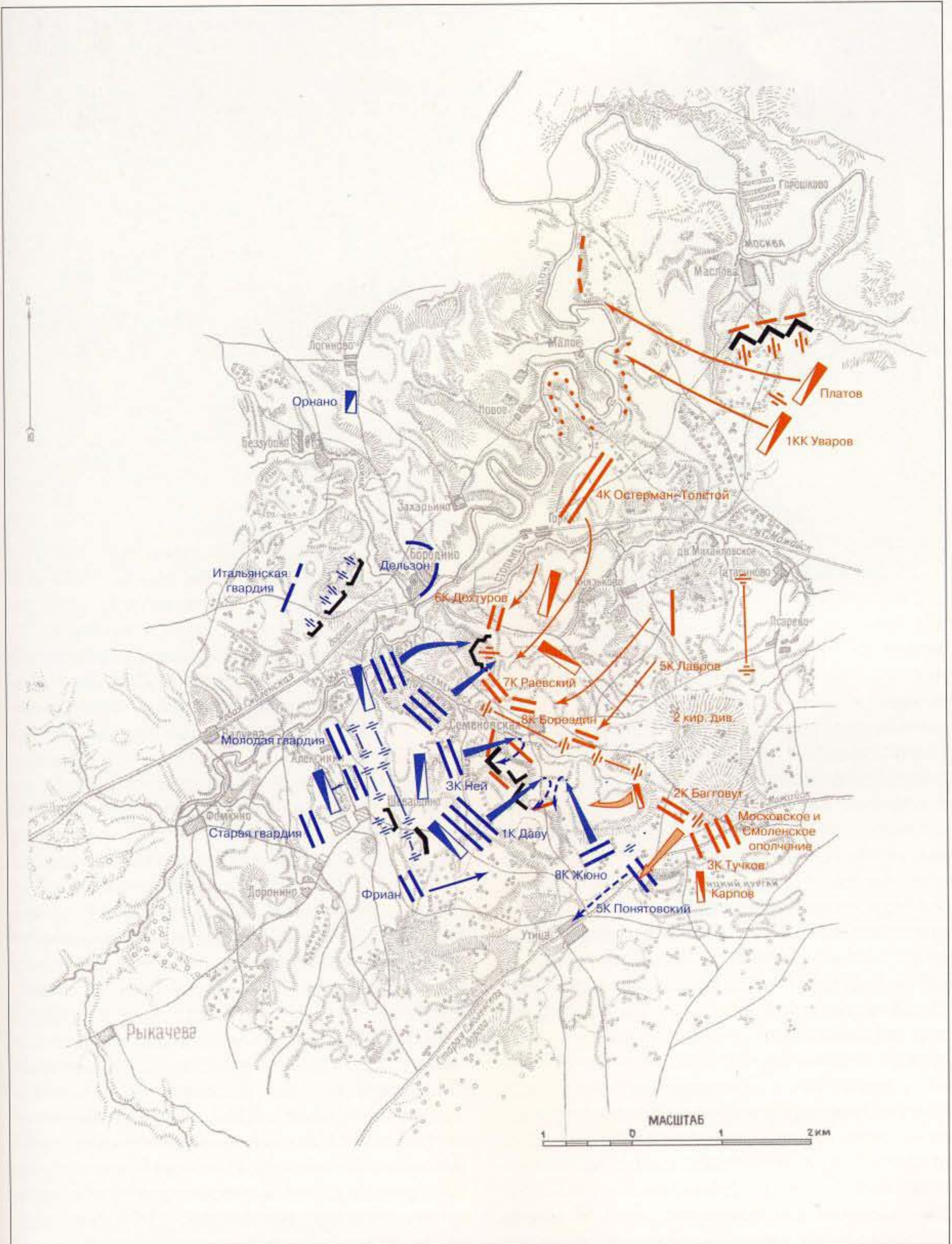
Полковник Кутузов, командовавший Измайловским полком, доносил: **«Истребляя ряды наши, неприятельский огонь не производил в них никакого беспорядка. Ряды смыкались и были поверяемы с таким хладнокровием, как бы находились вне выстрелов».**

Выходит, что маршалы и критики Наполеона просто поставили во главу угла сиюминутный тактический успех, который не гарантировал победы, не заметив угрозы всему походу, которую увидел император. И он был полностью прав, ответив маршалам, что «не может рисковать гвардией в тысячах лье от Парижа». Но если не идти на такой риск, то оставалось Наполеону только одно – продолжать «убивать и валить» русскую армию артиллерийским огнем. Ведь когда-то должен был наступить предел ее стойкости и готовности нести страшные и бесполезные потери от вражеского огня? Тем более она уже перешагнула все мыслимые пределы и надлом мог произойти в любую секунду. И русские побегут либо бросятся в самоубийственную атаку, как знаменитые в свое время испанские войска в XV веке в сражении при Равенне, не сумевшие долго выдержать безнаказанный огонь всего нескольких десятков орудий. Либо русские войс-

ка просто растают в этом страшном сражении, хотя это был и худший для Наполеона вариант, чреватый страшными потерями и для его армии.

«Следствием ужасного боя на левом крыле было уступление неприятелю укреплений, защищенных русскими несколько часов с геройским мужеством. Успеху французов способствовали превосходство их в числе и рана князя Багратиона, лучшего из наших боевых генералов. Его львиная храбрость, величавое спокойствие, быстрые соображения получали полное развитие в пылу сечи, составлявшей стихию Багратиона. С удалением главного начальника прекратилась общая, необходимая связь в действиях, не направляемых более одной мыслью, одной волей. Коновницын отвел войско к Семеновскому и занял ближние высоты. На них в один миг взвезли батареи, чем на самое короткое время удержано наступление французов. Прибыл герцог Александр Вюртембергский, до тех пор находившийся подле князя Кутузова и посланный им на левый фланг при первом известии о ране князя Багратиона. Вскоре потом поручено начальство над 2-й армией, бесстрашному защитнику Смоленска, Дохтурову».

Кутузов в условиях падения Багратионовых флешей и ранения самого Багратиона при-

Завершение боя за флеши и начало маневра Уварова и Платова

Бородинское сражение

нял все возможные меры для стабилизации фронта. Бой продолжался с прежним ожесточением.

«Овладев укреплениями впереди Семеновского, Наполеон распространил свои успехи далее. Он приказал Мюрату, с кавалерийскими корпусами Нансути и Латур-Мобура, атаковать наше левое крыло, обойти его, отрезать от тех войск, которые стояли на Старой Смоленской дороге, и таким образом утвердить за собой победу. Громимая русскими батареями, неприятельская конница стройно подвигалась вперед. Успех ее казался Наполеону несомненным. Любуясь порядком, с каким кавалерийские корпуса шли напролом, сперва шагом, потом рысью, наконец, понеслись во весь опор, захопал он в ладоши. Французы шли прямо на полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, примыкавшие к левому флангу дивизии Коновницына. Полки построились в кареи и, допустив французских кирасир на ближайший выстрел, открыли батальный огонь. Латы, не придавая мужества французам, были им слабой защитой. Враги показали тыл. Конные гренадеры покусались исправить неудачу кира-

сир, но, принятые одинаковым образом, имели равную участь: их опрокинули. Несколько конных гренадер, осмелившись доскакать до кареев, за дерзость свою наказаны штыками. Третья атака была так же безуспешна, как и первые две. Если бы в русских рядах, хотя на самое короткое время, водворился беспорядок или наши оробели, сражение было бы проиграно. Громады неприятельской кавалерии только и ждали поры броситься опрометью и обрушиться на нас всей своей тяжестью. В промежутки атак ядра и картечи сыпались на гвардейские полки, которые почитали нападения кавалерии настоящим отдохновением, потому что, хотя на время, избавлялись от выстрелов артиллерии. Полковник Кутузов, командовавший Измайловским полком, за ранами старших, Храповицкого, Козлянинова и Мусина-Пушкина, доносил: **«Истребляя ряды наши, неприятельский огонь не производил в них никакого беспорядка. Ряды смыкались и были поверяемы с таким хладнокровием, как бы находились вне выстрелов».**

Русские солдаты продолжали стоять и умирать. Но не отступали.

Завершающая фаза боя

Кутузов продолжал перераспределять силы с неатакованного правого фланга в центр и на левый фланг. Следует отметить, что по мере втягивания все больших французских сил в сражение вероятность обходного маневра французов с севера или удар по правому флангу стремительно уменьшалась. Более того, для улучшения своего положения и отвлечения сил французов кавалерия правого фланга была брошена в обход открытого фланга французов.

«Незадолго до начала атаки, в которой ранен князь Багратион, и до нападения на батарею Раевского князь Кутузов беспрестанно получал донесения, что неприятель все более и более стягивает силы против нашего левого крыла. Он был подле батареи на Горках, немного левее столбовой дороги. Желая лично удостовериться в справедливости донесений, князь Кутузов въехал на пригорок, осыпавший гранатами и обломками их, летавшими во все направления. На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России. Тщетно уговаривали его спуститься с пригорка, и когда никакие убеждения не действовали на него – адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели его из-под выстрелов. Следствием сего личного обозрения были два приказания, отданные Кутузовым: 1) Милорадовичу, с стоявшим на правом крыле 4-м пехотным корпусом, графа Остермана, и 2-м кавалерийским, Корфа, сбли-

зиться к центру; 2) Платову, с казаками, и Уварову, с 1-м кавалерийским корпусом, переправиться вброд через Колочу, выше Бородина, и атаковать левое крыло неприятеля. Сим движением князь Кутузов надеялся развлечь внимание Наполеона и оттянуть часть сил его от нашего левого крыла».

Как видно из распоряжений Кутузова, он не только перебрасывал резервы с неатакованных участков, но и пытался вырвать инициативу, осуществив охват и обход открытого фланга Наполеона силами $\frac{1}{3}$ всей имевшейся в русской армии кавалерии. Но что получилось из этого грамотного и своевременного решения?

«Местоположение для действия 1-го кавалерийского корпуса, Уварова, было невыгодно. Надлежало переходить через овраг и речку и потом подыматься на крутой берег. Деревня, на левой стороне, и лес, на правой, были заняты неприятельской пехотой. Переправившись через Колочу, Уваров возложил первую атаку на графа Орлова-Денисова, с полками Лейб-гусарским, Лейб-казачьим и Елисаветградским гусарским. Граф Орлов-Денисов должен был спуститься в ров и выстроить полки на противолежащем высоком берегу, под огнем неприятельской артиллерии. Все препятствия были преодолены; наши пустились в атаку на стоявшую вблизи пехоту. Отстреливаясь, пехота по-

Кавалерийская атака генерала Ф. П. Уварова

спешно отошла назад. Находившаяся при ней батарея едва успела отступить. Елисаветградский гусарский полк отбил два орудия, но не мог увезть их. Уваров предпринял вторичную атаку, но она не удалась, потому что неприятель успел усилить пехоту и сформировать ее в кареи. В одном из них принужден был искать спасения сам вице-король, прискакавший из центра, где он велел прекратить нападения и откуда велено части войск идти на левый берег Колочи. Князь Кутузов смотрел на действия Уварова с Горской батареей и приказал ему отступить, заметив, что цель, для которой послана кавалерия, была достигнута, то есть

Сражение при Бородине

что войска неприятельские стали подаваться на левое крыло их. Невзирая на повеление, Уваров не отходил еще несколько времени и разными движениями давал вид, будто намерен возобновить атаку. Он отошел обратно на позицию, когда получил вторичное приказание. Платов находился правее Уварова.

Казаки перешли вброд через Войну, рассыпались в тылу неприятельском и произвели такую тревогу, что бывшие там обозы, в величайшем беспорядке, обратились в бегство. По отступлении Уварова отошел назад и Платов».

Далее Михайловский-Данилевский рассуждает об огромном значении этого маневра

для судьбы сражения и о том, что именно он заставил Наполеона остановить «Молодую гвардию» и не вводить ее в бой. Но французские источники этого не подтверждают. Маневр прошел практически незамеченным французами, хотя назвать незначительными задействованные в нем силы никак нельзя. У Платова было 72 сотни, у Уварова 28 эскадронов, что вместе давало кавалерийскую группировку более 9 тыс. человек. Это вторая по численности использованная кавалерийская группировка, уступающая только трем корпусам Мюрата в атаке на флешы. Ожидалось, что Уваров и Платов глубоким маневром

в обход открытого левого фланга французов сумеют отвлечь значительные силы французов и внести дезорганизацию в их ряды. Но единственное реальное изменение в положении войск состояло в отходе за речку Войну, под прикрытие артиллерии и пехоты 4-го корпуса, кавалерии Орнано (всего 8 эскадронов). Небольшое значение рейда подтверждает косвенно и Кутузов. Уваров и Платов чуть ли не единственные представители командного состава русской армии в Бородинской битве, не получившие за нее наград. Никаких перемещений французских войск в связи с их рейдом не было.

Командование русским левым флангом вместо выбывшего Багратиона принял командир 6-го корпуса генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров. Прибывшие резервы из 5-го и 2-го корпусов позволили стабилизировать фронт, а артиллерия, имеющая теперь на позициях за Семеновским оврагом как численное, так и качественное превосходство над противостоящей французской артиллерией, делала невозможным стремительный прорыв. Полученная поддержка в виде дивизии Фриана, сменившей потрепанный 8-й корпус Жюно, позволила французам продолжить атаки. Но развить их успех не удавалось. Хотя после длительного боя, состоящего из череды атак через Семеновский овраг и контратак, отбрасывающих французов обратно за него, деревня Семеновская осталась за французами, но ни о каком серьезном развитии успеха речи не шло.

8-й корпус был передвинут южнее флешей и оказался таким образом сближен с корпусом Понятовского.

Но, несмотря на отсутствие видимых результатов, сражение продолжалось практически с прежним ожесточением. Среди поредевших каре русской гвардии не раз появлялся начальник Главного штаба Беннигсен. Молодые офицеры, набравшись храбрости, обратились к маститому полководцу, победившему Наполеона в битве при Эйлау: «В какой степени можно сравнивать настоящее Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлаусским?» Старый генерал некоторое время молча смотрел в совсем еще юные лица офицеров, уже так много переживших в тот день и продолжавших умирать под градом ядер, картечи и гранат.

«Верьте мне, что в сравнении с тем, что мы до сих пор видим, Прейсиш-Эйлаусское сражение только сшибка», – ответил Беннигсен, наполнив гордостью их сердца.

А Наполеон сделал в это время на первый взгляд нелогичный шаг, перенес основные усилия с правого фланга, вроде уже добившегося успеха, в центр, на батарею Раевского. Но, как было видно по предыдущим действиям французского полководца, он постоянно в этом сражении старался обеспечить наиболее благоприятные условия для использования своей тяжелой артиллерии. Сейчас у него была возможность расстреливать войска русского центра по сути перекрестным анфиладным огнем.

Этим прекрасно воспользовался фактически командовавший «Гранд-батареей» генерал Сорбье. Он выдвинул к речке Каменке 36 пушек гвардейской резервной артиллерии и 49 орудий конной артиллерии корпусов Нансути и Латур-Мобура. Эта мощная батарея продольным огнем расстреливала войска Остермана-Толстого и принца Вюртембергского, которые в это время составляли основу сил, защищавших батарею Раевского. Что не попадало в батарею, накрывало стоящие сзади и по бокам войска. И выдвинутое положение батареи улучшало французским командирам возможности ведения огня. Так как огонь продолжали и орудия «Гранд-батареи» и 4-го корпуса Богарне, то обрушившийся на русские войска огневой шквал по силе не уступал тому, что ранее был на Багратионовых флешах. Но эффект от него был даже выше из-за возможностей перекрестного огня. Эффективно противодействовать новой батарее мощнейшие русские батареи у Семеновского оврага не могли, ибо сектор обзора перекрывался Семеновскими высотами с расположенными на них флешами. Сорбье этим блестящим маневром артиллерией еще раз подтвердил свою славу одного из лучших артиллеристов эпохи.

«Был третий час пополудни, когда Наполеон возвратился с берегов Войны к Шевардину, где от раннего утра распоряжался войсками. Он приказал ограничиться пальбой из орудий против нашего левого крыла и обратился против центра в намерении овладеть Курганной батареей. Но центр наш был уже обеспечен прибытием корпусов графа Остермана и Корфа,

Битва под Москвой

*Атака на батарею Раевского
и гибель генерала Коленкура*

переведенных туда с правого фланга. Граф Остерман стал в первой линии, между курганом и Семеновским, где с начала сражения находился корпус Раевского. Позади расположились полки Преображенский и Семеновский; за ними 2-й и 3-й кавалерийские корпуса; в последней линии Кавалергардский и Лейб-гвардии Конный полки. Дохтуров с остатками второй армии и войсками, в течение утра отправленными к ней на подкрепление, примыкал правым флангом к Семеновскому, левым стоя косвенно по направлению к Старой Смоленской дороге. Дивизии, составлявшие собственно корпус Дохтурова: 24-я, Лихачева, занимала Курганную батарею, 7-я, Капцевича, стояла правее от нее.

В таком положении были русские войска, обставленные артиллерией, когда началось второе действие сражения. С правой стороны и по протяжению всей нашей линии били французские орудия, действовавшие против центра и Курганной батареи, а с левой артиллерия, размещенная Наполеоном на позиции, отнятой у князя Багратиона. «Этого неудобства, – говорит Барклай-де-Толли в донесении князю Кутузову, – нельзя было избежать, оттого что надлежало сделать преграду неприятельским успехам и удерживать остальные защищаемые нами места. В противном случае должны мы были оставить Курганную батарею, – присовокупляет Барклай-де-Толли, – наши храбрые войска выдержали страшный огонь с удивительным мужеством». Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительного действия происходившей здесь канонады. Гранаты лопались в воздухе и на земле, ядра гудели, сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетами, ломали в щепы и дребезги все, что

встречали в своем полете. Выстрелы были так часты, что не оставалось промежутка между ударами; они продолжались беспрерывно, подобно неумолкающему раскату грома. Некоторые артиллерийские роты наши, прибывшие из резерва, простояв короткое время на одном месте, теряли прислугу и ящики; приходилось вывозить орудия из дела на двух лошадях. С небольшим в час убито в конной роте Никитина 90 человек и 115 лошадей. Недоставало людей для поднятия орудий на передки. Из пехоты брали солдат для прислуги, ратников ополчения сажали верхом на артиллерийских лошадях. Чугун дробил, но не колебал груди русских, лично оживляемых присутствием Барклая-де-Толли, Милорадовича и графа Остермана. Наперерыв друг перед другом становились они на местах, где преимущественно пировала смерть. Завидя Барклая-де-Толли там, где ложилось множество ядер, Милорадович сказал: «Барклай хочет меня удивить!» – поехал еще далее, под перекрестные выстрелы французских батарей, и велел подать себе завтрак. Граф Остерман, сильно контуженный, должен был удалиться с поля сражения; оба дивизионных начальника его корпуса, два брата Бахметевы, ранены; одному из них оторвало ногу. В намерении воспользоваться губительным действием артиллерии, Наполеон повел кавалерийские атаки. Кирасиры и уланы понеслись на корпус графа Остермана. «Наша пехота, – говорит Барклай-де-Толли, – встретила их с удивительной твердостью, подпустила на 60 шагов и открыла такой деятельный огонь, что неприятель был опрокинут и искал спасения в бегстве».

Повторялась картина сражения на флешах. Снова французские атаки вынуждали Кутузо-

ва держать большие силы в плотных боевых порядках, которые методично выкашивала французская артиллерия. Снова русские солдаты «стояли и умирали». Ожесточение боя за батарею Раевского нарастало.

Для давления на батарею Раевского были сосредоточены дивизии Жерара, Морана, Брусье, итальянская гвардия и кавалерийские корпуса Монбрена и Груши. В бой были брошены и кирасиры корпуса Груши – тяжелая кавалерийская дивизия Лагуссэ. Теперь им в основном противостояли силы 4-го и 6-го корпусов. Войска 4-го корпуса сменили остатки 7-го корпуса, за ними стала русская гвардия – Преображенский и Семеновский полки. За ними встала в две линии кавалерия. В первой линии были развернуты 2-й и 3-й кавалерийские корпуса под общим командованием Корфа, в второй линии – конная гвардия и кавалергарды.

Подобный боевой порядок, подкрепленный резервной артиллерией, позволял локализовать любой частный успех французов, но еще больше повышал потери от французского огня. Русские солдаты продолжали стоять и умирать. Они проявляли чудеса героизма и раз за разом отбивали атаки французов и сами бросались в контратаки.

«Особенно отличились: 34-й егерский и Перновский полки». Последний сам пошел на неприятельскую кавалерию, опрокинул ее и побежал за нею; гренадеры первой шеренги бросали вдогонку французов ружья со штыками. Это было в 4 часа пополудни. Полки 2-го кавалерийского корпуса, Сумский и Мариупольский гусарские, за ними Иркутский и Сибирский драгунские, преследовали и гнали неприятеля до самых его резервов и только принятые пушечным и ружейным огнем были обращены назад. Неприятельская конница преследовала нашу, прорвалась сквозь интервалы пехотных кареев и зашла в тыл 7-й и 11-й пехотных дивизий; но «эта бесподобная пехота», как Барклай-де-Толли называет ее в своем донесении, «нимало не расстраиваясь, встретила французов батальным огнем».

Между тем конные полки 2-го корпуса вновь собрались, пошли в атаку и, опрокинув неприятеля, принудили отступить за пехоту. Французы скрылись на время из вида. Табуны лошадей без всадников, разметав гривы, ржали, бегали посреди мертвых и раненых; по полю

разбросаны были подбитые орудия, остовы ящиков. Вскоре замечены у французов новые приготовления к атаке. Конница их опять показала впереди пехоты, в колоннах. Тут необходимы были последние с нашей стороны усилия. Барклай-де-Толли послал за полками Кавалергардским и Конно-гвардейским; они из всей русской кавалерии, одни не были еще введены в дело. Отправленный к командовавшему ими полками, генерал-майору Шевичу, адъютант объявил приказание идти вперед; отборные латники огласили воздух радостными восклицаниями. Пока они подвигались, неприятельская конница, предводимая Коленкуром, заступившим место Монбрена, убитого при атаке редутов нашего левого крыла, врубилась в пехоту 24-й дивизии, прикрывавшую Курганную батарею, а пехотные колонны вице-короля подошли под самый курган. Бывшие на нем орудия, после окончательного залпа, умолкли. Неприятельская пехота взбиралась на вал со всех сторон; ее опрокидывали штыками в ров, наполненный трупами убитых; свежие колонны заступали места и с новой яростью лезли умирать; наши встречали их с равным ожесточением и сами падали вместе с врагами. Наконец бывшая в голове французов, саксонская конница Тильмана ворвалась в редут с тыла. За саксонцами мчался весь корпус Коленкура. Груды тел лежали внутри и вне окопа; почти все храбрые его защитники пали. Одним из последних выстрелов, пущенных с нашей батареи, убит Коленкур».

Коленкур стал командиром корпуса прямо на поле боя вместо убитого генерала Монбрена.

Гибель генерала Коленкура

Петр Гаврилович Лихачев

ня. И первый же приказ, поставленный кирасирам Коленкура, был взять Курганную батарею. «Я буду там живым или мертвым», – поклялся Коленкур Наполеону. Коленкур лично повел в атаку 2-ю тяжелую кавалерийскую дивизию Вотье. Его атака заставила нашу пехоту под жесточайшим огнем перестойться в каре, что еще больше увеличило потери. Были ранены командир корпуса Остерман-Толстой и оба командира дивизий. Французские кирасиры отбросили часть пехоты 6-го корпуса в Горицкий овраг и частью сил ворвались на батарею Раевского. Защитники батареи отбить удар не смогли, но под огнем второй линии кирасиры удержаться не смогли и откатились. Сам Коленкур в этот момент был убит. Но успех, достигнутый Коленкуром, развили кавалеристы Лотур-Мобура. В последнем бою за редут тяжело раненым попал в плен командир 24-й дивизии 6-го корпуса генерал Лихачев.

Как видно из всего хода боя, французская кавалерия, особенно кирасиры, играла заметно большую роль на поле боя, чем русская, решая самостоятельные задачи и находясь на острие атаки. Но Бородинское поле, ставшее полем славы для французских кирасир, стало и их же кладбищем. Процент потерь во французской тяжелой кавалерии был огромен.

Евгений Богарне вывел на линию батареи Раевского дивизии Морана, Жерара и Брусье, закрепив таким образом успех. Барклай-де-Толли пытался отбить батарею контрударом 24-й дивизии, но этот контрудар был сорван кирасирами противника. Барклай-де-Толли отвел войска за Горицкий овраг и приготовился к продолжению боя. Попытка двух французских кавалерийских корпусов развить успех не удалась. Пехота 4-го и 6-го корпусов отбила их атаку, построившись в каре, а артиллерия отбилась огнем в упор. Только польские уланы сумели прорваться к русским батареям, но были отбиты артиллеристами в рукопашном бою. Особенно отличился генерал Костенецкий, человек огромной силы, банником повергший на землю нескольких улан.

Завершающим аккордом боя в центре стал бой саксонских кирасир и польских улан против наших кавалергардов. Бой этот произошел между боевыми порядками русской и французской пехоты и был вызван стремлением французов развить успех и нашим стремлением отбросить французов к батарее Раевского. В этом бою французы были остановлены, а русские потеряли командира кавалергардов полковника Левенвольде.

Кризис боя закончился ничем. После взятия Курганной батареи русская армия продолжала держаться. Дальнейшие атаки французов становились все более вялыми, и бой свелся к перестрелке. Конечно, у Наполеона оставалась гвардия. Но остальные войска, и так истощенные и ослабленные тяжелейшим походом, были смертельно вымотаны тяжелейшим, длящимся весь день сражением. На линии соприкосновения превосходство в артиллерии перешло к русской армии. Такой удобной позиции для «Гранд-батареи», как Шевардинский холм, ближе к русским позициям не было, а гораздо большее удобство для атаки большими силами было уже нечем реализовать. Французские войска были вымотаны и утратили наступательный порыв.

«Покорение Курганной батареи было последним усилием истощенных сил неприятельских. Их конница двинулась еще на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии. Барклай-де-Толли успел присоединить к Кавалергардскому и Конно-Гвардейскому полкам остатки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов.

Завершение боя

лерийских корпусов, до чрезвычайности пертерпевших от действия артиллерии и бесчисленных атак (например, в Сибирском драгунском полку оставалось только 120 человек и 3 офицера; старшим был поручик). Участь сражения зависела от отпора в сем пункте. Барклай-де-Толли лично вел войска. Он ехал впереди них, в полном генеральском мундире и шляпе с черным пером. Навстречу к нему шла неприятельская конница. Одна атака следовала за другой, но поле битвы осталось наконец за нами. К 5 часам неприятель, несколько раз опрокинутый и с новой яростью возобновлявший нападения, отступил. Милорадович расположил батареи на картечный выстрел против Курганной батареи, на случай, если бы неприятель вознамерился идти еще вперед, но он не двигался».

Русские солдаты выстояли. Они были готовы сражаться. Несмотря на все успехи, первыми выдохлись французы.

«Узнав об успехе, одержанном в центре, то есть о взятии батареи Раевского, Понятовский возобновил нападения. Начальствовавший против него Багговут был уже заблаговременно подкреплен другой дивизией своего корпуса, принца Евгения, чем князь Кутузов обеспечил себя от обхода по Старой Смоленской дороге. После довольно жаркого дела Багговут отступил к вершине ручья Семеновского. К отступлению побудили его две причины: 1) известие, что левое крыло наше, с коим ему надлежало находиться в связи, отведено за Семеновский овраг; 2) появление в кустарниках, на правом его фланге, вестфальских войск корпуса Жюно, угрожавших отрезать его от армии».

Как видно, сражение постепенно затихало на всех участках, притом независимо от происходящего в других местах поля боя.

«Что касается до левого фланга армии, где предводительствовал Дохтуров, все усилия французов, действия их артиллерии и многочисленные атаки кавалерии не могли сбить его с занятой им позиции. С нашей стороны не было ни маневров, ни движений: отстреливались, отбивали атаки, между тем как Дохтуров, сидя на барабане посреди войск, подавал им пример необыкновенного хладнокровия. Часов в шесть по всему полю только ревела канонада до самого наступления мрака. Изнурение обеих воевавших армий положило естественный предел действиям их. По-

Конец Бородинского сражения

следней вспышкой сражения может похвастаться дело, загоревшееся в Семеновском. Около девяти часов вечера неприятель овладел им, но был вытеснен штыками лейб-гвардии Финляндского полка. Глубокая темнота летнего вечера спустилась на гробовую равнину, безмолвную, как огнедышащая гора без извержений».

К 18 часам положение сложилось следующее: русские войска стояли правым, сильно укоротившимся флангом, у деревни Горки. От батареи у этой деревни линии 6-го корпуса шли в направлении деревни Семеновская, к флангу 6-го корпуса примыкали части 4-го корпуса. Далее влево расположились остатки пехоты 2-й армии, упираясь флангом в кустарник, где находились гвардейские Финляндский и Измайловский полки, занимавшие позиции до леса, что у Старой Смоленской дороги. Отдельно, отрезанные лесом, с обеих сторон Старой Смоленской дороги, стояли части 2-го и 3-го корпусов под общим командованием Багговута. Единственными русскими частями, не потрепанными в бою, были 4 егерских полка с правого фланга.

Французские войска находились напротив в следующем порядке: против 6-го и 4-го корпусов стояли части 4-го корпуса Богарне, усиленные 3 кавалерийскими корпусами и дивизиями Жерара и Морана. 3-й корпус Нея с дивизией Фриана и 1-м кавалерийским корпусом стоял против остатков 2-й армии и гвардии. Против Багговута были силы 8-го корпуса Жюно и 5-го корпуса Понятовского. В резерве у Наполеона находилось 19 тыс. гвардейцев.

Мюрат послал генерала Бельяра к Наполеону с просьбой дать гвардию, того же требовал

и Ней. Но император отказался рисковать последним резервом. Он лично осмотрел позицию русских войск и увидел как их готовность сражаться, так и поддерживающую их мощнейшую артиллерию. В решении не бросать в мясорубку с сомнительным результатом гвардию Наполеона поддержали Бертье и Бессьер.

Русская армия понесла огромные потери, но устояла, хотя по всем канонам военного искусства должна была быть разбитой и бежавшей с поля боя. Стойкость русских солдат позволила Кутузову совершить невозможное. Короткие вспышки паники и малодушия, с которых обычно начинается крушение фронта армии, быстро гасились ветеранами, офицерами и генералами. Примеры мужества и героизма были массовыми и делали бегство

армии просто невозможным. Русскую армию можно было попытаться истребить, но не опрокинуть. В последнем рапорте императору Александру I (от 27 сентября 1812 года) главнокомандующий 2-й Западной армии генерал от инфантерии князь Багратион писал: «Сей день, всемилостивейший Государь, войско русское показало совершенную неустрашимость и неслыханную храбрость от генерала до солдата. Неприятель видел и узнал, что русские воины, горящие истинною к тебе, всемилостивейший Государь, и Отечеству любовью, бесстрашно все готовы пролить кровь, защищая августейший твой престол и Отечество. День сей пребудет и в предбудущие времена знаменитым редким героизмом русских воинов...»

После боя

Что же за ситуация сложилась после прекращения огня? Русская армия, проявив потрясающий героизм, сумела устоять, пока противник не был вынужден прекратить атаки. Как говорил ранее уже командовавший русскими войсками, останавливавшими Наполеона, генерал Беннигсен молодым офицерам, которые спрашивали его, не хуже ли они сражаются, чем при Прейсиш-Эйлау: «По сравнению с сегодняшним днем Эйлау – всего лишь сшибка».

Русские солдаты, офицеры и генералы готовы были и дальше сражаться с врагом. Но когда Кутузову пришли первые донесения о потерях, он понял, что произошло на Бородинском поле. Армия лишилась убитыми и ранеными от трети до половины личного состава. План Наполеона по выкашиванию русской армии артогнем сработал полностью. Давать сражение на следующий день сил просто не было, резервы, кроме артиллерийских, были полностью истощены. А ведь Наполеон так и не ввел бой свою гвардию, а это почти 19 тыс. человек лучших войск Франции, совершенно не утомленных предыдущим боем. За ночь Наполеон мог перегруппировать свою артиллерию, лишив русскую армию преимущества в мощи артиллерийского огня, сложившегося в конце боя. Кроме того, французы, понесшие меньшие потери и сохранившие больше све-

жих сил, могли теперь с меньшим, чем до боя, риском провести обходной маневр. Единственным разумным шагом для Кутузова оставалось немедленное отступление. И этот шаг он сделал.

«До 11-го часа вечера князь Кутузов не отменял повелений к возобновлению сражения. Поверяя неприятельское положение, наши патрули открывали французские передовые посты отступающими все далее и далее. Посланный поздно вечером патрульный офицер 1-го егерского полка донес, что он не нашел неприятеля на батарее Раевского. Того же полка унтер-офицеру, с 10 рядовыми, приказано было перебраться через Колочу, ниже моста, поутру истребленного. Через полчаса они возвратились и донесли, что в Бородине нет неприятеля, а за селением, на дальнем расстоянии, заметна конная цепь французов. При таких обстоятельствах, когда Наполеон отошел назад, князь Кутузов не находил причин оставлять поля сражения, но к отступлению побудили его донесения Дохтурова об убыли людей во 2-й армии. В 11 часов доложили о приезде Дохтурова. Кутузов вышел к нему на встречу и при всех сказал: «Поди ко мне, мой герой, и обними меня. Чем может Государь вознаградить тебя?» Он повел его в особенную горницу и, переговорив с ним, велел артиллерии тотчас отступать за Можайск и пе-

хоте и кавалерии, по кратком отдыхе, идти туда же. Войска разделены были на 4 колонны; 1-я поручена Дохтурову, 2-я Милорадови-

чу, 3-я Платову; 4-я состояла исключительно из артиллерии. Барклай-де-Толли получил это повеление в полночь».

ПОТЕРИ СТОРОН

Вот что пишет о потерях историк Шведов: «Отправной точкой для оценки потерь русских войск в сражении, конечно же, является ведомость потерь, составленная в штабе М. И. Кутузова к 13–14 сентября.

Для проверки данных этой ведомости потерь важно оценить силы русской армии после сражения. Зная численность войск до и после сражения, можно легко проверить достоверность данных о потерях. В исторической литературе практически не предпринималось попыток установить численность армии после сражения. Только А. И. Михайловский-Данилевский в доказательство своей оценки потерь привел ссылку на армейские рапорты от 11 сентября 1812 года, согласно которым в армии осталось лишь 55 тыс. старослужащих нижних

чинов. Историки не опровергали, но и не использовали эту оценку, так как она противоречила приводимым ими данным о потерях.

Хотя в архиве имеются более ранние сентябрьские рапорты, но использование этих сведений осложняется тем, что в рапортах содержится гораздо меньше данных, а пополнение, поступившее после Бородина (рекруты и ратники), не выделено в отдельные графы.

Анализ рапортов от 8–11 сентября показывает, что 1-я Западная армия насчитывала 1800 офицеров и 40 800 строевых старослужащих нижних чинов, а 2-я армия – соответственно 520 и 13 760, итого 56 880 строевых чинов.

По многочисленным свидетельствам, численность армии к вечеру дня сражения была еще меньше. Так, Н. Н. Раевский оценивал свой

Битва под Москвой 7 сентября 1812 года

7-й корпус в 1200 чел. Этот факт служил М. И. Кутузову аргументом при принятии решения об отказе от второго генерального сражения как до, так и после оставления Москвы. В рапорте царю от 29 августа он писал: «В сражении при Бородине заметил я, что рядовые при самом начале оно, в большом числе оставив команды свои, уходили назад под предлогом препровождения раненых или отзываясь, что расстреляли все патроны, отчего при малой потере, каковая оказалась ныне при вернейшей проверке на месте нами удержанном, оставалось весьма немного налицо...»

Мы не стали пользоваться методикой Шведова, в которой четко просматривается стремление приуменьшить наши потери, взяв только удачно приведенные им цитаты, и опираемся в основном на цифры, приводимые Михайловским-Данилевским и Тарле. Тем более они хорошо коррелируют не только с оценками Раевского, но и с такими фактами, как убыль личного состава в дивизии Воронцова, от которой осталось 300 человек. Хотя оценки потерь русской армии имеют разброс от 38 тыс. до 58 тыс. человек. Однако большинство цифр, которые указывают наши потери менее 44 тыс., опираются только на сведения потерь по косвенным данным и спорным методикам подсчетов.

Что имеется по французским потерям? Данные французской историографии более расплывчаты, чем нашей.

Сведения о потерях «Великой армии» в сражении при Бородине во французской историографии первой половины XIX века (Шамбрэ, Меневаль, Ларрей, Солтык) также не отличаются точностью и единодушием, где разброс показателей составлял от 22 до 30 тыс. человек убитыми и ранеными, причем без учета пропавших без вести. П.-П. Денье, занимавший должность инспектора смотров в кабинете Генерального штаба, приводил цифру убитых и раненых «Великой армии» в 28 тыс. человек. Денье первым во французской историографии попытался оценить потери французской армии на основе документальных материалов. Он привел цифры из рапорта, представленного им на основе данных начальников корпусных штабов маршалу Бертье (вероятно, 21 сентября): 49 выбывших из строя генералов (из них 10 убитыми), 37 полковников (10 убитыми), 6547 офицеров, унтер-

*На поле битвы под Москвой
17 сентября 1812 года*

офицеров и солдат убитыми и 21 453 ранеными. Другие данные обычно указываются без ссылки на источник, так что мы будем оперировать именно этими. Правда, необходимо учесть их неполноту и проблему с медицинским обслуживанием. Это привело к огромному количеству смертей среди раненых.

«Лазаретные фуры в условиях бездорожья часто отставали от армии, и после боя врачи не имели ни лекарств, ни перевязочных средств. «Горе раненым, зачем они не дали себя убить, — писал интендант «Великой армии» Тюибу-си, — несчастные отдали бы последнюю рубашку для перевязки ран; теперь у них нет ни лоскута, и самые легкие раны делаются смертельные». По воспоминаниям одного из участников Бородинского сражения, когда с наступлением темноты оставшиеся на поле войны стали жечь костры, то «около каждого огня... собирались раненые, умирающие, и скоро их было больше, чем нас. Подобные призракам, они со всех сторон двигались в полумраке, тащились к нам, доползали до освещенных кострами кругов. Одни, страшно искалеченные, затратили на это крайнее усилие последний остаток своих сил: они хрипели и умирали, устремив глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другие, сохранившие дуновение жизни, казались тенями мертвых». Другой участник битвы, офицер наполеоновской армии Фоссен вспоминал: «Всю ночь напролет мы провели на поле сражения, стоны несчастных раненых было жалостно слушать, о каком-либо уходе за ними или уборке их куда-либо нечего было и думать; не было даже сколь-нибудь воды вблизи».

Капитан 30-го линейного полка Франсуа вспоминал, что через 8–10 дней после сражения умерло три четверти всех раненых, находившихся в главном амбулансе в Колоцком монастыре. По свидетельству главного хирурга французской армии Д.-Ж. Ларрея ресурсы для оказания помощи раненым «Великой армии» оказались просто ничтожными, в результате чего большинство солдат так и не смогло снова встать в строй.

Так что данные, приведенные в военной энциклопедии по французским источникам,

20,5 тыс. погибшими и 8,5 тыс. раненых выглядят очень правдоподобно.

Но о чем все эти цифры говорят? Вне зависимости от методик расчета, потери русской армии оказываются в 1,5–2 раза больше, чем у армии Наполеона. И превосходство армии Наполеона на следующий день после боя было несомненным. Но также эти цифры говорят о том, что русская армия совершила чудо с военной точки зрения, выдержав такой бой и сумев устоять под атаками противника, несмотря на столь жуткие потери.

Итоги и выводы

К чему привело Бородинское сражение? Каковы его результаты? С точки зрения формальной, все предельно ясно. Наполеон вынудил русскую армию к дальнейшему отступлению, нанеся в бою гораздо большие потери. То есть нет разгрома русской армии, но есть ее тактическое поражение. Но с точки зрения морального фактора все выглядит иначе. С поля боя ушла не потерпевшая поражение, а устоявшая в бою и готовая дальше биться армия, уверенная в своей конечной победе. А вот победившую французскую армию эта победа, похоже, надломилась. Никогда более войска Наполеона не демонстрировали такого упорства и воли к победе, как при Бородине. Никогда еще Наполеон не достигал такой «победы», когда за день боя с обеих сторон потери составили почти 100 тыс. человек, а никто не нес трофейные знамена, и вел пленных. И вера в непобедимость своего императора и обязательный конечный успех была подорвана. Так что с моральной точки зрения Бородино – победа русской армии.

Здесь стоит подробнее остановиться на роли различных родов войск, которую они сыграли в данном сражении. Сначала остановимся на самом массовом роде войск, на пехоте.

С русской стороны участие в бою приняли практически все полки, кроме 4 егерских полков и ополчения, или около 80 тыс. человек. Именно на русскую пехоту легла основная тяжесть боя.

Именно она выдерживала многочасовой расстрел и отбивала раз за разом все французские атаки, а на успешные атаки отвечала столь же успешными контрударами. И именно пехота понесла на Бородинском поле наибольшие в процентном отношении потери. Она потеряла более половины личного состава. Русская пехота продемонстрировала не только высочайшую доблесть, но и большое воинское мастерство, осуществляя сложные перестроения в тяжелых условиях, например перестроение из развернутого 4-шереножного строя в каре во время последней французской атаки на батарею Раевского под ураганным артиллерийским огнем противника или спланирование рядов дивизии Коновницына при контратаке флешей после прохождения через лес, гораздо более успешное, чем это получалось у лучших французских пехотных дивизий 1-го корпуса Даву.

На фоне русской пехоты более блекло смотрится французская пехота, хотя при сравнении с любой другой пехотой в любом другом сражении действия наполеоновской пехоты можно назвать только блестящими и образцовыми. С французской стороны в сражении приняли участие 78 тыс. солдат и офицеров пехотных полков. Французская пехота упорно и умело атаковала русские позиции, но обычно не могла на них закрепиться и выбивалась артогнем и контратаками. Основной трагедией французской пехоты было то, что она не

имела особых шансов на блестящий успех, так как, не имея особого превосходства над противником, именно она атаковала его на укрепленных позициях, заставляя держаться большими силами в развернутых строях под огнем французских орудий. В целом французская пехота, принявшая участие в сражении, была недостаточно многочисленна и не сыграла решающей роли в сражении.

Русская кавалерия приняла участие в сражении в полном составе. Всего в бою участвовало около 27 тыс. кадровых кавалеристов и казаков. Но на протяжении Бородинской битвы русская конница играла в основном вспомогательную, второстепенную роль. Очень хорошо себя показали в бою кирасиры и кавалергарды. Но их доля в русской кавалерии была невелика. Конница из состава кавалерийских корпусов в основном неплохо себя проявила при контрударах по французской кавалерии, но ничего не смогла сделать с французской пехотой. Да и контратаки без участия кирасир тоже были не самыми впечатляющими. Но самым неприятным моментом использования русской кавалерии был достаточно бесполезный рейд Уварова и Платова, в котором приняла участие почти треть русской конницы. Но и процентные потери русской кавалерии были значительно меньше, чем у пехоты. Исключение здесь составили опять же кирасиры, которые потеряли большую часть личного состава. Но опять же критиковать действия русской кавалерии можно только в рамках Бородинской битвы, в любом другом случае такие действия могли бы служить образцом для подражания.

Заметно лучше на фоне русской кавалерии смотрится французская. Со стороны французов в бою приняли участие 24 тыс. кавалеристов. То есть меньше, чем с русской стороны. Но все эти силы использовались в самой гуще сражения и были прекрасно к этому подготовлены. Французы не бросали свою кавалерию в самые первые атаки, которые, по сути, были разведкой боем и имели задачу скорее не опрокинуть русский фронт, а заставить русскую армию развернуть максимальные силы в зоне действия «Гранд-батареи» и артиллерии 4-го корпуса. А уже после артиллерийской обработки в атаку бросалась многочисленная тяжелая кавалерия Наполеона. Именно атаки французских кирасир и карабинеров решили в итоге судьбу батареи Раевского и привели к откату русского цен-

тра. Не раз дивизии тяжелой кавалерии врываются в глубь боевых порядков русской армии, взламывая каре и парализуя ответные маневры русских войск. И только недостаточная поддержка пехоты не позволяла развить их успех. Бородинская битва была звездным часом французской кавалерии. Но на этом поле оказалась и ее могила. Тяжелая французская конница понесла наиболее тяжелые в процентном отношении потери при Бородине и более в войне себя серьезно проявить не смогла.

Русская артиллерия была единственным родом войск в Бородинском сражении, который сохранил основную силу и в значительном количестве оставался в резерве. В начале боя в батареях боевой линии русских войск находилась только половина артиллерийских орудий. Орудия были довольно равномерно распределены по всей линии в соответствии с господствовавшими тогда взглядами. Это привело к тому, что на начальной стадии боя, за вычетом артиллерии резерва и правого фланга, приняло участие менее $\frac{1}{3}$ орудий. Но в дальнейшем силы артиллерии наращивались, и плотность орудий во фронте возрастала до самого конца сражения. Несмотря на небольшой процент использованных на начальном этапе боя орудий, артиллерия постоянно являлась основным средством отражения французских атак, а во второй половине боя именно артиллерия стала основой боевого порядка. Русские артиллеристы сражались с огромным мужеством и вели огонь до последнего. Орудия использовались так, чтобы нанести максимальный урон противнику от каждого выпущенного снаряда. Но численное и огневое превосходство русской артиллерии осталось не реализованным и возможной роли не сыграло. Фактически русская артиллерия оказалась скорее страховкой от поражения, а не средством достижения победы.

Иначе выглядит применение французской артиллерии. С самого начала боя Наполеон развернул для боя $\frac{3}{4}$ своих орудий, в том числе всю тяжелую артиллерию. В размещении артиллерии все было подчинено максимально массированному ее применению и возможности для тяжелых батарей работать по противнику безнаказанно. То, чем являлась «Гранд-батарея», было уникальным явлением для своего периода и осталось не до конца понятым большинством

современников, ибо нормой подобное применение полевой артиллерии стало только в Первую мировую войну. Тяжелая артиллерия французов работала с дальних дистанций по площадям, в которых находились русские войска, укрепления и орудия. Легкая артиллерия сопровождала французские войска в боевых порядках и обеспечивала эффективную огневую поддержку в ближнем бою. Она не могла в бою накоротке одолеть более мощную и многочисленную русскую артиллерию, но наносила нашим войскам значительный ущерб и позволяла закреплять достигнутые успехи.

Но наиболее важным аспектом в использовании артиллерии являлось применение французами тяжелых орудий. Они сумели обеспечить огонь по русским позициям на протяжении целого дня сражения, кроме последних часов. В результате потери от артиллерийского огня по отношению к ружейному составляли не 6–10 к 1, как было определено в 1805 году комиссией Аракчеева, а имели еще худшее соотношение. Они на порядок превышают потери от всех остальных факторов. Именно этим объясняется необычно большой процент убитых по отношению к раненым. Всего за время битвы французская артиллерия выпустила более 60 тыс.(!) снарядов. Цифра доселе невероятная для однодневного полевого сражения. К такому расходу подобались только в Крымскую войну, когда мощнейшая артиллерия англо-французской армии проводила длительные бомбардировки осажденного Севастополя. В Бородинском сражении именно артиллерия была основной силой, решившей исход боя в пользу Наполеона.

Кстати, именно особенностями Бородинской битвы определяется и разное отношение к ней в России и за рубежом. Для русских это и первый бой в войне, в котором Наполеон не смог вынудить наши войска к отступлению, и моральная победа над превосходящим противником. В этом бою решалось, устоит ли армия, или сражаться на главном направлении будет некому. Для России это было судьбоносное сражение. Для французов это был очередной и не последний бой с главными силами русских – при этом даже не последний перед Москвой. Это была просто очередная победа Наполеона, к которым все и так привыкли, притом не приведшая к решительным результатам. Например,

сражение при Ваграме, где Наполеон понес примерно такие же потери, поставило Австрийскую империю на колени, а Бородинское сражение казалось преходящим в ряду многих сражений. Тогда никто за рубежом не заметил надлома, произошедшего во французской армии, которая уже больше оказалась не способна на такое упорство и инициативу в бою.

Сумели ли мы ответить на вопросы, поставленные во вступлении? Похоже, что да. В этом сражении император Франции действовал на первый взгляд ошибочно и нелогично, атакуя без серьезного превосходства в лоб укрепленные позиции. Но на самом деле он действовал в соответствии с четким планом, в котором были такие новшества, как постоянная работа артиллерии в полевым сражении на предельных дистанциях, концентрация тяжелой артиллерии, постоянное наращивание удара из глубины, размещение артиллерии с учетом возможного маневра огнем без смены позиции и даже штурм редутов тяжелой кавалерией.

Единственное новаторство Кутузова – это выведение в резерв не столько живой силы, сколько артиллерии. Им был создан беспрецедентный артиллерийский резерв, в который входила половина артиллерии армии. Именно это позволило обеспечить устойчивость русского фронта после потери основных укреплений. Кутузов продемонстрировал образцовое управление войсками на поле боя, своевременно, а часто и заблаговременно осуществляя маневр резервами и войсками с неатакованных участков. При этом все маневры выполнялись с полным хладнокровием. Кутузов ни разу за весь день не потерял контроля за сражением.

Можно отметить, что оба полководца продемонстрировали огромное мастерство в Бородинском сражении. И если сейчас многим кажется, что допускалась масса ошибок и было много нереализованных возможностей, то это только оттого, что Кутузов и Наполеон угадывали и парировали действия друг друга. И если военный гений Наполеон сумел добиться победы на Бородинском поле и вынудил Кутузова отступить, то великий стратег Кутузов, уже обыгрывавший Наполеона в оперативном маневрировании, сумел по сути лишить Наполеона плодов его победы и оставить ему в качестве результата только потери.

Приложения

Приложение 1

В этом приложении приведены рапорты, доклады и представления к наградам русских генералов – участников Бородинского сражения. Но, читая эти документы, тоже нужно помнить, что они писались людьми и для людей. Там есть и субъективизм, и желание показать начальству то, что оно желает видеть. Но это никак не умаляет ценности этих документов, просто позволяет понять, откуда берутся противоречия и разночтения.

Донесение М. И. Кутузова Александру I о сражении при Бородине

[1812 г., август]

Августа 24-го числа пополудни в 4 часа арьергард наш был атакован при Колоцком монастыре французами. Превосходные силы неприятеля принудили отступить оной к позиции, близ Бородина находящейся, где войска были уже устроены в боевой порядок. В сей день арьергард наш имел дело с неприятельской кавалерией и одержал поверхность. Изюмской гусарской полк с некоторым числом казаков атаковал сильно французскую кавалерию, где три эскадрона оной были истреблены.

Неприятель, перейдя реку Колочу выше с. Бородина, направил главные свои силы на устроенный нами пред сим редут, чрезвычайно беспокоивший наступательное его на наш левый фланг движение. Битва против сего редута час от часу делалась упорнее, однако ж все покушения неприятеля, отражаемого несколько раз с большим уроном, соделались тщетными, и наконец, был он совершенно отбит. В сие время кирасирские полки 2-й дивизии – Екатеринославской, Орденской, Глуховской и Малороссийской быстрой атакой совершили его поражение. При сем взято нами 8 пушек, из коих 3, быв подбиты, оставлены на месте сражения.

25-го армия французская находилась в виду нашей, построила пред своим фронтом несколько укреплений, на правом же ее крыле замечены были разные движения, скрытые от нас лесами, почему и можно было предположить, что

намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска.

Дабы предупредить сие намерение, я приказал того же дня генерал-лейтенанту Тучкову с 3-м корпусом идти на левое наше крыло и прикрыть положением своим Смоленскую дорогу. В подкрепление сему корпусу отряжено было 7 тыс. человек Московского ополчения под предводительством генерал-лейтенанта графа Маркова.

От 3-го корпуса до левого крыла 2-й армии, которой командовал генерал от инфантерии князь Багратион, был промежуток, на версту продолжающийся и покрытый кустарниками, в котором для лучшей связи расположены были егерские полки 20-й, 21-й, 11-й и 41-й. Сводные гренадерские батальоны 2-й армии под командой г[енерал] -м[айора] гр[афа] Воронцова заняли все укрепления, устроенные пред деревней Семеновской; к сей деревне примыкало левое крыло нашей армии и от оной простиралась линия из полков 7-го корпуса под командой генерал-лейтенанта Раевского в направлении к кургану, в середине армии находящемуся и накануне укрепленному. К правой стороне кургана примыкал 6-й корпус под командой генерала от инфантерии Дохтурова левым своим крылом.

В сем месте линия склонялась вправо к деревне Горкам, и в оном направлении стояли 4-й и 2-й пехотные корпуса, составлявшие правое крыло армии под командой генерала от инфантерии Милорадовича.

Все вышепомянутые войски входили в состав главной нашей силы (кордебаталь) и расположены были в две линии. За ними находились кавалерийские корпуса следующим образом: 1-й кавалерийской немного правее за 2-м корпусом, 2-й за 4-м, 3-й за 6-м, 4-й за 7-м. Позади кавалерии 5-й пехотной корпус, из гвардейских полков составленный, и 2-я гренадерская дивизия, а за оными обе кирасирские.

В таковом положении армия ожидала наступления дня и неприятельского нападения.

26-го числа в 4 часа пополудни первое стремление неприятеля было к селу Бородину, которым овладеть искал он для того, дабы, утвердись в оном, обеспечить центр своей армии и действия на левое наше крыло, в то же самое время атакованное. Главные его батареи расположены были при дер. Шевардино: 1-я о 60 орудиях вблизи оставленного нами 24-го числа редута имела в действии своем косвенное направление на пехотную нашу линию и батарею, на кургане устроенную, а 2-я о 40 орудиях немного левее первой обращала огонь свой на укрепление левого нашего крыла.

Атака неприятеля на село Бородино произведена была с невероятной быстротой, но мужество лейб-гвардии егерского полка, оживляемое примером начальников оного, остановило стремление 8 тыс. французов. Наикровопрлитнейший бой возгорелся, и сии храбрые егери в виду целой армии более

часу удерживали [неприятеля]. Наконец подошедшие к нему резервы умножили силы, принудили сей полк, оставя село Бородино, перейти за реку Колочъ. Французы, ободренные занятием Бородина, бросились вслед за егерями и почти вместе с ними перешли реку, но гвардейские егеря, подкрепленные пришедшими с полковником Манахтиным полками и егерской бригадой 24-й дивизии под командой полковника Вуича, вдруг обратились на неприятеля и соединенно с пришедшими к ним на помощь ударили в штыки, и все находившиеся на нашем берегу французы были жертвою дерзкого их предприятия. Мост на реке Колоче совершенно был истреблен, несмотря на сильной неприятельской огонь, и французы в течение целого дня не осмеливались уже делать покушения к переправе и довольствовались перестрелкою с нашими егерями.

Между тем огонь на левом нашем крыле час от часу усиливался. К сему пункту собрал неприятель главные свои силы, состоящие из корпусов князя Понятовского, маршалов Нея и Давуста, и был несравненно нас многочисленнее. Князь Багратион, видя умножение неприятеля, присоединил к себе 3-ю пехотную дивизию под командой генерал-лейтенанта Коновницына и сверх того вынужден был употребить из резерва 2-ю гренадерскую дивизию под командой генерал-лейтенанта Бороздина, которую он и поставил уступами противу левого крыла за деревнею, а левее от оной три полка 1-й кирасирской дивизии и всю 2-ю кирасирскую дивизию.

Я нашел нужным сблизить к сему пункту полки: лейб-гвардии Измайловской и Литовской под командою полковника Храповицкого. Неприятель под прикрытием своих батарей показался из лесу и взял направление прямо на наши укрепления, где был встречен цельными выстрелами нашей артиллерии, которой командовал полковник Богуславский, и понес величайший урон. Невзирая на сие, неприятель, построясь в несколько густых колонн, в сопровождении многочисленной кавалерии с бешенством бросился на наши укрепления. Артиллеристы, с мужественным хладнокровием выждав неприятеля на ближайший картечный выстрел, открыли по нем сильный огонь, равномерно и пехота [встретила] его самым пылким огнем ружейным, [но поражение] их колонн не удержало французов, которые стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов с сводными гренадерскими батальонами ударил на них в штыки; сильный натиск сих батальонов смешал неприятеля, и он, отступая, в величайшем беспорядке, был повсюду истребляем храбрыми нашими воинами. При сем нападении граф Воронцов, получа жестокою рану, принужден был оставить свою дивизию. В то же самое время другая часть неприятельской пехоты следовала по Старой Смоленской дороге, дабы совершенно обойти наше левое крыло; но 1-я гренадерская дивизия, на сей дороге находившаяся, с твердостью выждав на себя неприятеля, остановила его движения и заставила податься назад. Новые силы подкрепили французов, что и побудило генерал-лейтенанта Тучкова отступить по Смоленской до-

роге, где занял он на высоте выгодную позицию. Устроенная на сем месте 1-й артиллерийской бригады батарея причиняла значащий вред наступающему неприятелю. Французы, заметив важность сего места, ибо высота сия командовала всею окружностью, и, овладев оной, могли они взять во фланг левое наше крыло и отнять способ держаться на Смоленской дороге, почему, усилясь противу сего пункта, и в сомкнутых колоннах с разных сторон повели атаку на 1-ю гренадерскую дивизию. Храбрые гренадеры, выждав неприятеля, открыли по нем наихвосточайший огонь и, не медля нимало, бросились на него в штыки. Неприятель не мог выдержать столь стремительного нападения, оставил с уроном место битвы и скрылся в близлежащие леса. Генерал-лейтенант Тучков при сем ранен пулею в грудь, и генерал-лейтенант Алсуфьев принял по нем команду.

В 11 часов пополудни неприятель, усилясь артиллерией и пехотой против укреплений нашего левого крыла, решился вновь атаковать оные. Многократные его атаки были отбиты, где много содействовал с отличною храбростью генерал-майор Дорохов. Наконец удалось овладеть ему нашими тремя флешами, с коих мы не успели свести орудий. Но не долго он воспользовался сею выгодою; полки Астраханский, Сибирский и Московский, построясь в сомкнутые колонны под командой генерал-майора Бороздина, с стремлением бросились на неприятеля, который был тотчас сбит и прогнан до самого леса с большим уроном. Таковой удар был с нашей стороны не без потери. Генерал-майор принц Мекленбургский Карл ранен, Ревельского пехотного полка шеф генерал-майор Тучков 4-й был убит, Московского гренадерского полка полковник Шатилов получил жестокую рану, Астраханского гренадерского полка полковник Буксгевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами. Потеря французов противу нас несравнительна. После чего неприятель, умножа силы свои, отчаянно бросился опять на батареи наши и вторично уже овладел оными, но генерал-лейтенант Коновницын, подоспев с 3-ю пехотной дивизией и видя батареи наши занятыми, стремительно атаковал неприятеля и в мгновение ока сорвал оные. Все орудия, на оных находившиеся, были опять отбиты нами; поле между батареями и лесом было покрыто их трупами, и в сем случае лишились они лучшего своего кавалерийского генерала Монбрена и начальника главного штаба генерала Ромефа, находившегося при корпусе маршала Давуста.

После сей неудачи французы, приняв несколькими колоннами, как пехотными, [так] и кавалерийскими, вправо, решились обойти наши батареи. [Едва] появились они из лесу, как генерал-лейтенант князь Голицын, командовавший кирасирскими дивизиями, влево от третьей пехотной дивизии находившимися, приказал генерал-майору Бороздину и генерал-майору Дуке ударить на неприятеля. Вмиг был он обращен в бегство и принужден скрыться в лес, откуда хотя несколько раз потом и показывался, но всегда [был] с уроном прогоняем.

Невзирая на сильную потерю, понесенную французами, не переставали они стремиться к овладению вышеупомянутыми тремя флешами; артиллерия их, до 100 орудий умноженная, сосредоточенным огнем своим наносила немалый вред нашим войскам.

Я, заметя, что неприятель с левого крыла переводит войски, дабы усилить центр и правое свое крыло, немедленно приказал двинуться всему нашему правому крылу, вследствие чего генерал от инфантерии Милорадович отрядил генерал-лейтенанта Багговута со 2-м корпусом к левому крылу, а сам с 4-м корпусом пошел на подкрепление центра, над коим и принял начальство. Генерал же от инфантерии Дохтуров взял пред сим в командование левый фланг после князя Багратиона, получившего, к крайнему сожалению всей армии, тяжкую рану и вынужденного чрез то оставить место сражения. Сей несчастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над неприятелем, и, конечно бы, имел самые пагубные следствия, если бы до прибытия генерала от инфантерии Дохтурова не вступил в командование генерал-лейтенант Коновницын. Не менее того в самое сие время неприятель напал на наши укрепления, и войски, несколько часов кряду с мужеством оные защищавшие, должны были, уступя многочисленности неприятеля, отойти к деревне Семеновской и занять высоты, при оной находящиеся, которые, без сомнения, скоро были бы потеряны, если бы генерал-майор граф Ивелич не подоспел с командой 17-й дивизии и не устроил сильные на оных батареи, чрез что восстановил тесную связь между левым крылом армии и 1-й гренадерской дивизией. Генерал-лейтенант Багговут с 4-ю дивизией присоединился в то же время к 1-й гренадерской дивизии и принял оную в свою команду. После сего неприятель хотя и делал несколько покушений на наше левое крыло, но всякий раз был отражен с величайшей потерей.

Полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, пришедшие на левой фланг 3-й пехотной дивизии, с непоколебимою храбростью выдерживали наисильнейший огонь неприятельских орудий и, невзирая на понесенную потерю, пребывали в наилучшем устройстве. Полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский в сем сражении покрыли себя славой в виду всей армии, быв атакованы три раза неприятельскими кирасирами и конными гренадерами, стояли твердо и, отразив их стремление, множество из оных истребили. Генерал-майор Кретов с кирасирскими полками Екатеринославским и Орденским подоспел к ним на помощь, опрокинул неприятельскую кавалерию, большую часть истребил оной и сам при сем случае был ранен.

Наполеон, видя неудачные покушения войск правого крыла своей армии и что они были отбиты на всех пунктах, скрыл оные в леса и, заняв опушку стрелками, потянулся влево к нашему центру. Генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, командовавший 1-й армией, заметив движение неприятеля, обратил внимание свое на сей пункт и, чтоб подкрепить оный, приказал 4-му корпусу примкнуть к правому крылу Преображенского полка, которой с Семеновским

и Финляндским оставались в резерве. За сими войсками поставил он 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, а за оными полки кавалергардской и конной гвардии. В сем положении наш центр и все вышеупомянутые резервы были подвержены сильному неприятельскому огню; все его батареи обратили действие свое на курган, построенный накануне и защищаемый 18-ю батареями орудиями, подкрепленными всей 26-й дивизией под начальством генерал-лейтенанта Раевского. Избежать сего было невозможно, ибо неприятель усиливался ежеминутно противу сего пункта, важнейшего во всей позиции, и вскоре после того большими силами пошел на центр наш под прикрытием своей артиллерии густыми колоннами, атаковал курганную батарею, успел овладеть оной и опрокинуть 26-ю дивизию, которая не могла противустоять превосходнейшим силам неприятеля.

Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, видя неприятеля, овладевшего батареей, важнейшею во всей позиции, со свойственной ему храбростью и решительностью, вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского пехотного полка батальон и, устроив сколько можно скорее бежавших, подавая собой пример, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло противу русского штыка. 3-й батальон Уфимского пехотного полка и 16-й егерский полк бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й по левую сторону оной, и в четверть часа батарея была во власти нашей с 18-ю орудиями, на ней бывшими. Генерал-майор Паскевич с полками ударил в штыки на неприятеля, за батареей находящегося; генерал-адъютант Васильчиков учинил то же с правой стороны, и неприятель был совершенно истреблен; вся высота и поле оной покрыто неприятельскими телами, и бригадой командир французской генерал Бонами, взятый на батарее, был один из неприятелей, снискавший пощадку. Подоспевшая на сей случай кавалерия под командой генерал-адъютанта Корфа много способствовала к отбитию батареи нашей; при сем случае, к большому всех сожалению, лишились мы достойного генерала от артиллерии Кутайсова, которой при взятии батареи был убит. Генерал-майор Ермолов переменял большую часть артиллерии, офицеры и услуга при орудиях были перебиты, и, наконец, употребляя Уфимского пехотного полка людей, удержал неприятеля сильные покушения во время полутора часов, после чего был ранен в шею и сдал батарею генерал-майору Лихачеву, присланному генералом от инфантерии Барклаем-де-Толли с 24-й дивизией на смену 26-й, которая, имея противу себя во все время превосходные силы неприятеля, была весьма расстроена. Во время сего происшествия неприятельская кавалерия, из кирасир и улан состоящая, атаковала во многих пунктах 4-й корпус, но сия храбрая пехота, выждав неприятеля на ближайший ружейный выстрел, произвела столь жестокой батальной огонь, что неприятель был совершенно опрокинут и с большой потерей бежал в расстройстве; при сем случае особенно отличились Перновский пехотный и 34-й егерский полки. Несколько полков 2-го кавалерийского корпуса, преследовав

бегущего неприятеля, гнали до самой пехоты. Псковский драгунский полк под командой полковника Засса врубился в неприятельскую пехоту; адъютант его высочества полковник князь Кудашев довершил истребление другой неприятельской колонны, подскакав с 4-мя орудиями гвардейской конной артиллерии, из коих, действував ближайшим картечным выстрелом, нанес ужасной вред неприятелю.

После сего неприятель большими силами потянулся на левой наш фланг. Чтобы оттянуть его стремление, я приказал генерал-адъютанту Уварову с 1-м кавалерийским корпусом, перейдя речку Колочу, атаковать неприятеля в левый его фланг. Хотя положение места было не весьма выгодное, но атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут; при сем случае Елисаветградской гусарской полк отбил два орудия, но не мог вывести за дурной дорогою; в сие самое время неприятельская пехота покусилась было перейти чрез реку Колочу, дабы напасть на пехоту нашу, на правом фланге находящуюся, но генерал-адъютант Уваров, атаками на оную произведенными, предупредил ее намерение и воспрепятствовал исполнению оною.

Наполеон, видя неудачу всех своих предприятий и все покушения его на левой наш фланг уничтоженными, обратил все свое внимание на центр наш, противу коего, собрав большие силы во множестве колонн пехоты и кавалерии, атаковал Курганную батарею; битва была наикровопролитнейшая, несколько колонн неприятельских были жертвой столь дерзкого предприятия, но, невзирая на сие, умножив силы свои, овладел он батареей, с коей, однако ж, генерал-лейтенант Раевской успел свести несколько орудий. В сем случае генерал-майор Лихачев был ранен тяжело и взят в плен. Кавалерия неприятельская, овладев курганом, в больших силах бросилась отчаянно на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии, но была встречена кавалергардским и конногвардейским полками под командою генерал-майора Шевича; полки сии, имея против себя несоразмерность сил неприятельской кавалерии, с необыкновенным мужеством остановили предприятие ее и, быв подкреплены некоторыми полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, атаковали тотчас неприятельскую кавалерию и, опрокинув ее совершенно, гнали до самой пехоты.

Правый и левый фланги нашей армии сохраняли прежнюю позицию; войски, в центре находящиеся под командой генерала от инфантерии Милорадовича, заняли высоту, близ кургана лежащую, где, поставя сильные батареи, открыли ужасный огонь на неприятеля. Жестокая канонада с обеих сторон продолжалась до глубокой ночи. Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю цельными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила. Генерал-адъютант Васильчиков с 12-й пехотной дивизией до темноты ночи был сам со стрелками и действовал с особенным благоразумием и храбростью.

Таким образом, войски наши, удержав почти все свои места, оставались на
оных.

Я, заметя большую убыль и расстройство в батальонах после столь кровопролитного сражения и превосходства сил неприятеля, для соединения армии оттянул войски на высоту, близ Можайска лежащую.

По вернейшим известиям, к нам дошедшим, и по показанию пленных, неприятель потерял убитыми и ранеными 42 генерала, множество штаб- и обер-офицеров и за 40 тыс. рядовых; с нашей стороны потеря состоит до 25 тыс. человек, в числе коих 13 генералов убитых и раненых.

Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизни за свое отечество.

Рапорт М.И. Кутузова Александру I о сражении при Бородине

1812 г. августа 27

После донесения моего о том, что неприятель 24-го числа производил атаку важными силами на левой фланг нашей армии, 25-е число прошло в том, что он не занимался важными предприятиями, но вчерашнего числа, пользуясь туманом, в 4 часа с рассветом направил все свои силы на левой фланг нашей армии. Сражение было общее и продолжалось до самой ночи. Потеря с обеих сторон велика: урон неприятельской, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить. Войски вашего императорского величества сражались с неимоверною храбростию. Батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами.

Ваше императорское величество, изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армии не могли не расстроиться и за потерю, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно, стала обширнее и войскам неуместною, а потому, когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском, и, собрав расстроенные баталиею войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским, в теплом уповании на помощь всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск увижу я, что могу предпринять противу неприятеля.

К сожалению, князь Петр Иванович Багратион ранен пулею в левую ногу. Генерал-лейтенанты Тучков, князь Горчаков, генерал-майоры Бахметевы, граф Воронцов, Кретов ранены. У неприятеля взяты пленные и пушки и один бригадный генерал; теперь ночь, и не могу еще разобраться, есть ли с нашей стороны таковая потеря.

Генерал от инфантерии князь Г[оленищев]-Кутузов

Ген.-лейт. Лавров ген. от инф. Дохтурову

3 сентября 1812 г.

(Д. В. — У. А., отд. II, № 1925, л. 31–33)

№ 1116

Командующего 5-м корпусом г.-л. Лаврова рапорт

Во исполнении повеления, данного мне вашим высокопр-ством от 1 сентября за № 920, дабы я донес о положении и действии части мне вверенной в день сражения при д. Бородино, имею честь вашему высокопр-ству почтеннейшее представить, что в день сражения 26 августа в 5 ч. утра вся гвардейская пехотная дивизия по назначению полковника по квартирмейстерской части Толя, присланного от г. Главнокомандующего 1-й армией ген. от инф. военного министра и кав. Барклая-де-Толли, заняла позицию позади правого фланга 2-й Армии для подкрепления оной; через полчаса получил я приказание от г. ген. от кавалерии Беннигсена командировать из вверенной мне гвардейской дивизии полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский и сводную гренадерскую бригаду под командой лейб-гвардии Измайловского полка полк. Храповицкаго, остальные же полки лейб-гвардии Преображенский, Семеновский и Финляндский под начальством г.-м. бар. Розена остающихся, приказано было сблизить к 1-й линии 2-й армии, что было немедленно исполнено. С сего самого времени колонны, под командою г.-м. бар. Розена, были под непрерывным жестоким огнем и понадобности переменили свои места, и в продолжении 14 ч. под пушечными, картечными и наконец ружейными выстрелами. В 4 ч. по полудни неприятельская кавалерия прорвавшаяся достигла до колонн г.-м. бар. Розена, который с барабанным боем повел их вперед и встретил неприятельскую кавалерию штыками, из которой несколько было переколото, а прочие обращены в бегство. После сего происшествия получил я от вашего высокопр-ства приказание сим колоннам принять влево, заняв означенную мне позицию, лично уведомлен от г.-ад. Васильчикова, что высланные от неприятеля стрелки, занявшие опушку леса, наносили вред его кавалерии и что неприятель обходит левый наш фланг, для удержания коего в подкрепление кавалерии послан был батальон лейб-гвардии Финляндского полка под командою полк. Жерве. А как усилившиеся в лесу неприятельские стрелки начали уже вредить и колоннам г.-м. бар. Розена, то я отрядил еще 2 батальона оного полка под командой полк. Крыжановского прогнать неприятеля. Полковник Жерве со вверенным ему батальоном, удерживая неприятеля рассыпанными в цепи стрелками, чрез полчаса дал знать, что неприятель вошел в лес двумя колоннами и под прикрытием стрелков сильно наступает. Тогда полк. Крыжановский, усилив его батальон стрелками под командою подпоручика Марина, убитого картечью, принявший по нем оную команду подпоручик Шепинг, ударил на цепь неприятельскую в штыки, а полк. Крыжановский, при-

близясь с 3-м и 2-м батальонами, приказал ударить в неприятельская колонны также в штыки. Г. полк. Штевен со 2-м, а Жерве с 3-м батальонами с отличной храбростью, закричав «ура!», бросились в штыки, опрокинули неприятеля и гнали онго до опушки леса, где поставили стрелков, по которым с неприятельской стороны открылась батарея под прикрытием кавалерии, которая сильно действовала картечью, где ранен кап. Огарев картечью в колено, место коего заступил шт.-кап. Байк.

Видя усиливавшегося неприятеля на правом его фланге, полк. Крыжановский приказал командующему 1-м батальоном капитану Ушакову выслать застрельщиков, оные высланы под командою шт.-кап. Раля 4-го, который опрокинул неприятельскую цепь; таким образом в час времени очищен был весь лес; в то время получено было приказание от вашего высокопр-ства чрез г.-ад. Васильчикова, чтоб очистя лес удержать за собою оный во что бы то ни стало.

Неприятель усиливался несколько раз отразить наших стрелков, но без всякого успеха, огонь был сильный с неприятельской стороны ружейный и из пушек картечью, но чтобы удержать неприятеля и не позволить ему ворваться опять в лес, послан был с ротой в помощь цепи шт.-кап. Офросимов 4-й и потом еще также с ротой шт.-кап. Ахлестышев. Стрелки во все время содержали цепь в опушке леса, в 9 ч. вечера зачала утихать стрельба и в 10 ч. окончилась, и все три батальона остались на занятом у неприятеля месте сражения, охраняя цепью всю гвардейскую пехотную дивизию.

Лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки и сводная гренадерская бригада сражались в присутствии вашего высокопр-ства, почему я наилучшим признал поданные рапорты оригиналами от полковников Кутузова и Удома о подвигах вверенных им полков представить на благоусмотрение вашего высокопр-ства, оставаясь уверенным, что каждый получит воздаяние по заслугам.

Лейб-гвардии Егерский полк как был откомандирован 23 числа августа, по повелению г. Главнокомандующего 1-ю армией и сражался на правом фланге при д. Бородине, то о нем сделано донесение ему, г. Главнокомандующему.

Отдавая полную справедливость храбрости и непоколебимой твердости всех чинов, я долгом поставляю особенно представить вашему высокопр-ству о г.-м. бар. Розене, о полковых начальниках, полковниках: Храповицком, Удом, Крыжановском, Дризен и Постникове, батальонных командиров, равно и штабе и обер-офицерах, коим по силе повеления вашего высокопр-ства список почтеннейше представляю, в знак отличной храбрости покорнейше испрашиваю у вашего высокопр-ства нижним чинам знаки именного Ордена, в каждую роту по 5 крестов.

*Верно:
генерал-лейтенант Лавров*

Ген.-м. Бороздин ген. Барклаю-де-Толли

7 сентября 1812 г.

(Д. В.-У. А., № 1925, л. 15–20).

№ 8

с. Кутузово

Ген.-майора Бороздина рапорт

В сражении сего августа 26, под д. Торках, по болезни дивизионного командира, известно в. в.-пр., что я имел честь командовать 1-ю Кирасирскою див., составленную из полков: Кавалергардского, л.-гв. Конного, лейб-Кирасирских: Его Императорского ВЕЛИЧЕСТВА, Ея Императорского ВЕЛИЧЕСТВА и Астраханского Кирасирского, равно и л.-гв. Конно-Артиллерийской роты, которые с начала сражения были разделены по приказанию г. командующего Кирасирскими полками г.-л. кн. Голицына: три полка мною приведены на левый фланг; а Кавалергардский и л.-гв. Конный, под командою г.-м. Шевича, были на центре; полки:

Кавалергардский и л.-гв. Конный под предводительством г.-м. Шевича зачали сей день; получа повеление в. в.-пр. атакою на неприятеля, завладевшего уже нашею батареею, с которой опрокинув его, содействовали к спасению батареи, истребив большую часть покусившихся на сей предмет. Сим остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей, которая уже была за неприятельскою кавалериею, спасена; в атаке сей имели несчастье потерять отличного полк. Левенвольда, который убит на месте; и командование принял полк. Левашов; – л.-гв. Конного полка полк. Арсеньев, которого г.-м. Чиевоч рекомендует, как отличившего присутствием духа и храбрости в предводительствовании им, вверенного ему л.-гв. Конного полка, и который получив сильнейшую в конце атаки контузию в левое плечо ядром, принужден был оставить фронт, а полк. Леонтьев вступил на место его в командование. Лейб-Кирасирские Его ВЕЛИЧЕСТВА и Ея ВЕЛИЧЕСТВА и Астраханский, приведенные мною на левый фланг под командою 1-й – шефа полк. барона Будберга; 2-й – шефа полк. барона Розена; а последний – полкового командира полк. Каратаева, поставлены были у прикрытия батарей наших под сильным огнем, где, невзирая на ужасные выстрелы с неприятельских батарей, защищали оные с отличным мужеством. Неустрашимость их столь была сильна, что и большая убыль людей и лошадей убитыми и ранеными не в состоянии была разстроить их рядов, смыкающихся каждый раз в порядке. Неприятельские тирольеры, зачав к ним и батареям нашим приближаться, будучи подкрепляемы пехотными колоннами, были Астраханского полка двумя эскадронами, по приказанию моему с повеления г. г.-л. кн. Голицына посланными, атакованы и с большим вредом прогнаны так сильно, что командовавший оными подполк. Немцов врезался и в те пехотные ко-

лонны, кои их подкрепляли; где он получил сильную рану пулею в левую руку, от которой и кость перебита; эскадроны сии, возвратясь под сильными неприятельскими выстрелами, построены были опять за батареями, после того во вторичной таковой же с мужеством атаки произведенной, майор Костин убит, а майор Белавин ранен в грудь навывлет пулею, полковой командир полк. Каратаев, предводительствуя мужественно полком, получил сперва сильную контузию в плечо, но не взирая на оную возвратился ко фронту, где вскоре получил другую в ногу, но и тут оставался при своем месте. Пример сей удвоил рвение его подчиненных, и полк, защищая свои батареи, производил атаки мужественно, в коих ротм. Львов, командуя эскадроном, вел себя в оных отлично, равно как ротм. Ребиндер, шт.-ротм. Задонский, заступившие места эскадронных начальников, а также поручики: полковой адъютант Гоярин, Паткуль, Тритгоф, Ивашкин, оказали отличную храбрость и мужество, а особливо Паткуль и Гоярин, который, исполняя долг по званию своему, был вместе со всеми и в атаке, при сем ранены: Львов, Задонский и Гоярин контузиями, Ребиндер, Паткуль и Тритгоф пулями, а Паткуль и изрублен; первые остались при своих местах, а Тритгоф и Паткуль по причине жестоких ран отправлены. Лейб-Кирасирский Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА полк, под командою барона Будберга, был несколько раз в атаках, и когда он г. полк. был ранен ядром в лядвию, а полковой командир подполк. Слепченков пулею в ногу, и когда полк по приказанию ген.-лейт. кн. Голицына, переведен в сикурс 2-й Кирасирской див. под командою г. подполк. Костина, где, прикрывая батареи, был г.-м. Дукою послан в атаку на неприятельскую батарею, на которую бросясь эскадрон Чисера, под командою ротм. Власенко сбил с оной неприятеля, тут хотя ротмистр Власенко и поруч. Старобогатый убиты, но поруч.: Дершау, Каленым 2-м и Самбурским, взяты 2 пушки и доставлены в главную квартиру. Во время сих действий ротм. Меликов отличал себя всегда, но, к несчастью, у сего храброго офицера ядром оторвало руку, шт.-ротм. Селянином ранен в обе ноги ядром, над коими полагать должно, что уже и операция сделана; поруч. Всеволожский 2-й, в ногу пулею, Всеволожский 3-й, у коего ядром ногу разбило, Родоичен, исполнявший с отличием долг свой по званию адъют. полкового, получил сильную контузию от ядра, Кален 2-й и корнет гр. Миних 1-й тоже контузии в левые руки. Относительно же убитых в сражении ротм. Власенко и поруч. Старобогатого, у которых остались жены без всякого состояния, я осмеливаюсь просить ваше в-пр. о доставлении им способа к содержанию. Лейб-Кирасирский Ея Императорского Величества полк, под командою бар. Розена, прикрывая батареи и выдерживая сильный неприятельский огонь, не терял нимало присутствия духа: полк. бар. Розен, будучи отлично храбр, служил примером своим подчиненным, а когда неприятель покусился атаковать нашу пехоту правее от нас, и когда он, г. Розен, по приказанию г. г.-л. кн. Голицына, послан мною с двумя эскадронами атаковать, что с большим стрем-

лением было исполнено, отчего много неприятельская кавалерия потерпела, особенно тогда, как бар. Розен напал на него с тылу, одним словом, неприятельская колонна была опрокинута и потерпела большой урон. Рекомендую бар. Розена, должен засвидетельствовать и об отличной храбрости эскадронаго командира майора Кошенбара, содействовавшего в успехе сей атаки, равно и расторопность и мужество майора Вистергольца, получившего контузию, шт.-ротм. Чилиппенбаха и Геденова раненого ядром в ногу; поруч.: полкового адъют. Кирилова, Рудковского 2-го и Кошенбара 2-го, из коих два последние ранены контузией. О прочих 2 эск. сего полка, бар. Розен доносит мне, что майор Сологуб, оставаясь с оными на левом фланге, двоекратно атаковал батареи, поражая каждый раз неприятеля, рекомендует об отличной храбрости и мужестве его и командующаго так же эскадроном ротм. Гагина. Сей последний, во время с мужеством произведенной атаки, сильно ранен картечью в руку; в сих атаках отличал так же себя и поруч. Милевский, получивший контузию в голову. Потом по соединению со мною г.-м. Шевича с полками, в его команде состоящими, полк Кавалергардский под командою полк. Левашева, ударил стремительно на неприятельских кирасире, мгновенно опрокинул оных и преследуя, сильно поражал, как в то же самое время л.-гв. Конный полк, под начальством полк. Леонтьева, с левой стороны подкрепляя сию атаку и невзирая на сильно действующие по нем батареи, поражал неприятеля и опять под картечными выстрелами собрался и был всегда в готовом порядке. Г.-м. Шевич, предводительствуя сими двумя полками, распоряжениями своими и неустрашимостью совершенно содействовал к поражению, он был примером, храбрость сего генерала уже известна. Он ген. Шевич рекомендуете оказавших отличную храбрость и мужество г. г. полковников, полков:

Кавалергардскаго, командовавшего полком Левашова, Каблукова 1-го, раненого в правую руку, Каблукова 2-го, Конной гвардии принявшего команду полка после полк. Арсеньева (который уже рекомендовано выше), Леонтьева, Андреевскаго, Сольдама и кн. Голицына 1-го, ротм. Кавалергардскаго: Бороздина, Уварова и Давыдова, которые ранены: первый – в левую ногу картечью, у второго – саблею изрублена голова, а Давыдове ниже колена шпагою, Сталя и полк. адъют. Храповицкаго, л.-гв. Коннаго: Сарочинскаго, Салова, Рамма и Орлова 1-го, у коего бок и голова изрублены шт.-ротм. Конной гвардии гр. Тишкевича, у коего правое колено изрублено саблею и от картечи контузия ниже колена, поруч. Кавалергардскаго: бар. Гарбс-Ховена и Конной гвардии Мирковича 1-го, Шарлемо, раненых: первого – саблею по лицу и руке, второго – ядром в левую ляшку и контузией в ту же ногу, а Шарлемо пипкою в грудь, а левое плечо изрублено. Корнет. Кавалергардскаго: Шереметева, Языкова 1-го, фон-Смиттена, Пашкова и л.-гв. Коннаго кн. Голицына 3-го, так же раненых: Шереметева, саблею изрублено лицо и в левой руке контузия, Языкове – пулею в левую ногу, фон-Смиттен – пулею в ко-

ленку правой ноги, Пашков – контузией в поясницу от ядра, а последнего – сильною контузию в грудь. Описав действие 1-й Кирасирской див. и отличившихся чиновников, в оной находившихся, остается теперь донести и о л.-гв. Конной Артиллерии. Она, под командою полк. Козена, заняла интервал, оставленной нашими войсками противу неприятельской кавалерии и артиллерии втрое сильнее нашей, наводившей ужасный вред, а особливо Астраханскому Кирасирскому полку. Полк. Козен, несмотря на большой урон, будучи искусен в своем ремесле и храбр, выдерживая сколько можно, наносил вред неприятелю, наконец чтоб усилить удары на неприятельскую батарею, он, Козен, с позволения его светлости, г. главнокомандующего армиями, подкрепил то место батарейною ротою подполк. Дитерихса 4-го. Огонь был усилен и неприятельская батарея принуждена была молчать и сняться. Г. Козен свидетельствует отличную храбрость г. г. офицеров: кап. Ралла 2-го, шт.-кап. Столыпина, подпоруч.: Бартоломея, Давыдова, бар. Корфа, Куприянова, а особливо: Бистрома, Гельмерсена и Гижицкого, которые при совершенном разстройстве батареи от неприятельских картечных выстрелов, удерживались с четырьмя орудиями долгое время, пор. Гербеля 5-го и подпор. Гардера, находившихся при нем и кои, быв посланы за орудиями, собрали оных одиннадцать из разных рот, и поставя на удобных местах, наносили великий вред неприятелю, а портупей-юнкер Пеюрера, занимая место убитых офицеров, командовал орудиями и показал отличие при сем деле, за что и представляет о произведении его в прап. в армейскую артиллерию. Равномерно г. г.-м. Шевич, полковн.: бар. Розен и Каратаев, за отличную храбрость и мужество просят о произведении в офицеры: первый – Кавалергардского полка эскадрон-юнкеров: Тургенева, Шереметева, юнкеров: Шепелева, Данилова и Тургенева, л.-гв. Конного эскадрон-юнкеров: графа Мантейфеля, Куликовского, Калугина, Родзяннику, Тимирязева 3-го, Ренне и Томсона; второй – вверенного ему лейб-Кирасирского Ея ВЕЛИЧЕСТВА полка вахмистра Рыбаса, а последний – юнкера Рышковича в те же полки, при чем бар. Розен о Рыбасе, пишет, что он будучи сильно ранен, оставался во фронт до изнеможения сил. Сверх сего имею честь рекомендовать свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части колонно-вожатого унт.-оф. чина Бурнашова, который находясь во все время сражения при мне, исполняя мои приказания с точностью и мужеством, и будучи ранен в руку пулею, но перевязке, опять возвратился на место сражения. Осмеливаюсь, всепокорнейше просить в. в-пр.: за таковое его усердие к службе Его Императорского Величества о награждении офицерским чином.

О всем оном по долгу обязанности моей минувшаго августа 27 числа, донесено мною командовавшему в день сражения Кирасирскими полками г.-л. и кав. кн. Голицыну. Сего же числа, получа повеление в. в-пр., объявленное мне от начальника главного штаба 1-й Западной армии, имею честь все это представить на благоразсмотрение и уважение в. в-пр. с приложением

ем именного списка, как в рапорте, здесь поименованным, так и прочим, оказавшим свое отличие чиновникам, осмеливаюсь рекомендовать о их мужестве и храбрости, справедливость требует засвидетельствовать также и то, что все они, равно и нижние чины, в сие жестокое сражение столь были мужественны, что казалось, решились жертвовать жизнью, и я к довершению моей обязанности осмеливаюсь всепокорнейше просить в. в-пр. о награждении им.

О происшедшей же в тот день убыли убитыми и ранеными и без вести пропавшими, имею честь представить особенную краткую ведомость.

Генерал-майор Бороздин

Г.-л. Раевский ген. от инф. Дохтурову

11 сентября 1812 г.

(Д. В. — У. А., отд. II, № 1877, л. 2).

№ 280

Село Луковня

На позиции под с. Бородиным находился я со вверенным мне корпусом на левом фланге в первых двух линиях, правый фланг опирая к кургану, на котором поставил я батарею роту 26-й бригады. Видя по положению места, что неприятель поведет атаку на фланг наш и что сия моя батарея будет ключом всей позиции, укрепил я оный курган редутом и усилил орудиями сколько место позволяло. Предвидение мое сбылось. 26 числа на разсвете неприятель начал обходить мой фланг и я получил повеление переменить фронт, опираясь правым флангом к тому-же самому редуту; четыре пехотных полка 26-й дивизии под командой г.-м. Паскевича были назначены прикрытием онаго; два полка пехотных 12-й дивизии занимали передо мною кустарники, левый фланг обеих линий примыкал к деревне, укрепленной батареями, где находился главнокомандующий 2-й Западной армии кн. Багратион, который тотчас дал мне знать, что буде понадобятся ему войска, то будет их брать из второй моей линии. Сие понудило меня потребовать сикурсу, который я получил из трех егерских полков под командой полк. Вуича; все сии войска я расположил таким образом позади редута, чтобы они при атаке онаго неприятелем взяли его колонны с обеих флангов, а полки, находящиеся в кустарниках, заняли бы свои места в первой линии. Неприятель устроив в глазах наших все свои армии, так сказать в одну колонну, шел прямо на фронт наш; подойдя же к оному сильная колонна отделилась с левого его фланга, пошла прямо на редут и, несмотря на сильный картечный огонь моих орудий без выстрела головы оных перелезли через бруствер, в то же самое время с правого моего фланга г.-м. Паскевич с полками атаковал штыками в левый фланг неприятеля, за редутом находящегося. Г.-м. Васильчиков то же самое учинил на их правый фланг а г.-м. Ермолов, взяв батальон егерей полков, приведенных полк. Вуичем, ударил в штыки прямо на редут, где истребив всех в нем находящихся взял генерала, ведущаго колонны, в плен. Г.-м. Васильчиков и Паскевич опрокинули в мгновение ока неприятельская колонны и гнали оныя до кустарников столь сильно, что едва ли кто из них спасся. Более действий моего корпуса описать остается мне в двух словах, что по истреблении неприятеля, возвратясь опять в свои места, держался в оных до тех пор против повторяемых атак неприятеля, пока убитыми и ранеными приведен был в совершенное ничтожество и уже редут мой занял г.-м. Лихачев. В. в-пр. самому известно, что г.-м. Васильчиков, собрав разсеянные остатки 12-й и 27-й дивизии и с Литовским гвардейским полком, удерживал до вечера важную высоту на левой конечности всей нашей линии находящейся. Описывать деяния всякаго генерала, штаб и обер-офицера я не в силах, а отличная их храбрость доказана тем, что почти все истреблены на месте. Испра-

шивая в. в-пр. всепокорнейше штаб и обер-офицерам награждения, к коему их представить честь имею: награда же трем генералам – Васильчикову, Ермолову и Паскевичу, как корпусному командиру не дается власть представлять к повышению чина испрашиваю ваше пр-ство о исполнении онаго. Вам самим известно, что не было случая, где бы они не показали отличной храбрости, усердия и военных талантов. При сем честь имею приложить список штаб и обер-офицеров, которые себя показали отличными.

Верно: генерал-лейтенант Раевской

Ген.-лейт. Кановницын ген.-фельдм. кн. Кутузову

19 сентября 1812 г.

(Д. В. -У. А., отд. II, № 1925, л. 28).

№ 57

О действии войск, бывших под моим начальством в сражении 26 августа при с. Бородине, поспешаю представить у сего вашей светлости мое донесение, которое замедлилось прежним движением армии; а более по убыли в том сражении многих старших чиновников и полковых начальников.

Полки 20-й и 21-й Егерские были отражены от 3-й дивизии еще 25 числа ввечеру, под командою г.-м. кн. Шаховскаго на левый фланг армии. Все прочие войска 3-го корпуса занимали старую Смоленскую дорогу, которую отделял от леваго фланга общей позиции мелкий лес, простиравшийся почти на версту. 26 числа на разсвете, при появлении неприятеля на противу лежащих высотах, 1-я гренадерская дивизия построена была прежде в две линии, пехотные полки 3-й дивизии – в баталионных колоннах за ними, в каковом положении и встречен был неприятель огнем нескольких орудий, устроенных при д. Утице. Как местоположение могло быть для нас не выгодно, то по приказанию г.-л. Тучкова 1-го, линия гренадерской дивизии отошла за вторую к высоте командовавшей всею окрестностию, где и учреждена была батарея из 6 орудий батарейной роты полк. Глухова, вместе с чем немедленно началась сильнейшая с обеих сторон канонада. Но пехотные полки 3-й дивизии – Черниговский, Муромский, Ревельский и Селенгинский потребованы еще прежде сего на левый фланг второй армии, в подкреплении ген. кн. Багратиона, куда прибыв, были употреблены тотчас к завладению важной высоты, занимаемой неприятелем. Сие было исполнено с совершенным успехом; сказанные полки, презирая всю жестокость неприятельскаго огня, пошли на штыки, и с словом «ура», опрокинув превосходнаго неприятеля, привели в крайнее замешательство его колонны, и заняли высоту, с самаго начала сражения упорно защищаемую. Послав донести о том ген. кн. Багратиону, получил я прискорбное известие, что он ранен, и повеление принять в место его команду, вскоре после сего в подкреплении леваго фланга и центра, по требованию моему, прибыла часть войск от 2-го корпуса и лейб-гвардии, с коими полки дивизии мне вверенной непрерывным ружейным огнем и продолжали отражать неприятеля. Между тем прибыл ген. Дохтуров, и я поступил под его начальство.

Сие происходило до 1 часа пополудни; тогда неприятель, усиля свои фронты новыми подкреплениями, сделал на полки 3-й дивизии и близ их стоявшие сильную кавалерийскую атаку, которая при всей стремительности своей осталась вовсе неудачною. Удар выдержан был с отчаянным мужеством и стоил неприятелю страшной потери; другая его атака, повторенная на те же полки и на батарею подполковника Таубе, имела также последствием сильнейший

урон, умноженный еще действием нашей кавалерии, подоспевшей на помощь пехоте.

Я не могу с довольною похвалою отозваться вашей светлости о примерной неустрашимости, оказанной в сей день полками лейб-гвардии Литовским и Измайловским. Прибывши на левый фланг, непоколебимо выдержали они наисильнейший огонь неприятельской артиллерии, осыпаясь картечами ряды их, несмотря на потерю, пребывали в наилучшем устройстве, и все чины от первого до последнего один пред другим являли рвете свое умереть прежде нежели уступить неприятелю. Три большия кавалерийская атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба полка сии отражены были с невероятным успехом; ибо несмотря, что кареи, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками, 3-й баталион Измайловскаго полка и полк Литовский, кои в особенности имели в виду прикрывать бывшую правее их батарею, исполнили сие вовсе время как нельзя лучше, уничтожая совершенно все покушения на оную. Одним словом, полки Измайловский и Литовский, в достопамятном сражении 26 августа, покрыли себя ввиду всей армии неоспоримою славою; сие ставлю себе за счастье, что мне предоставлено свидетельствовать подвиги их пред вашею светлостью. В дополнение чего считаю нужным присоединить к сему оригинальные рапорты ко мне гвардии полковников Удома и Кутузова.

По отражении всех неприятельских кавалерийских атак, живейшая канонада открылась по прежнему, но несмотря на всю жестокость перекрестных картечных выстрелов, полки сохранили прежнее устройство.

В 4 часа пополудни за полученною г.-л. Тучковым 1-м раною, по повелению ген. Дохтурова, принял я командование 3-го корпуса и других полков, действовавших в продолжение дня по Старой Смоленской дороге, где неприятель, пользуясь превосходным огнем своей артиллерии из 22 орудий, успел овладеть занимаемым нашею батареею возвышением. Однако же, быв атакован с фронта и с фланга, снова уступил оное и стал форсировать лес, разделявший левый фланг армией от помянутой дороги; для удержания чего командирован был Таврический гренадерский полк, а потом к вечеру присоединились туда как прочие полки 1-й гренадерской, так и егерские полки 3-й дивизии, но по прибытии моем к сим войска г.-л. Багговут находился уже там и я поступил в его команду.

В знаменитом сем сражении многие чиновники имели случай отличиться особенным образом. Я почтеннейше представляю у сего вашей светлости списки таковым, осмеливаюсь испрашивать им достойнаго по заслугам воздаяния.

Генерал-лейтенант Кановицын

Г.-м. Ермолов
Главнокомандующему 1-ю армиею
ген. Барклаю де-Толли

20 сентября 1812 г.

(Д. В. -У. А., отд. II, №2 1925, л. 51).

№ 152

Августа 26 дня занять будучи исполнением поручений в. высокопр-ства и собственн по званию моему разными распоряжениями, около полудня был я его светлостью послан на левый фланг осмотреть расположение артиллерии и усилить оную по обстоятельствам. Проезжая центр армии, я увидел укрепленную высоту на коей стояла батарея из 18 орудий, составлявшая правое 2-й армии крыло, в руках неприятеля, в больших уже силах на ней гнездившагося. Батареи неприятеля господствовали уже окрестностью сей высоты и с обеих ее сторон спешили колонны распространить приобретенные им успехи. Стрелки наши во многих толпах не только без устройства, но уже и без обороны бежавшие, приведенные в совершенное замешательство и обступающие нестройно 18-й, 19-й и 40-й Егерские полки дали неприятелю утвердиться. Высота сия, повелевавшая всем пространством, на коем устроены были обе армии, 18 орудий доставшихся неприятелю, были слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возвратить сделанную потерю. Я предпринял оное. Нужна была дерзость и мое счастье, и я успел.

Взяв один только 3-й батальон Уфимского пех. полка, остановил я бегущих и толпою в обрез колонн, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, батареи его делали страшное опустошение, но ни что не устояло.

3-й батальон Уфимского полка и 18-й Егерский полк бросились прямо на батарею. 19-й и 40-й Егерские полки по левую сторону оной и в четверть часа наказана дерзость неприятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной, покрыто телами и бригадный ген. Бонами, был один из неприятелей, снискавший пощадку. Неприятель преследован далее гораздо батареи, но смешавшиеся полки, более прежнего умножившийся беспорядок, а паче превосходная неприятеля вблизи силы, шедшая в подкрепление своим, заставили меня отозвать преследующих. С трудом мог я заставить устроить людей в колонны, ибо один порядок мог удержать батарею, отовсюду угрожаемую, пока ваше высокопр-ство прислать изволили полки 6-го корпуса.

Я нашел 18 орудий и на всей батарее два заряда картечь. Два раза переменял большую часть артиллерии. Офицеры и услуга при орудиях были побиты и наконец, употребляя людей от батальона Уфимского полка, удержал неприятеля сильные покушения в продолжении полутора часов, вызвал начальника 24-й див. г.-м. Лихачева и сдав ему батарею, готов будучи отправиться на левый фланг, был ранен в шею.

Овладение сею батареею принадлежит решительности и мужеству чиновников и необычайной храбрости солдат. Представляя имена сих храбрых, я исполняю обязанность мою. Испрашивая вознаграждения их, я испрашиваю должного уважения к отличным их заслугам.

У сего имею честь представить список отличившихся и, склоняя благосклонное в. высокопр-ства, яко начальника, внимание, особенно обращаю оное на командира 3-го баталиона Уфимского пех. полка майора Демидова, командира 18-го Егерского полка подполк.

*Верно: начальник Главного штаба,
генерал-майор Ермолов*

Приложение 2

В этом приложении приведены воспоминания участников Бородинской битвы с французской стороны. Некоторые отрывки отсюда процитированы в основном тексте. Воспоминания эти весьма противоречивы, но они позволяют понять, как воспринималась Бородинская битва французской стороной.

Шевардинский редут

Направо, ниже нас, виднелся Колочский монастырь: большие башни придавали ему вид города. Глянцевитые черепицы его крыш, освещенные солнечными лучами, блестели сквозь густую пыль, поднятую нашей многочисленной кавалерией, и только еще сильнее заставляли выступать темные и мрачные тона, разлитые по всем окрестностям; русские, намереваясь остановить нас перед этой позицией, ужасающим образом опустошили равнину, на которой мы должны были расположиться. Еще зеленая рожь была срезана, леса вырублены, деревни сожжены – словом, нам нечего было есть, нечем кормить лошадей и негде приютиться.

Мы остановились на одном холме, между тем как центр армии усердно преследовал неприятеля и принуждал его отступать на возвышенность, где он окопался. В таком бездействии мы оставались до второго часа пополудни, когда вице-король, сопровождаемый своим штабом, поехал осматривать траншеи позиции, выбранной Кутузовым. Мы начинали объезжать строй, когда наши караульные драгуны сигнализировали о приезде императора: его имя тотчас же передалось из уст в уста, и мы остановились, ожидая его; он скоро явился в сопровождении своих главных офицеров.

Стоя на возвышенности, с которой легко было увидеть лагерь русских, он долго наблюдал их позицию; потом он осмотрел окрестности и с довольным видом стал напевать какие-то незначительные слова; поговорив с вице-королем, он сел на лошадь и ускакал галопом, чтобы сговориться с командирами других корпусов армии, которые должны были содействовать атаке...

У русских около нашего крайнего правого фланга был редут, расположенный между двумя лесами над деревней Шевардино, его убийственный огонь

нес ужас в наши ряды. Они устроили его для укрепления левого крыла, являвшегося слабой стороной их укрепленного лагеря. Наполеон понял это, и с этого момента вопрос был только в том, чтобы захватить этот редут; честь захвата была вверена солдатам дивизии Компана (пятой дивизии первого корпуса). Эти храбрецы, построенные в колонну для атаки, шли на деревню с такой отвагой, которая обеспечила нам успех всего предприятия. В это время князь Понятовский с нашей кавалерией на правом фланге обходил позицию; поднявшись достаточно высоко, дивизия Компана окружила редут и взяла его после часового боя. Попытавшийся вернуться неприятель был наголову разбит; наконец после десяти часов вечера он покинул соседний лес и в беспорядке бежал на большую возвышенность, чтобы соединиться с центром своей армии. Дивизия Компана, выйдя с честью из такого предприятия, поплатилась значительными потерями. Тысяча наших солдат купила своею кровью эту важную позицию, и более половины из них полегли в тех самых окопах, которые они захватили с такой славой. На другой день, делая смотр 61-му полку, наиболее пострадавшему, император спросил полковника, куда он девал один из своих батальонов. «Государь, – было ответом, – он в редуте».

Лабом

Прекрасное зрелище представляли наши войска в своем одушевлении. Ясное небо, лучи заходящего солнца, отражавшиеся на саблях и ружьях, увеличивали красоту его. Остальная армия следила со своих позиций за двигающимися войсками, гордившимися тем, что им на долю выпала честь открыть сражение, она провожала их криками одобрения.

Рассуждения о способах атаки и возможных препятствиях пересыпались военными остротами. И все справедливо предполагали, что неприятель отступит перед такими войсками; должно быть, и император был убежден в этом, если попытался в такой поздний час идти на приступ против сильной позиции, которой неприятель, видимо, дорожил, да и должен был дорожить, так как взятие этого редута открывало его левый фланг. Дело скоро стало очень горячим. Кавалерия произвела ряд атак, но сражение не было еще решено, когда мы получили приказ двинуться на редут. Когда же мы подошли, он был уже взят, и мы остались на позициях до 9 часов вечера. Неприятель отступил в соседний лес. Он пытался даже отбить редут, но был отбит; все же он продолжал пальбу до полуночи, и снаряды падали на наш бивак.

Гриуа

Бородино

Трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска заметили императора, раздались единодушные клики.

– Это энтузиазм Аустерлица! Прикажите прочесть воззвание (помеченное императорским лагерем, под Бородино, 7 сентября, в два часа утра).

«Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Ведите себя, как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском, Смоленском, чтобы самое отдаленное потомство приводило в пример ваше поведение в этот день. Пусть о вас скажут: «Он был в этой великой битве под Москвою».

Клики усилились, войска сгорали нетерпением сразиться, и бой скоро начался.

Итальянцы и поляки стояли на флангах. Наполеон действовал против левого фланга неприятеля. Впрочем, никаких точных сведений мы не имели; женщины, дети, старики, скот – все исчезло; не оставалось никого, кто мог бы дать нам малейшие указания. Ней двинулся на неприятеля и прорвал его с той силой и стремительностью, которые он проявлял уже неоднократно. Мы овладели тремя редутами, поддерживавшими неприятеля. Последний подоспел со свежими силами, в наших рядах произошло замешательство, и мы очистили два из этих укреплений; даже третье было в затруднительном положении. Русские стояли уже на гребне рвов. Король Неаполитанский, заметив опасность, примчался, спешил, вошел в редут и появился на парапете; своим призывом он воодушевил солдат. Редут снова наполнился, огонь принял страшные размеры, атакующие не решились рискнуть на приступ. Появилось несколько эскадронов; Мюрат сел на лошадь и опрокинул колонны, рассеянные по равнине. Мы снова овладели ретраншементами и утвердились в них, чтобы больше уже не покидать их. Этот отважный удар решил судьбу дня.

Генерал Компан был ранен, я принял командование его дивизией. Она входила в состав корпуса маршала Даву. Она овладела одной из укрепленных окопами неприятельских позиций и сильно пострадала. По прибытии к ней я сговорился с маршалом Неем, на правом фланге которого я находился. Наши войска были в беспорядке; мы собрали их и, ринувшись на русских, заставили их дорого поплатиться за успех. Канонада, оружейный огонь не прекращались. Пехота, кавалерия с ожесточением бросались друг на друга в атаку из одного конца боевой линии в другой. Мне еще ни разу не приходилось видеть такой резни.

Мы слишком усилили свой правый фланг, и король Неаполитанский один подвергался губительному огню батарей Семеновского. У него были лишь конные войска; глубокий овраг отделял его от деревни, и овладеть ею было не легко: тем не менее это было необходимо, чтобы не быть в конце концов раз-

громленным картечным огнем. Генерал Беллиар, видя перед собой лишь неглубокие ряды легкой кавалерии, предлагает отеснить ее подальше и, повернув налево, ударить на редут. «Скачи к Латур-Мобуру, – отвечает ему Мюрат, – прикажи ему взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны на редут и заклепать орудия. Если это ему не удастся, пусть он возвращается в том же направлении. У тебя в распоряжении будет батарея в сорок орудий и часть резерва, чтобы прикрывать отступление». Латур-Мобур двинулся, опрокинул и рассеял русских и овладел укреплениями. Фриан явился и занял их. Весь резерв прошел и расположился с левой стороны деревни. Оставался лишь один окоп, обстреливавший нас с фланга и сильно нам мешавший. Резерв, только что овладевший одним окопом, решил, что может справиться и с другим. Двинулся вперед Коленкур, сея издали смятение и смерть. Он внезапно обрушился на редут и овладел им. Но один солдат, спрятавшийся в амбразуре, убил его наповал. Он почил сном храбрецов и не был свидетелем наших злоключений.

Все бежали, огонь прекратился, резня приостановилась. Генерал Беллиар отправился на рекогносцировку в лес, находившийся на некотором расстоянии. Он заметил дорогу, ведущую по направлению к нам; она была наполнена удалявшимися войсками и обозами. Если бы перерезать ее, вся правая часть неприятельской армии была бы замкнута в том сегменте, в котором она теперь находилась. Он предупредил об этом Мюрата. «Скачи и доложи об этом императору», – ответил ему тот. Беллиар поскакал, но Наполеон не счел момента подходящим. «На моей шахматной доске для меня еще не все ясно. Я жду известий от Понятовского*. Поезжайте, осмотрите все и возвращайтесь». Генерал вернулся, но время уже было упущено. Русская гвардия двигалась вперед; пехота, кавалерия – все надвигалось для возобновления атаки. Генерал еле успел собрать несколько орудий. «Картечь, опять картечь и все время картечь», – сказал он артиллеристам. Открыли огонь, результаты его были ужасны; в несколько минут земля покрылась трупами, разгромленная колонна рассеялась, подобно тени. Она не успела дать ни одного ружейного залпа. Артиллерия ее появилась лишь несколько минут спустя, и мы овладели ею.

Битва была выиграна, но жестокий огонь все еще продолжался. Пули, гранаты сыпались градом вокруг меня. В течение часа я был задет четыре раза: сначала двумя пулями довольно легко, затем в левую руку пулей, которая сорвала сукно с моего рукава и рукав рубашки вплоть до тела. Я командовал в это время 61-м полком, который я знал еще с Верхнего Египта. В нем от того времени оставалось еще несколько офицеров, и странно было нам встретиться здесь. Вскоре я был ранен в четвертый раз, картечью ударило меня в левое бедро, и я свалился с лошади. То была в общей сложности двадцать вторая моя рана. Я вынужден был покинуть поле битвы и сообщил об этом маршалу Нею, войска которого перемешались вместе с моими.

Ранн

В 5 ½ часов утра солнце рассеивает туман. Тотчас же новые адъютанты рассылаются во всех направлениях, чтобы окончательно увериться, хорошо ли выполнены приказания, отданные в эту ночь. Бьет барабан, и каждый полковник громким голосом читает своему полку прокламацию императора...

Тысячекратные возгласы «Да здравствует император!» – были ответом на это лаконическое приглашение. Все удивляются выразительности, простоте и мощной силе императорской прокламации, которая так хорошо соответствовала теперешним обстоятельствам. «Она достойна главы армии», – слышались замечания. Пушечный выстрел послышался с батареи правой стороны и дал наконец сигнал к сражению. Было ровно 6 часов.

В 6 ½ часов вице-король дает приказ генералу Дельзону атаковать деревню Бородино, занятую егерским полком русской гвардии. В момент, когда 106-й полк, которому поручено было это дело, пробирался в деревню, стоявший во главе его генерал Плозон падает, смертельно раненный. Деревня взята, и русские стрелки отступили по ту сторону Колочи.

Этим, собственно, ограничились инструкции, данные 106-му полку, но, охваченный наступательным пылом, он быстро переходит мост, устроенный неприятелем на Колоче позади деревни, и двигается к неприятельским рядам.

Русские стрелки, подкрепленные двумя новыми полками, ставят себе задачей отразить 106-й полк. Последнему дорого пришлось бы заплатить за свой риск, но 82-й полк на звуки пушечных выстрелов устремился на помощь к нему беглым шагом, атакуя три неприятельских полка, освободил 106-й и с триумфом возвращается в Бородино согласно полученным приказаниям.

Помощник полкового командира Буассерфей заменил несчастного Плозона. Он тотчас делает несколько превосходных распоряжений для сохранения за собой Бородина, за которое, по общим инструкциям, нельзя было переходить в данный момент. В 8 часов с небольшим император посылает принцу Евгению приказ повести решительное наступление на главный неприятельский редут, поддерживая этим движение Нея и Даву...

Поле битвы скрыто было от королевской гвардии возвышавшимся перед ней холмом, и мне решительно ничего нельзя было видеть. Но на другом склоне холма стояла итальянская батарея, и я выпросил у полковника Морони разрешение направиться к ней. Капитан Дальштейн и лейтенант Гвидотти также получили разрешение, и мы трое пустились в путь. Да, до конца жизни не позабуду я возвышенного впечатления, какое произвел на нас вид этого длинного и широкого поля сечи. Нельзя представить более благоприятной для наблюдения позиции, чем та, где мы находимся. Наш взгляд обнимает все изгибы широкого пространства, расположение различных армий, все действия, какие где-либо завязываются. Дивная панорама раскрывается перед нами.

Прежде всего нам бросается в глаза позиция русских; она образует половину амфитеатра, или полукруг, кривые которого соответствуют на другой сто-

роне месту, где находится Наполеон. Находясь на левом фланге этого полукруга, я вижу перед собой в далеком расстоянии густой лес, заставляющий меня вспомнить о чудесных описаниях Тассо и Ариосто. Из этого леса все время вырываются громадные столбы огня, сопровождаемого страшными ударами; под действием этих вихрей огня и дыма колеблются глубокие массы, чтобы идти навстречу другим огням, не менее страшным. Под блеском солнца сверкают оружие и амуниция пехотинцев и кавалеристов, марширующих навстречу одни другим. Внизу холма на нашем левом фланге бригада Плозона уже овладела Бородино, этим необыкновенно важным стратегическим пунктом при слиянии Колочи и Войны. Покатости этого холма спускаются к Колоче; несколько мостов ведут к широкой и открытой плоской возвышенности, через которую идет большая дорога в Москву, охраняемая расположенным влево от нее главным редутом.

В этот момент 30-й полк, под предводительством генерала Бонами, бросается в атаку. Солдаты держат себя удивительно, и я не могу оторвать глаз от этой группы героев. Отвлекает меня только не переставший треск пальбы, поднимаемой во всех пунктах, где завязывается стычка, при различных шансах на успех. Мной овладевает неописуемое волнение. Ведь я смотрю на все это, как посетитель цирка может смотреть на все происходящее перед ним на арене.

Но экстаз, овладевший мною, внезапно уступает место чувству сострадания. Несчастный полк, которым я только что восторгался, в данный момент подставляет себя на убой, и новые русские батареи выдвинуты для отражения итальянских батарей, расположенных на возвышенности, на которой я стою*.

В тот же момент звуки барабана заставляют меня вопреки желанию покинуть свою позицию. Сила обстоятельств вынуждает королевскую гвардию браться за оружие. Я спешно возвращаюсь к своему полку, который идет, чтобы принять участие в деле. Теперь я уже не могу видеть того, что происходит на нашем правом фланге. Я могу говорить лишь о том, что делается около нас. Несчастный 30-й полк не мог удержаться на занятой позиции. Русские, окрыленные успехом, стараются выгнать нас с высот и атакуют правый фланг дивизии Морана, и вице-король немедленно противопоставляет им дивизию Жерара. Наш 1-й полк легкой кавалерии, атакованный русскими драгунами, моментально разбивается на ряды, которые подпускают к себе русских, затем открывают пальбу рядами. Пальба отличается такой силой, что в мгновение ока площадь покрывается телами людей и лошадей, мертвых или раненых, и они создают новый барьер вокруг наших доблестных батальонов**.

Русская кавалерия исчезает. Батальоны 7-го полка, прикрытые дивизией Бруссье и итальянской артиллерией и выступом холма защищенные от огня русских батарей, пытаются сохранить свои позиции. Часть холма открывается нашим взорам, и мы видим ужасное зрелище корчащихся и изуродованных тел людей и лошадей, делающих последние усилия в борьбе со смертью; перед

нами и вокруг нас обезображенные трупы, туловища, оторванные части тела — все это покрывает землю.

Русские опять получили новые подкрепления и удваивают усилия, чтобы выгнать с позиции наши дивизии.

Вице-король, видя, что его первая линия удерживается с трудом, дал приказ отрядам легкой артиллерии, гренадерам и стрелкам гвардии броситься вперед на небольшой бугорок подле Колочи. В королевской гвардии мы получаем приказ перейти эту речку, чтобы пойти на помощь атакованным дивизиям.

Огонь наших новых батарей в конце концов совершенно истребил русскую дивизию, стоящую против нас, но взамен ее мы сейчас же видим другую. Вся ярость битвы сосредоточивается теперь на пункте, где мы стоим. Четыре часа мы держимся под градом железа и свинца. Стойкость принца Евгения и доблесть его солдат выше всякой похвалы.

Общий бой ведется и в деревне Бородино и захватывает пространство до Старой Смоленской дороги. Более тысячи орудий сеют смерть. Пальба непрерывная, ужасная.

Вот новое положение, в каком мы очутились: дивизии Жерара, Морана и Бруссье, поддерживаемые королевской гвардией, борются с многочисленными русскими силами, упорно стремящимися к тому, чтобы выгнать их с возвышенности, которая ведет к главному редуту.

Вице-король в свою очередь решается сделать еще одно усилие: он соединяет войска, чтобы накрыть неприятеля со всех сторон и овладеть фортом. Королевская гвардия, до сих пор пассивно страдавшая от потерь, причиненных ей пушечными выстрелами, не будучи в состоянии производить ответные выстрелы, теперь волнуется от своего бездействия. Она убеждена, что от взятия этого окопа может зависеть результат дня; она ревниво хочет взять на себя всю честь за это дело и через посредство своих начальников добивается от вице-короля, чтобы исключительно ей поручен был натиск. Вице-король уступил. Все мы испускаем радостные крики. Полки строятся справа во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах.

Русские заметили наше движение и тотчас же направляют в нашу колонну огонь из сотни орудий. Одни только крики: «Да здравствует император!», «Да здравствует Италия!» — раздаются в шуме падающих бомб и гранат, не переставшего свиста железа и свинца. Почти в тот же миг приходят спешные донесения вице-короля, что многочисленные отряды неприятельской кавалерии выступают из леса, чтобы отрезать наш левый фланг, и угрожают нас обойти. Последний прибывший адъютант сообщает нам, что Дельзон и Орнано смяты превосходящими силами неприятеля и вынуждены отступить для прикрытия итальянской батареи, Бородина, Войны и провианта. Они требуют поддержки, прежде чем неприятель получит подкрепление и еще подвинется вперед.

В сопровождении своего штаба принц Евгений сам скачет к этим местам, чтобы дать себе отчет в положении дела, предупреждает об этом императора, задерживает движение вперед королевской гвардии, заставляет ее поворотить и приказывает ей следовать за собой беглым шагом на другую сторону Колочи. Королевская гвардия, к огорчению своему, видит, что ее движение вперед остановлено, но не теряет надежды, что найдет случай вознаградить себя за вынужденный перерыв. Мы идем назад и в хвосте колонны доходим до атакованного пункта.

Новые неприятельские отряды (корпуса Уварова и Платова) с каждым мгновением увеличиваются, выступают из леса, испуская пронзительные крики, и бросаются между войсками Дельзона и Орнано.

Эти последние, как слишком слабые, отступают в полном порядке после отчаянной схватки и стараются прикрыть Бородино и итальянские батареи. Русские батареи с удвоенной яростью стреляют по нашему правому флангу и покрывают своими огнями деревню. Артиллерийский полковник Демэй убит.

Генерал Литуар и полковник Милло, не прекращая огня впереди, вынуждаются теперь обратить все внимание на арьергард. Они немедленно ставят туда несколько орудий, чтобы подготовиться ко всякой случайности. Итальянские артиллеристы, сохраняя порядок и хладнокровие, быстро проделывают все маневры, хотя все пространство покрыто трупами наших товарищей.

Вице-король галопом прискакал на позицию и, не находя другого, более подходящего места, выезжает в каре 84-го полка, на который тут же поведена была атака. Вице-король подбодряет людей, обещая, что скоро на помощь им явится королевская гвардия; и действительно, мы в этот момент переходим уже вброд Колочу и быстро двигаемся туда. Несмотря на внутренний пыл, усиливающийся от слухов, что принц находится в опасности, мы сохраняем величайшее хладнокровие. А тем временем силы русской кавалерии, непрерывно увеличивающиеся, возобновляют свои атаки против колонны 8-го кроатского, 84-го и 92-го полков.

Мы без конца повторяем свои крики, чтобы предупредить о нашем приближении принца и войска, его окружающие. Но наши крики в то же время привлекают к себе и внимание наших противников (т.е. войск Уварова и Платова). Только что прибывшие полки королевской гвардии очутились лицом к лицу с неприятельской кавалерией. Разбившись на каре, мы устремились ей навстречу. Русские почти уж подступили к итальянским батареям и заставили их прекратить огонь; затем они опрокинули полки Дельзона. В этот-то момент они очутились перед королевской гвардией, поджидающей их со скрещенными штыками. После одной неудачной попытки русские в конце концов были отброшены сильным огнем с нашей стороны и побежали во всю прыть. Легкая кавалерия Орнано, которая перед тем должна была укрыться за нашими рядами, теперь желает взять свой ре-

ванш. С помощью драгун и отряда почетной стражи она вновь нападает на русских. Эти последние, страшно напуганные, спешно бегут через Войну и Колочу и не осмеливаются возвращаться.

Вице-король оставляет тогда кавалерию гвардии на этой позиции, лицом к лицу, и галопом возвращается на возвышенность к главному редуту в сопровождении гвардейской пехоты. Было около трех часов.

Все усилия сосредоточиваются теперь на редуте, который представляется поистине адской пастью. Но вот как-то внезапно на этой самой высоте, которая господствует над нами и которая в течение стольких часов сеяла смерть над нами и кругом нас, мы не замечаем более огней, все приняло вид какой-то горы из движущейся стали.

Кирасы, каски, оружие – все это блестит, движется и искрится на солнце и заставляет нас забывать об остальном. Это кирасиры Коленкура. Вице-король следует за ними во второй линии.

Командир батальона Дель-Фанте, из штаба вице-короля, обходит тогда слева редут во главе 9-го и 35-го полков и, несмотря на храбрую защиту отчаянно бьющихся русских, захватывает его. Осажденные не хотят сдаваться, и там происходит поэтому ужасная резня. Сам Дель-Фанте, увидав в схватке русского генерала – это был генерал Лихачев, – бросился к нему, обезоружил, вырвал его из рук освирепевших солдат и спас ему жизнь против его воли. «Ваше поведение, brave Дель-Фанте, – сказал ему вице-король, – было нынче геройским!» Он тут же, на поле битвы, назначил его адъютантом – награда, украшающая и принца, и солдат. В тот же приступ мы завладели 21 русской пушкой, которую наши враги не успели увезти с редута.

Взятие этого редута, воздвигнутого нашими противниками с такими заботами, кажется, заканчивает в данный момент наши подвиги. Действительно, приходит приказание держаться на нем в ожидании новых предписаний. Обе армии опять располагаются лицом к лицу, причем наша на поле битвы, захваченном ценою таких героических усилий.

Ночь настала, и битва везде прекратилась.

Ложье

На рассвете 7-го на пространстве обоих лагерей раздаются звуки труб и барабанов, сливающихся вскоре с канонадой установленных ночью батарей. Люди берутся за оружие, строятся, и в каждой колонне прочитывают приказ императора...

Наш корпус приближался к большому редуту. Мы построились за глубоким рвом, отделявшим нас от него. Я же перевел свою артиллерию за овраг и поставил батарею, тотчас открывшую огонь против артиллерии редут, бывших направо и налево от нас, и против масс пехоты и кавалерии

вперед. Скоро весь кавалерийский резерв собрался в этом пункте и построился несколькими рядами вправо от моих батарей. Огонь все усиливался. Пули, ядра, гранаты и картечь градом сыпались на нас со всех сторон и делали большие борозды в рядах нашей кавалерии, простоявшей несколько часов неподвижно под огнем. Равнина была покрыта ранеными, направлявшимися к перевязочным пунктам, и лошадьми без всадников, скачущими в беспорядке. Недалеко от меня был полк Вюртембергских кирасир, на который как будто всего больше сыпалось снарядов; каски и латы, сверкая, взлетали над всеми рядами. Французские стрелки, поставленные вперед, тоже сильно пострадали, в особенности от ружейных выстрелов, причем пули звенели, ударяясь об их латы. Здесь был смертельно ранен в низ живота молодой Ларибуазбер, капитан этого корпуса, сын генерала от артиллерии. Моя артиллерия тоже очень потерпела; вскоре два орудия были сдвинуты с лафетов и убито много людей и лошадей. В это время генерал Груши подъехал со своим штабом к краю оврага позади меня и велел меня позвать. Не успел я подойти к нему, как неприятель стал стрелять по нашей группе, и в несколько минут были убиты или ранены картечью многие ординарцы и штаб-офицеры; раненная пулей в грудь лошадь генерала Груши упала, придавив его; мы думали, что он убит, но он отделался сильной контузией. Одновременно был ранен в шею картечью ординарец из стрелкового полка, бывший при мне.

С той и другой стороны продолжалась сильная пальба, не приводившая к окончательным результатам, когда в 2 или 3 часа дня появился Неаполитанский король с многочисленной блестящей свитой. С самого начала сражения мы видели одного принца Евгения, но и он был около нас только минуту, потому что его отвлекало направо нападение казаков, и теперь мы были очень рады прибытию короля Мюрата. Мы были уверены, что он, прекратив убийственную, ни к чему не ведущую канонаду, которая уже ослабевала из-за недостатка снарядов, сумеет воспользоваться таким количеством войска, собранного в одном месте, и поведет открытую решительную атаку. Действительно, ознакомившись с положением и осмотрев место, на котором несколько часов теснилась наша кавалерия, он замечает, что насыпь большого редута почти снесена нашими снарядами. Он приказывает кавалерии атаковать этот редут и войско прикрытия. Тотчас все приходит в движение; многочисленная кавалерия строится в колонны; во главе идут кирасиры 2-го корпуса – это был, насколько я помню, 5-й кирасирский полк, – они переходят в галоп, опрокидывают все перед собою и, обойдя редут, устремляются на него по узкому проходу и по тем местам, где осыпавшаяся земля облегчает подъем. Тем временем вице-король со своею пехотой атакует редут справа.

Но скоро каски и сабли наших храбрых кирасир сверкают уже на редуте, огонь которого сразу прекращается. Он взят! Трудно представить, что мы по-

чувствовали при виде этого блестящего подвига, которому нет, может быть, равного в военных летописях народов. Каждый следил глазами и хотел бы помочь руками этой кавалерии, когда она переправлялась через рвы, перескакивала через заграждения под картечью, и восторженные крики понеслись отовсюду, когда редут был взят. Эту атаку вел Коленкур, нашедший себе здесь славную смерть.

От обладания этим укреплением зависела судьба сражения. Чувствуя его значение, к нему устремились многочисленные колонны русских. Момент был важный. Мы получаем приказ наступать. Вскоре мы сталкиваемся с неприятелем. После нескольких атак он в беспорядке отступает от редута. Но успех дорого стоил нам, и мы потеряли здесь много людей...

В 12 часов дня я спросил Наполеона, не хочет ли он завтракать... Битва не была еще выиграна, и он сделал мне отрицательный жест: я неосторожно сказал ему, что не существует причины, которая могла бы помешать завтракать, раз это можно; тогда он довольно резко попросил меня удалиться... Позднее он съел кусок хлеба и выпил стакан красного вина, не разбавляя его водой. Он выпил стакан пунша в 10 часов утра, так как у него был сильный насморк.

Штаб артиллерии показал, что с нашей стороны было выпущено более пятидесяти пяти тыс. выстрелов. Русские дали по крайней мере столько же: я представляю таким образом судить об адском грохоте, который сопровождал эту памятную битву.

К 4 часам Наполеон сел на лошадь и поехал к авангарду, которым командовал Неаполитанский король, и к корпусам вице-короля и маршала Нея, которые сражались так мужественно. Было 7 часов вечера, когда он вернулся в свою палатку, которая была устроена позади Шевардинского редута, впереди которого император находился во время сражения. Он пообедал с князем Невшательским и маршалом Даву. Его палатка была разделена на несколько комнат: первая служила гостиной и столовой, во второй была его походная кровать, а последняя служила кабинетом для его секретарей.

Я заметил, что против обыкновения лицо его было разгоряченное, волосы в беспорядке и вид усталый. Он страдал, потому что потерял столько храбрых генералов и храбрых солдат. Должно быть, впервые ему показалось, что слава куплена слишком дорогой ценой; и это чувство, которое делает ему честь, было, наверное, одной из причин, которые заставили его отказаться двинуть кавалерию гвардии*, как того просили Неаполитанский король, вице-король и маршал Ней, чтобы преследовать неприятеля и сделать победу еще более полной... А может быть, занятый больше общим положением дела, чем деталями, которые имели в виду эти три героя, и видел он гораздо дальше, чем они. Что касается меня, то, по-моему, его нужно только благодарить за то, что он пощадил свое отборное войско, из которого состояла гвар-

дия, потому что мы были ему обязаны нашим спасением при отступлении; именно в отступлении мы найдем ее благородной, великой, великодушной, верной, и она единственная сохраняла свое оружие в то время, как остальные части армии упали духом.

Боссе

Каждому корпусу была прочитана прокламация императора при повторных криках «Да здравствует император!».

Из нашего 85-го два батальона были оставлены при батареях императорской гвардии, которая открыла бал пальбой 60 орудий, искусно расставленных на площадке, слегка господствовавшей над неприятельскими позициями. Это было на рассвете.

Следуя за дивизией Компана, мы с остальной частью нашей дивизии сошли с этой площадки и среди густого тумана стали спускаться по довольно крутому откосу. Едва мы вышли из лесу, как командование дивизией перешло к генералу Десэ, так как Компан был опасно ранен. Он во главе дивизии пустился галопом, сопровождаемый только капитаном Буржэ (поручиком), Магнаном (адъютантом генерала Бресанда) и мной. Мы прискакали в тот момент, когда редуты только что были взяты. Эти редуты были простые реданы, или лагерные работы в форме шеврона, не закрытые у входа, так что вторые позиции неприятеля оружием и картечными залпами выметали находившихся внутри них. Удержаться в них было несравненно труднее, чем завладеть ими. Солдат 5-й дивизии поэтому поместили за этими редутами и в углублениях, находившихся в той местности, стараясь в ожидании новой атаки по возможности укрыть их от неприятельского огня.

Генерал Десэ, которому нельзя было отказать в личной храбрости, оставался несколько минут совершенно открытым возле одного из редутов, исследуя позиции и движение русских войск, бывших перед нами. Я находился возле него, созерцая ту же картину. Вдруг пуля попала в кобуру у его седла и разбила бутылку с водкой, которой он запасся. Он очень огорчился и с досадой воскликнул, обращаясь ко мне: «Этим я обязан вашей проклятой белой лошади». Моя лошадь, одна из тех, которых я приобрел у генерала Бресанда, была действительно ослепительно белой масти, а такие лошади правда часто служат мишенью для неприятельских выстрелов, тем более что на них обыкновенно ездят генералы, да и заметить их издали легче, чем лошадей темных мастей.

Пока мы так стояли в течение нескольких минут, капитан Буржэ, желая лучше укрыться, столкнул свою лошадь в яму самого редана; когда мы поехали дальше вперед, он выехал из ямы, но тут же упал мертвый: пуля пробила ему череп. Вечером, проезжая по тому месту, я узнал его труп, хотя все одежды были с него сняты. Бедный малый не намеревался остаться на службе.

Имея хорошее состояние, он желал только получить чин командира эскадрона или старшего офицера и затем выйти в отставку, но ему не было суждено снова увидеть берега озера Буржэ.

Несколько времени спустя генералу Десэ пришлось снова взять на себя командование своей дивизией, так как командовать 5-й был послан императором один из его адъютантов, генерал Рапп. Эта дивизия, вследствие понесенных ею при взятии редутов потерь, была отведена на вторую позицию, а дивизия Десэ перешла на первую.

Пройдя некоторое расстояние вперед, мы на опушке леса, тянувшегося вправо от нас, выстроились колоннами. В это время мы заметили отряд русских кирасир, мчавшихся как ураган. Они направлялись не прямо на нас, а на батарею из 30 орудий, которая вследствие нашего движения заняла позицию несколько сзади и левее нас. Проходя мимо нас, отряд отведаль наших пуль, но это не замедлило его движение; не сделала этого и картечь нашей батареи; он опрокинул последнюю и изрубил на местах не успевших укрыться артиллеристов. Однако несколько французских эскадронов быстро смяли кирасир, и тем пришлось еще раз проехать мимо фланга нашей колонны, перенести ее огонь и штыки солдат, которые, выйдя массами из рядов, побежали им навстречу, преграждая путь наступления. В этом отряде было, по нашему счету, до 1500 русских кирасир, а вернулось из них к своим линиям едва ли более 200 человек. Остальные, и люди и лошади, пали на месте, и я даже не помню, чтобы кого-нибудь из них взяли в плен. Они были бронированы только спереди; их брони и каски были черного цвета.

Едва скрылись последние из отряда кирасир, как мы увидели на близком расстоянии массу пехоты, продвинувшейся во время атаки первых. Эта пехота после отступления кирасир оказалась открытой и одинокой. Одну минуту мы видели, как она как будто закружилась на одном месте и затем отступила слегка в беспорядке. Но, уходя, она в свою очередь обнаружила присутствие батареи, пославшей нам несколько картечных залпов, причинивших нам большой вред, и, между прочим, в это самое время пуля перебила генералу Десэ правое предплечье. Мы с поручиком Магнаном отвели его назад, так чтобы неприятельские выстрелы не могли до него долетать. Здесь нам попалось несколько хирургов, шедших навстречу раненым, и среди них был главный хирург Неаполитанского короля. Он оказал генералу первую помощь и по исследовании его раны стал уговаривать его согласиться на ампутацию предплечья.

Явившийся почти вслед за тем главный хирург Ларрей держался того же мнения и еще решительнее настаивал на операции, на которую генерал ни за что не соглашался. Впрочем, у Ларрея это было системой – удалять серьезно пораненные члены, и он приводил в ее защиту красноречивые аргументы. Он говорил генералу: «Конечно, можно с некоторым шансом на успех постараться сохранить вам руку, но для этого долгое время вам необходим тща-

тельный уход и известные условия, на которые в походе и в стране, подобной этой, за тысячу лье от родины, вы не можете наверное рассчитывать. У вас впереди еще долгие лишения и тяжелые труды, и, наконец, вы не застрахованы от несчастных случайностей. А между тем ваша рана при ампутации прекрасно зарубцуется через какие-нибудь 2 недели».

Генерал Десэ не внимал никаким увещаниям и оставался непоколебимым в своем решении сохранить свою руку. Он был прав, как будет видно дальше, но лишь благодаря стечению невероятно счастливых обстоятельств. И кроме этого, он страдал от своей раны всю жизнь, и еще 10 лет спустя из нее продолжали выходить обломки костей. Поместив генерала в безопасное место, где за ним был обеспечен нужный уход, я счел своим долгом вернуться в гущу сражения и перейти под начальство генерала Фредерикса, принявшего на себя после раны Десэ командование 4-й дивизией. Поручик Магнан остался при Десэ, к которому присоединились еще два брата, доктор, командир и прислуга.

Возвращаясь к дивизии, я встретил несколько в арьергарде от нее полковника Ашара из 108-го со знаменем и кучкой людей. «Вот все, что осталось от моего полка», — печально сказал он мне.

4-ю дивизию я нашел почти в том же положении, в каком оставил, — за мое отсутствие в этом пункте не произошло ничего важного. Генерал Фредерикс похвалил меня за мое возвращение и почти немедленно послал меня за инструкциями к маршалу Нею.

Маршал Даву был сильно контужен пушечным ядром, сбросившим его с лошади, и оказался вынужденным в это самое время покинуть поле сражения. Маршал Ней, когда я к нему явился (это было в 2 часа пополудни), один командовал по всей линии. Следует заметить, что огонь с той и другой стороны стал затихать, и можно было надеяться на скорый конец сражения ввиду недостатка сражающихся — так велики были потери обеих армий в течение утра. Только батареи продолжали на очень значительном расстоянии переговариваться частыми залпами, и я по пути к маршалу Нею, направляясь по дну небольшой долины, слышал, как пули скрещивались над моей головой и летели со свистом. Очевидно, утренние волнения сильно возбудили мою добрую, обычно смирную лошадь. Она упрячилась до того, что я был вынужден слезть и вести ее в поводу. Особенно удивительно то, что она дрожала всем телом не от гула пушек, а от жужжания пуль: очевидно, она понимала, что в них, а не во взрыве кроется опасность.

Маршал Ней послал меня к генералу Фредериксу с приказом идти вперед и то же самое велел передать герцогу Абрантесу, стоявшему с вестфальским корпусом вправо от нас. Насколько было возможно быстро я исполнил это двойное поручение. Генерал Фредерикс повиновался приказу и занял позицию так, что имел вестфальцев в арьергарде, соприкасаясь справа с польским корпусом князя Понятовского. Жюно я нашел на лесной поля-

не. Он сошел с лошади и приказал солдатам составить ружья в козлы. По-видимому, он не был расположен тронуться с места. На все сказанное мною он не обратил ни малейшего внимания и вел себя так же, как и при Валутиной горе.

Жиро де-Л'Эн

На рассвете мы получили приказание двинуться вперед вдоль Московской дороги и остановиться против Бородино. Дивизия выстроилась в колонну по бригадно перед тянувшимся через все поле оврагом, на дне которого протекал ручей.

Едва только солнце начало освещать горизонт, прискакал адъютант генерала Груши и передал полковнику для прочтения перед полком замечательную прокламацию императора. Едва успели закончить чтение этого воззвания, как показалось лучезарное солнце. Погода была великолепная, и перед нашими глазами открылось все поле битвы.

Мы должны были защищать двадцать пять орудий, поставленных между нами и дивизией Монбрена, наблюдать и следить за дорогой в Москву и селом Бородино.

Битва завязалась почти в одно и то же время по всей линии.

Против нас на крайнем правом фланге неприятельской линии находился редут, огонь которого был направлен против нашей артиллерии, расположенной вправо от нас. Но несколько орудий обстреливали и нас. Все ядра попадали рикошетом в наши ряды, и мы ждали их, обнажив сабли.

В таком ужасном положении мы пробыли шесть часов...

Бедный восьмой стрелковый полк понес очень большие потери, его ряды были сильно разрежены; большое количество трупов людей и лошадей покрывало позицию, которую мы занимали с восхода солнца.

Было около 11 часов. По всей равнине раздавался ужасный артиллерийский грохот. Земля дрожала от кавалерийских атак. Наконец во весь опор к нам прискакал адъютант генерала Груши и передал приказание двинуться в атаку, сделав движение налево, чтобы перейти дорогу немного выше Бородино. Никогда осужденный на казнь, получая помилование, не чувствовал больше радости, чем мы, когда нам поручили выполнить этот маневр, освобождавший нас от этого ужасного бездействия.

Полки построились в эскадроны на скаку и мчались галопом, пока, достигнув правого фланга неприятеля, не очутились перед русскими кирасирами. Мы выстроились в боевой порядок – колоннами по целому полку.

Шестой гусарский находился во главе отряда; он произвел решительную атаку и смял русских кирасир. Восьмой стрелковый, бывший вторым, налетев с быстротою молнии, dokonчил их поражение.

В полном беспорядке они повернули назад, и мы начали бешено рубить, как бы стараясь вознаградить себя за потерянное время.

Так как русские кирасиры носят панцирь только на груди, мы могли с особым успехом колоть их именно во время бегства.

Мы настолько ожесточились, что многие из нас продолжали преследование еще долгое время после того, как трубы уже протрубили отбой, так что для того, чтобы соединиться с нашей дивизией, нам пришлось прокладывать себе дорогу через густую цепь казаков.

Русские кирасиры, которым удалось наконец выстроиться, бросились вперед в атаку.

Они остановились на расстоянии ста шагов от нашего фронта. Мы, твердо держась на стременах, сабли наголо, были готовы встретить их.

Казаки, по своему обыкновению, расступились в стороны, чтобы оставить свободным поле битвы.

Видя нашу твердость, неприятель начал колебаться; он не осмелился произвести атаку и выполнил повзводно шагом полуоборот с такою правильно-стью, как будто дело происходило на маневрах на Марсовом поле. Казаки бросились в промежуток, как стая свирепых волков, и с не большим порядком. Чтобы сдержать их, выслали значительное количество стрелков. Но так как битва не была еще окончательно выиграна и так как нам было дано приказание не наступать, то остальная часть дня прошла без каких-либо решительных действий, и мы разбили свой лагерь перед Бородином.

Так как я сильно страдал от полученной в ногу раны, полковник разрешил мне устроиться на ночь самым удобным образом, какой только окажется возможным, с тремя товарищами, также ранеными, и полковым врачом хирургом Жераром, которого очень любили в полку.

Наступившее за этим достопамятным днем утро было очень смертоносно для 8-го стрелкового полка. Наступила наша очередь стать во главе колонны.

На рассвете наши аванпосты были атакованы, и мы бросились к ним на помощь. Но нам пришлось сражаться, не говоря уже об очень сильном арьергарде, с бесчисленной массой казаков и батареей из тридцати орудий, которая, подпустив на короткое расстояние, стала осыпать нас градом картечи.

Более шестидесяти стрелков было убито; очень много людей было ранено, в особенности унтер-офицеров.

Слева от нас находились уланы. Сражаться вместе с ними было прямо наслаждением, удивительна была их блестящая храбрость и та ярость, с которою они бросались на врага, где бы тот ни появлялся и какова бы ни была его сила.

Мы сделали фланговое движение, чтобы следовать за стрелками и не подставлять себя без пользы под неприятельский огонь, как вдруг я, стараясь увидеть что-нибудь в окружавшем нас облаке дыма и пыли, почувствовал, как кто-то схватился обеими руками за мою ногу и цеплялся за нее с крайними усилиями.

Я уже был готов освободить себя ударом сабли от этого крепкого обьятия, как увидел молодого, замечательно красивого польского офицера, который, волочаясь на коленях и устремив на меня свои горящие глаза, воскликнул:

– Убейте меня, убейте меня, ради Бога!

Я соскочил с лошади и нагнулся к нему. Чтобы обследовать рану, его наполовину раздели, а затем оставили, так как он не в состоянии был выдержать переноски.

Разорвавшаяся граната отрезала ему позвоночник и бок; эта ужасная рана, казалось, была нанесена острой косой.

Я вздрогнул от ужаса и, вскочив на лошадь, сказал ему:

– Я не могу помочь вам, мой храбрый товарищ, и мой долг зовет меня.

– Но вы можете убить меня, – крикнул он в ответ, – единственная милость, о которой я прошу вас.

Я приказал одному из моих стрелков дать мне свой пистолет и взять себе другой в первой кобуре, которую он найдет, и, передав заряженное оружие несчастному, я удалился, отвернув голову.

Я все же успел заметить, с какой дикой радостью схватил он пистолет, и я не был от него еще на расстоянии крупа лошади, как он пустил себе пулю в лоб.

Не думаю, чтобы, оказав ему эту услугу, я совершил дурной поступок, и, что бы ни говорили ригористы, моя совесть никогда не упрекала меня за это: смерть была здесь несомненна, а мучения ужасны.

Наконец мы вышли из сферы действия неприятельской артиллерии, и после того, как дым рассеялся, мы увидели, что находимся на правой стороне от той позиции, которую она занимала.

Комб

Генерал Нури привез мне печатный приказ, который я и прочел артиллеристам и солдатам. Это был приказ об обходном движении нашей батареи: маневр, благодаря которому мы прославились. Нас называли победителями Аустерлица, Иены и Фридланда; еще одно подобное сражение здесь – и мы войдем в Москву, где найдем удобные квартиры, где будет заключен продолжительный мир и получится наконец уверенность в быстром возвращении во Францию... Все кричали «ура».

Немного спустя генерал Нури приказал мне именем фельдмаршала поставить батарею на передовую линию, чтобы прикрыть императорскую стоянку.

Я велел стать на позицию и сняться с передков. Как сейчас вижу всю картину боя: сзади и сбоку от меня стоит в полном порядке пехота «Старой гвардии»; в центре – пехота «Молодой гвардии»; налево – кавалерия; в центре же

моей батарее находился император в своей серой шинели, со скрещенными на груди руками, ходивший в большой ажитации по маленькому пространству; немного далее – офицеры с подзорными трубами в руках. Две конные батареи под командой Марена поместились налево, прикрывая собою фронт кавалерии. Моя батарея простояла таким образом до четырех часов дня. Мы слышали со всех сторон ужасную перестрелку, едва разбирая сквозь дым позицию неприятеля. Более ста офицеров главного штаба подбегали один за другим к императору; он выслушивал их рапорты и отсылал движением руки, ни разу не промолвив слова.

Я не сводил с него глаз и могу поручиться, что с самого начала битвы и до четырех часов он не покинул своего места, не отдал ни одного приказанья.

Пьон де Лош

Справа от дороги возвышался громадный редут, откуда расстреливали все, что к нему ни приближалось. Понадобились страшные усилия, чтобы его взять. Наконец это удалось кирасирам, и тогда наши колонны высыпали на равнину. Главный резерв помещен был слева от большой дороги; боевых колонн не было видно, так как деревья и кустарник заслоняли их. Ночью войска были расставлены, а на рассвете все было уже на ногах и артиллерия начала действия с обоих флангов. Император приказал своим резервам сделать большое движение и разместил их на этот раз справа от большой дороги, у глубокого оврага, где они и выстояли, не трогаясь, целый день. Здесь находилось 20 или 25 тыс. человек, отборные силы Франции; все они были в парадной форме. Наши войска прилагали все усилия, чтобы захватить редуты, расстреливавшие на нашем правом фланге нашу пехоту, но их все время отражали, а между тем занятие этой позиции решало победу.

Генерал проводил меня к императору. «У тебя хорошая лошадь?» – «Да, государь!» – «Скачи сейчас же и передай этот приказ Коленкуру, ты найдешь его справа отсюда, вдоль леса; ты заметишь там кирасир, которыми он командует. Возвращайся только по окончании дела».

Приезжаю, являюсь к генералу и передаю ему приказ. Он прочел и обратился к своему адъютанту со словами: «Вот приказ, которого я ждал. Трубите, чтобы сажались на лошадей, и зовите сюда полковников». Они прибыли верхами и стали в круг. Коленкур прочел им приказ, чтобы редуты были взяты, распределил, кому какой редут брать, и прибавил: «Я беру на себя второй. Вы, офицер штаба, следуйте за мной и не теряйте меня из виду». – «Слушаю, генерал!» – «Если я паду, то вы, полковник, примите командование. Редуты надо брать при первой же атаке». Затем он обратился ко всем полковникам: «Вы слышали мои слова, становитесь во главе своих полков. Гренадеры нас ждут. Не терять ни минуты! За мной рысью, а как только подойдем на ружейный выстрел – галопом. Гренадеры атакуют с фронта».

Кирасиры понеслись вдоль леса и ринулись на редуты с задней стороны, тогда как гренадеры устремились к валу. Кирасиры и гренадеры врассыпную сражались с русскими. Храбрый Коленкур упал подле меня, убитый наповал. Я присоединился к старому полковнику, принявшему на себя начальствование, и все время не выпускал его из виду. Атака кончена, и редуты в наших руках. Старый полковник говорит мне: «Поезжайте, скажите императору, что победа наша. Я сейчас отправлю ему штаб-офицеров, взятых в плен на редутах».

Все силы русских двинулись на помощь к этим редутам, но маршал Ней расстреливал их с их правого фланга. Я поскакал галопом через поле битвы, видел, как ядра взрывали поле, и не надеялся выбраться оттуда. Подъехав к императору, соскакиваю с лошади, подхожу к нему, снимаю шляпу и тут замечаю, что у нее недостает заднего угла. «Ну, – сказал император, – ты дешево отделался». – «Я и не заметил этого; редуты взяты, генерал Коленкур убит». – «Ах, какая потеря!» – «К вам сейчас приведут много офицеров».

Император потребовал свою медвежью шкуру; он находился в это время на склоне оврага в полулежащем положении. Сюда привели взятых в плен офицеров, сопровождаемых гренадерской ротой. Их разместили в порядке их чинов. Император обошел их и спросил, не сделали ли им солдаты чего дурного; они ответили, что ни один солдат не задевал их. Старый гренадер выходит из строя и говорит, передавая оружие императору: «Я взял в плен этого старшего офицера». Император выслушал гренадера, спросил его имя и затем задал вопрос: «А что сделал твой капитан?» – «Он первым вошел на третий редут». Обращаясь к капитану, император говорит: «Я назначаю тебя батальонным командиром, твои офицеры получают по кресту. Капитан, – закончил он, – скомандуй им равнение направо, и отправляйтесь все на поле чести». – «Да здравствует император!» – кричат они и быстро несутся к своему знамени.

Ночь мы провели на поле битвы, а на другой день император приказал подбирать раненых. Зрелище, которое мы увидели, привело нас в дрожь: русские ружья покрывали землю; около их громадных походных госпиталей лежали груды трупов; кучей лежали части тела, оторванные от туловища. Мюрат преследовал русских так энергично, что они сжигали всех своих раненых: мы видели их обуглившиеся тела. Вот как преступно обращаются они с солдатом.

Куанье

В два часа мы получили приказ продолжать наше движение вперед. Мы перешли речку, очевидно, Семеновку, в таком месте, где виднелись заметные следы прохода значительного отряда кавалерии. Но в то время, когда мы взбирались на холм по ту сторону оврага, нас вдруг окутала настоящая тьма

пыли. Одновременно с этим ужасный крик, вырвавшийся из тыс. грудей, покрывал собою грохот орудий, чьи снаряды врывались в наши колонны. И когда эта пыль стала рассеиваться, мы увидели, что большой центральный редут только что был взят и что французская кавалерия неслась уже на другую сторону его, непрестанно рубя русских, которые все еще бились, хотя уже отступали.

Нас поставили позади редута. Очевидно, нас предназначили поддерживать, а в случае надобности и сменить этих первых атакующих. Они выиграли дело, но какою ценою! Редут и его окрестности представляли собою зрелище, превосходившее по ужасу все, что только можно было вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укреплений – все это исчезло под искусственным холмом из мертвых и умирающих, средняя высота которого равнялась шести-восемью человекам, наваленным друг на друга. Перед моими глазами так и встает лицо одного штабного офицера, человека средних лет, лежавшего поперек русской гаубицы, с огромной зияющей раной на голове. При мне уносили генерала Огюста де Коленкура; смертельно раненный, он был обернут в кирасирский плащ, весь покрытый огромными красными пятнами. Тут лежали вперемешку пехотинцы и кирасиры, в белых и синих мундирах, саксонцы, вестфальцы, поляки. Среди последних я узнал друга, эскадронного командира Яблонского, красавца Яблонского, как его звали в Варшаве!

Брандт

7 сентября. Сигнал был дан около 7 часов, и 300 наших пушек немедленно открыли пальбу по такому же приблизительно числу русских орудий, ядра которых с не поддающимся описанию шумом и свистом бороздили наши ряды. К несчастью, в этот роковой момент начала сражения наши резервы, даже кавалерии, стояли на слишком близкой позиции и, из гордости или, скорее, чтобы не подать повода к фальшивой тревоге, не захотели отступить хотя бы на несколько сотен шагов, где бы могли укрыться и избежать бесполезных потерь. Мы были свидетелями, как тысячи храбрых всадников и крайне нужных нам лошадей гибли без всякой пользы для армии.

Стоявший влево от нас корпус вице-короля дивизией Дельзона храбро атаковал и взял укрепленную деревню Бородино. Принц Евгений не верил, чтобы атака эта кончилась успешно, и приказал только взять Бородино. Но 106-й полк, увлеченный победой, перешел вслед за русскими по мельничному мосту через ручеек Колочу и продолжал их преследовать в то время, как они поднимались на высоты укреплений деревни, закрытой длинной насыпью реданов. Скакавшие не переводя духу солдаты этого полка при подъеме на крутой косогор отделились от колонны, которая еще только переходила мост.

Генерал Плозон, заметя это расстройство и зная в то же время, что эта атака не была подготовлена и не будет поддержана, приказал 106-му полку остановиться, выстроиться и приготовиться отразить нападение русской колонны, спускавшейся к нам сверху. Генерал Плозон был в ту минуту убит. Немедленно среди его солдат произошло замешательство, которым и воспользовались русские, так что в живых остались лишь немногие из этих храбрецов.

Между тем к ним на помощь пришел 92-й полк, и Бородино осталось за нами, несмотря на все старания русских его отбить.

Как участник в этом деле, я докладывал императору о его подробностях, когда маршал Ней овладел высотами, где во всю их длину были устроены редуты, стояла артиллерия, громившая наши ряды. Маршал был прекрасен: спокойно стоял он на парапете одного из редутов и командовал сражавшимися, толпившимися у его ног и терявшими его из виду лишь в те моменты, когда его заволакивали густые клубы дыма. В нескольких шагах оттуда ядро только что сразило нашего блестящего генерала Монбрена. Принц Экмюльский продолжал отстаивать занятые им редуты, откуда неприятель старался его вытеснить. Мне было поручено передать ему грустное известие, что князь Понятовский, который, маневрируя слева, должен был обойти с польским корпусом левый фланг русских и произвести среди них замешательство, не мог этого сделать, так как встретил препятствие в слишком частом и болотистом лесу.

В эту минуту положение маршала было на самом деле критическое, так как хотя кавалерия короля Мюрата и покрывала впереди равнину и довольно удачно атаковала русскую кавалерию, но страшный огонь сыпался на его войско со стороны русской пехоты и артиллерии. Он был ранен в руку, но продолжал командовать, а его начальника штаба генерала Ромефа пуля пронзила в то время, как он говорил с нами. Смущенный тем, что приходилось брать с фронта позицию, которая по его предложению должна была быть сразу атакована с трех сторон, маршал сказал мне с досадой: «Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога».

Я поскакал к королю Мюрату, чтобы указать на затруднительное положение Даву, и тот немедленно выстроил значительную часть своей кавалерии в подкрепление дивизии генерала Фриана, которому я доставил приказ взять Семеновское. Я увидел, как моментально равнина покрылась бесчисленной кавалерией; русские, казаки, французы, союзники сплетались самым прихотливым образом, и наконец после получасового боя поле осталось за французами, которые заняли Семеновское, превращенное во время схватки в пепел.

Эту радостную весть я повез императору. Когда я подъехал к нему, он с живым интересом следил за этим зрелищем, самым поразительным в этот день. Было, вероятно, 3 часа.

Русская артиллерия продолжала наносить большие потери нашим рядам из большого центрального редута. Императору было необходимо овладеть этим редут, и соответственные приказы были посланы генералу Жерару, пехота которого стояла у подошвы возвышения, а королю Мюрату было поручено поддержать атаку Жерара многочисленным корпусом кавалерии. Генерал Беллиар, его начальник штаба, отдал приказ Коленкуру, уловив момент, когда инфантерия Жерара начнет подниматься на холм к редуту, немедленно выстроиться в колонну, имея во главе 4 кирасирских и 2 стрелковых полка, и вести колонну рысью направо, немного объехать редут как бы с намерением атаковать корпус русской кавалерии, стоявшей на равнине справа, и, дав пехоте время подняться на холм, внезапно пуститься галопом влево к входу в редут и войти туда в момент, когда Жерар будет готов напасть на парапеты; таким образом неприятель будет обойден с тылу и поставлен между двух огней.

Коленкур понял и прекрасно выполнил этот маневр, поразивший неприятеля. В мгновение ока внутренность этого огромного укрепления была заполнена кирасирами и артиллеристы неожиданно перебиты возле своих орудий кавалеристами; в то же время пехота проникла через амбразуры и парапеты.

Генерал Кутузов, считавший этот редут как бы ключом всей позиции, немедленно, чтобы нас оттуда вытеснить, велел направить на этот пункт 100 пушечных жерл, а значительная избранная колонна русских гренадер, спрятанная позади редута в овраге, полезла отбивать редут штурмом.

В эту минуту не перестававший дуть сильный ветер поднял на редуте огромный столб пыли и дыма, доходивший чуть не до облаков и в котором чуть не задохлись люди и лошади, и эта густая туча все росла благодаря ожесточенной схватке. Наконец, когда дым рассеялся, мы отбросили русскую колонну в овраг. Редут был наш. Артиллеристы лежали убитые у своих орудий; нам достались 30 пушек, так как неожиданность и быстрота натиска нашей кавалерии не дали неприятелю времени их вывезти. В плен были взяты один генерал, несколько полковников и много других военных.

Со своей стороны мы понесли тяжкую потерю в лице генерала Коленкура, убитого при нашем вступлении в редут, и многих других достойных офицеров.

Я смотрел на всю эту картину еще и глазами живописца. Очень эффектно выделялись столбы пыли и серебристого дыма. Вот осколок гранаты разбил бочонок с дегтем, которым русские смазывают оси орудий и повозок, и немедленно багровое пламя полилось по земле, извиваясь, как рассерженная змея, и поднялось вверх, сливаясь с облаками и отбрасывая на землю темные пятна. Проживи я еще 100 лет, и то никогда не забуду этой трепетной картины.

Довольный этой удачей, а также успехом генерала Фриана и других дивизий маршала Даву, император решил, что наступил момент пустить в дело всю гвардию, чтобы завершить победу. Внутренний голос нашептывал ему, что Па-

риж остался за 800 лье, что перед ним Москва. Мысль вступить в этот город с торжеством победителя, казалось, оживила его взор, и он сказал мне: «Отыщите Сорбье, пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позицию, занятую генералом Фрианом, куда вы с ним поедете; он развернет 60 орудий под прямым углом над неприятельской линией, чтобы раздавить ее с фланга, а Мюрат его поддержит. Идите».

Я мчусь галопом к горячему генералу Сорбье. Он не верит мне, едва дает мне время объясниться и нетерпеливо отвечает: «Мы должны были это сделать более часу тому назад» — и велит следовать за ним рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудий с лязгом цепей и звоном подков 2 тыс. лошадей спускается, пересекает долину, поднимается по отлогому скату, где неприятель устроил укрепления, находящиеся теперь в наших руках, и пускается галопом, чтобы занять пространство, где бы она могла развернуться.

Далеко впереди себя по равнине я вижу короля Мюрата, гарцующего на лошади среди своих стрелков, гораздо менее занятых им, чем многочисленные казаки, которые узнали его, вероятно, по султану, по его бравурности, а главное, по его короткому плащу с длинной козьей шерстью, как у них. Они рады ему, окружили его с надеждой взять и кричат: «Ура! Ура! Мюрат!» Но приблизиться к нему никто не смел, а нескольких наиболее дерзких он ловко сразил острым лезвием своей сабли. Когда я принес ему приказ, король Мюрат покинул линию стрелков, чтобы поспешить на помощь Сорбье. Его движение казаки приняли за бегство или отступление и бросились за нами. Моя лошадь, не такая быстрая, как прекрасный арабский скакун Мюрата рыжей масти, была задета мчавшимся орудием. Удар ранил и опрокинул животное, но оно встало, не выбив меня из седла, и я помчался к Сорбье, в самый пыл сражения, откуда на неприятельскую линию по всей ее длине посыпался град картечи, ядер и гранат. Тщетно неприятельская кавалерия пыталась разбить эту линию орудий. Кавалерия Мюрата сильно ей мешала своими блестящими атаками, о которых историки не преминут упомянуть.

Их укрепленная позиция, которую они считали неприступной, осталась в наших руках.

Я поехал к императору доложить о подробностях.

День клонился к вечеру. Дорогой ценой купили мы успех на всех пунктах, но не было никаких доказательств тому, чтобы и на следующий день бой не возобновился.

Когда я прибыл к императору, он уже имел время убедиться в благотворной деятельности артиллерии своей гвардии и колебался, не повторить ли ее выступление, прибавив блестящую колонну гвардейской кавалерии (чего многие из нас очень желали).

В это время к нему привели пленного русского генерал-лейтенанта. Поговорив с ним очень вежливо несколько минут, император сказал одному из свиты: «Принесите мне его шпагу». Немедленно была принесена русская шпага,

которую император любезно вручил генералу со словами: «Возвращаю вам вашу шпагу». Случайно оказалось, что это не была шпага того генерала, и он, не понимая, что было почетного в предложении императора, отказался ее принять. Удивленный такой нетактичностью генерала, Наполеон пожал плечами и, обращаясь к нам, сказал настолько громко, чтобы тот слышал: «Уведите этого глупца».

Между тем сражение, казалось, замирало; заметно стихал гул артиллерийских орудий; солнце близилось к закату.

Скоро ночь стала очень темной. Мало-помалу по той и другой линии зажглись огоньки...

В ожидании простого обеда, который должен был подкрепить наши силы, я мысленно подводил итоги всему виденному за этот день. Сравнивая это сражение с другими, бывшими при Ваграме, Эслинге, Эйлау, Фридланде, я удивлялся тому, что сегодня мы не видели, чтобы император проявлял, как раньше, ту энергию, которая решала нашу победу. Он только приехал на поле сражения и сел поблизости от своей гвардии, на холме, откуда ему все было видно и над которым пролетело много пуль.

Возвращаясь из всех своих поездок, я неизменно находил его на этом месте. Он сидел все в одной и той же позе, с помощью карманной зрительной трубы наблюдал за всеми движениями армии и с невозмутимым спокойствием отдавал свои приказания.

Мы не имели счастья видеть его таким, как прежде, когда одним своим присутствием он возбуждал бодрость сражающихся в тех пунктах, где неприятель оказывал серьезное сопротивление и успех казался сомнительным. Все мы удивлялись, не видя этого деятельного человека Маренго, Аустерлица и т.д., и т.д. Мы не знали, что Наполеон был болен и что только это не позволяло ему принять участие в великих событиях, совершавшихся на его глазах единственно в интересах его славы. Между тем татары из пределов Азии, сто северных народов, все народы Адриатики, Италии, Калабрии, народы Центральной и Южной Европы – все имели здесь своих представителей в лице отборных солдат. В этот день эти храбрецы проявили все свои силы, сражаясь за или против Наполеона; кровь 80 тыс. русских и французов лилась ради укрепления или ослабления его власти, а он с наружным спокойствием следил за кровавыми перипетиями этой ужасной трагедии.

Мы были недовольны; суждения наши были суровы.

Лежен

После битвы

С поля сражения Наполеон отправился в бивак, в котором провел предшествующую ночь. Усталый и сильно страдая от насморка, он нуждался в отдыхе и уходе. Однако и эту ночь он провел в палатке, что увеличило его недомогание, и он совершенно потерял голос. На рассвете я явился в императорский бивак, чтобы узнать новости и получить инструкции от обер-шталмейстера. Перед палаткой, занятой Наполеоном, был разведен большой костер, вокруг которого грелись дежурные офицеры. Вскоре подошел к нам погреться Неаполитанский король; он справился о здоровье императора и о том, можно ли его видеть. Несколько минут спустя явился маршал Ней. Оба героя сражения дружелюбно поздоровались друг с другом, и король сказал маршалу:

– Вчера был жаркий день, я никогда не видел сражения с таким артиллерийским огнем. При Эйлау не меньше стреляли из пушек, но то были ядра, а вчера обе армии так близко стояли друг от друга, что почти все время стреляли картечью.

– Мы не разбили яйца, – возразил маршал. – Потери неприятеля должны быть громадны, и нравственно он должен быть страшно потрясен. Его надо преследовать и воспользоваться победой.

– Он, однако, отступил в полном порядке, – заметил король.

– Просто не верил этому, – возразил маршал. – Как это могло быть после такого удара?

Тут этот интересный разговор был прерван, так как император позвал к себе маршала.

Утром Наполеон сел на лошадь и в сопровождении многочисленной свиты, среди которой был и я, отправился на поле вчерашней битвы и сделал смотр разным корпусам, так храбро на нем сражавшимся. Я заметил значительное уменьшение в составе наших батальонов, так что некоторые, на мой взгляд, не насчитывали в своих рядах и 100 человек. Эта громадная потеря не может быть приписана исключительно гибели солдат в сражении; многие из солдат были посланы подбирать раненых и относить их в госпитали, другие были отправлены добывать припасы по окрестным деревням.

Подъехав к маленькой, дотла сожженной деревне, мы увидели, что земля была сплошь покрыта убитыми; попадались целые ряды московских гвардейцев – это были полки Семеновский и Литовский, совершенно разгромленные.

Оттуда мы направились к Бородине вдоль высот, где была выстроена русская армия. Они также были покрыты трупами. Мы заметили, что по всей линии в общем на одного убитого француза приходилось трое русских, и это может дать понятие о пропорциональности потерь обеих армий, тем более что мертвых еще не успели похоронить и они лежали там, где пали. Что касается наших раненых, то под центральный госпиталь был приспособлен Колоцкий

монастырь. Этот обширный монастырь, расположенный всего в 8 верстах от поля сражения, мог вместить большое их число. С появлением на поле сражения Наполеона этот долг гуманности был исполнен и в отношении русских раненых, он сам указывал, кого из них следовало перенести, по мере того как он их находил или до него доносились их стоны. Постепенно он разослал всех офицеров своего штаба, чтобы ускорить дело и оказать этим раненым быструю помощь. Наполеон принимал в них самое горячее участие, и я видел, как его глаза не раз наполнялись слезами. Бесстрашный и спокойный во время сражения, он был гуманен и чувствителен после победы.

Солтык

Бородино, 8 сентября. Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую в грязи, истребив, несмотря на всю нашу бережливость, весь провиант до последней крохи, мы остались без продовольствия: нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кидались, чтобы избежать резни, запружена трупами, вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих. Усталые и изнуренные, мы не можем помочь им. Наконец погода, прекрасная в течение всего дня, с наступлением ночи стала сырой и холодной. Большинство полков осталось без огня, его разрешили зажечь только в полночь, когда усталым людям, умирающим от голода, не оставалось другого средства от страданий, как согреться!

Утром мы были изумлены; русская армия исчезла. Какое грустное зрелище представляло поле битвы! Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены. Армия неподвижна, она теперь больше походит на авангард. Многие солдаты отправляются в окрестности искать пропитания или дров; другие стоят на часах, а некоторые наконец заняты подачей помощи и переноской раненых. Несчастных отправляют или в Колочский монастырь, в 4 верстах от поля битвы, или в соседние дома. Но места для всех не хватает.

Часть утра Наполеон употребил на осмотр вчерашних русских позиций.

Решительно ни на одном поле сражения я не видел до сих пор такого ужасного зрелища. Куда ни посмотришь, везде трупы людей и лошадей, умирающие, стонущие и плачущие раненые, лужи крови, кучи покинутого оружия; то здесь, то там сгоревшие или разрушенные дома.

Огромная площадь трех главных редутов взрыта ядрами; на ней виднеются тела, разбросанные члены, глубокие ямы, вырытые снарядами, с погребенными на дне их трупами. Ясно видны те места, где разорвавшимся снарядом разбиты лафеты пушек, а кругом убиты все – люди и лошади. В некоторых местах битва была такой ожесточенной, что трупы нагромождены там кучами. Солда-

ты роются не только в мешках, но и в карманах убитых товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу. Говорят, что Наполеон велел переворачивать трупы офицеров, чтобы определить, чем они убиты. Почти все изранены картечью. Трудно представить себе что-нибудь ужаснее внутренних частей главного редута. Кажется, что целые взводы были разом скошены на своей позиции и покрыты землей, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же лежат канониры, изрубленные кирасирами около своих орудий; погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут.

Иногда под кучами мертвецов завалены раненые, призывов и стонов которых никто не услышал в течение ночи. С трудом извлекают некоторых из них. Одежда и оружие – все покрыто грязью и кровью; штыки согнулись от ударов по лошадям.

Пасмурное небо гармонирует с полем битвы. Идет мелкий дождь, дует резкий однообразный ветер, и тяжелые, черные тучи тянутся на горизонте. Всюду угрюмое уныние.

Не один император объезжает поле сражения: генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытством, молча бродят везде, осматривая с изумлением каждый кусочек земли. Они смотрят друг на друга, как бы изумляясь, что еще живы. Незнакомые начинают разговаривать, каждому хочется рассказать, что с ним случилось за этот день. Вокруг рассказчиков образуются кружки слушателей; разговор оживляется, и картинные рассказы несколько оживляют это унылое место.

Ложье

Я возвращаюсь к главной квартире, где мы еще находились восьмого числа. В то время как мы отдыхали, около 12 часов дня поднялась тревога: многочисленный отряд казаков, отделившись от русской армии, по ошибке приблизился к нам. Достаточно было небольшой демонстрации, чтобы заставить их повернуть обратно и рассеяться; через час после этого Наполеон сел на лошадь, сопровождаемый своим штабом, и объехал поле битвы. Я следовал за ним, и мне приходили на ум самые горькие размышления об ужасных результатах недоразумений между земными царями. Целыми линиями русские полки лежали распростерты на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг. В этих грустных местах Наполеон собирал все сведения и приказывал замечать даже номера на пуговицах мундиров, чтобы знать, какие части действовали со стороны неприятеля. Эти сведения нужны были ему для его бюллетеней. Но что его занимало больше всего, это забота о раненых. Он приказал перенести их в соседний обширный монастырь, который был обращен в госпиталь. Вслед за ним вошли мы в тот самый большой редут, взятие которо-

го стоило крови стольких славных жертв. Двое из нас не последовали за Наполеоном, это Коленкур и Канвиль; проливая слезы, они отвернулись от этого печального места, в котором лежали славные останки их братьев. Скорбь их была вполне понятна.

Боссе

При наступлении утра 8 сентября я прошелся по полю битвы; я увидел, что во многих местах трупы были навалены один на другой, текли ручьи крови; поле было все осыпано ядрами и картечью, точно градом после сильной бури; в местах, которые больше подверглись огню, особенно против нашей батареи, ядер, осколков гранат и картечи было такое множество, что можно было подумать, что находишься в плохо убранном арсенале, где разбросали кучи ядер и рассыпали картечь. Я не мог постичь, каким образом хоть один человек мог уцелеть здесь. Я еще больше удивился, подойдя к рвам: здесь была такая масса гранат, что, не видевши, невозможно себе это представить!

Признаюсь, что первая моя мысль при виде всего этого хаоса была, что я нахожусь в каком-то складе; ничего подобного я раньше не видел и не мог уверить себя, что все это произошло! Я стоял как только что проснувшийся человек, который не верит своим собственным глазам; я оплакивал несчастных раненых, которые по какому-то инстинкту забрались в эти рвы, где они хоть немного были защищены от ветра. Эти несчастные, не получая помощи, молили как милости, чтобы их прикончили. Их было такое огромное количество, что походных госпиталей не хватало; кто не мог до них дотащиться, тот оставался на поле битвы, подвергаясь опасности быть раздавленным ногами лошадей и колесами фургонов. Почти все они погибли или от ран, или же от голода. Я видел французского солдата, ему оторвало ногу ядром, но она еще немного держалась на коже, и он сам отрезал ее своей саблей, чтобы она не мешала ему поползти до какого-нибудь места, где он мог бы умереть спокойно, не рискуя быть растоптанным ногами. Он пополз до маленького костра, который зажгли мне солдаты; я велел насколько только возможно удобнее поместить его; другие раненые увидели это и также поползли ко мне. Я видел русского сержанта с двумя оторванными ногами, он говорил немного по-французски: он был пленником во Франции и присутствовал при свидании в Тильзите. Вскоре мой бивак был настолько переполнен ранеными, что мне пришлось покинуть его и искать другого убежища. Мои слуги и вестовые сердились на мою доброту и унесли с собой то небольшое количество дров, которые они разыскали, и несчастные вновь остались без всякого утешения.

Я продолжал ходить по полю битвы и осматривать позиции. Я убедился, что атака нашим левым крылом была бы невозможна и что если бы мы попы-

тались это сделать, то гибель наша была неизбежна. Пока я продолжал мой обход и делал свои наблюдения, мой повар отрезал кусок конины и приготовил мне жаркое к моему возвращению; он сварил мне еще кашу, которая должна была заменить мне хлеб. Все это я нашел очень вкусным и ел с большим аппетитом.

Вьоне де Маренгоне

Нам приказано было расположиться на этом самом месте, посреди умирающих и мертвых. У нас не было ни воды, ни дров, зато в патронницах у русских найдена была водка, каша и иная провизия. Из ружейных прикладов и обломков нескольких фургонов удалось развести огни, достаточные для того, чтобы поджарить конину – основное наше блюдо. Для варки супа приходилось снова спускаться за водой к речке Колоче. Но вот что было ужаснее всего: около каждого огня, как только блеск его начинал прорезывать мрак, собирались раненые, умирающие, и скоро их было больше, чем нас. Подобные призракам, они со всех сторон двигались в полумраке, тащились к нам, доползали до освещенных кострами кругов. Одни, страшно искалеченные, затратили на это крайнее усилие, последний остаток своих сил: они хрипели и умирали, устремив глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другие, сохранившие дуновение жизни, казались тенями мертвых! Им оказана была всякая возможная помощь не только доблестными нашими докторами, но и офицерами и солдатами. Все наши биваки превратились в походные госпитали.

Брандт

Две трети всех раненых прошли через наш госпиталь, который вся армия знала и благодаря сделанному извещению, и потому еще, что он находился близ главной квартиры. Едва только я успел окончить необходимые приготовления, как раненые стали появляться массами.

Я делал трудные операции без перерыва до поздней ночи следующего дня. Работу затрудняла очень холодная, временами туманная погода. Северные и северо-восточные ветры, дувшие весь этот месяц, были очень холодны; приближалось равноденствие. Ночью с большим трудом удавалось держать передо мной зажженную восковую свечу, в которой я, впрочем, нуждался только при наложении на кровеносные сосуды лигатуры...

Раны, полученные в этом сражении, были тяжелые, так как почти все они были причинены артиллерийским огнем, раны от ружейных пуль были получены в упор и на очень близком расстоянии. К тому же, как мы неоднократно замечали, русские пули были гораздо крупнее наших.

Большая часть артиллерийских ран требовала ампутации одного или двух

членов. В течение первых суток я сделал до 200 ампутаций. Исход их мог быть вполне благоприятным при наличии у наших раненых убежища, соломы для постелей, одеял и достаточной пищи. Всего этого мы были, к сожалению, лишены, а местности, где бы мы могли добыть нужное, были далеко.

Прежде всего недостаток перевязочных средств принудил нас оставлять больных в окрестных деревнях, в том числе и в Колочском монастыре, где их больше всего скопилось.

Пребывание кавалерии в лесном районе, занятом ранеными, истребило весь запас фуражу, и мы с большим трудом могли найти количество соломы, чтобы хотя на первые дни уложить раненых.

Небольшой запас муки, имевшийся в армии, скоро был съеден. Раненые остались при конине, картофеле и капусте, из которых им варили суп. Скоро и эта пища иссякла, а проезду наших обозов мешали казаки, наводнявшие дороги. Повсюду мы терпели недостаток в белье и корпии. Многие предметы первой необходимости, как то: хлеб, муку, пиво, медикаменты, белье для перевязок – можно было бы привезти из мест, где мы отыскивали запасы их, и высшее начальство, согласившись с моим представлением, дало соответствующий приказ. Но обыкновенно выполнение таких приказов затрудняется тем, что в том замешано слишком много чиновников. Время шло, а раненые не получали того, надеяться на что они имели полное право.

Хирурги, единственные утешители этих несчастных, вынуждены были стирать сами – или заставлять делать это при себе – белье, уже употребленное для перевязок, чтобы таким образом иметь возможность менять его ежедневно. Именно хирургам, их неутомимому труду и искусству обязана большая часть раненых своим спасением...

Ларрей

Человек тридцать, раненых более или менее тяжело, но еще способных к передвижению, предпочли во всяком случае отправиться в путь с нами. Увидев одного из этих несчастных, такого, который едва в состоянии был тащиться, я тщетно уговаривал его остаться в походном госпитале. «Не расставаясь с полком, – отвечал он мне, – я имею хоть какую-нибудь надежду спасти свою шкуру; в худшем случае я, по крайней мере, похоронен буду товарищами. Иначе, я уверен, меня все равно съедят волки, живого или мертвого».

Я чуть было не забыл одного характерного обстоятельства: три дня кряду совсем не раздавали продовольствия; приходилось жить припасами, найденными на мертвых русских. Бешеные порывы ветра неоднократно разметывали наши бивачные костры. Уже поговаривали, что эти ураганы обещают ужасную зиму.

Брандт

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ.....	5
МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА.....	7
ОТ НЕМАНА ДО БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ.....	9
ОРГАНИЗАЦИЯ И ВООРУЖЕНИЕ СТОРОН.....	12
ВООРУЖЕНИЕ АРМИЙ.....	22
КОМАНДУЮЩИЕ.....	34
СООТНОШЕНИЕ СИЛ	51
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ И РУССКАЯ ПОЗИЦИЯ	58
БОЙ ЗА ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ.....	63
ПЛАНЫ СТОРОН.....	69
НАЧАЛО СРАЖЕНИЯ. 1-й ЭТАП.....	79
СРАЖЕНИЕ В РАЗГАРЕ.....	84
ЗАВЕРШАЮЩАЯ ФАЗА БОЯ.....	103
ПОСЛЕ БОЯ.....	114
ПОТЕРИ СТОРОН.....	115
ИТОГИ И ВЫВОДЫ	118
Приложение 1	122
Приложение 2	144

Борис Юлин

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

Ответственный редактор Г. Пернавский
Художественный редактор П. Волков
Технический редактор В. Кулагина
Компьютерная верстка О. Розанова
Корректор Т. Павлова

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет» E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.07.2008. Формат 84x108 1/16.
Гарнитура «Петербург». Печать офс. Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 4000 экз. Заказ № 8612.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Бородинская битва, самое массовое и кровавое сражение Отечественной войны 1812 года, по праву считается одной из главных баталий российской истории, символом русской воинской славы. Ей посвящены сотни книг и картин, о ней писали классики русской художественной и военно-исторической литературы — от Михайловского-Данилевского и Богдановича до Лермонтова и Толстого.

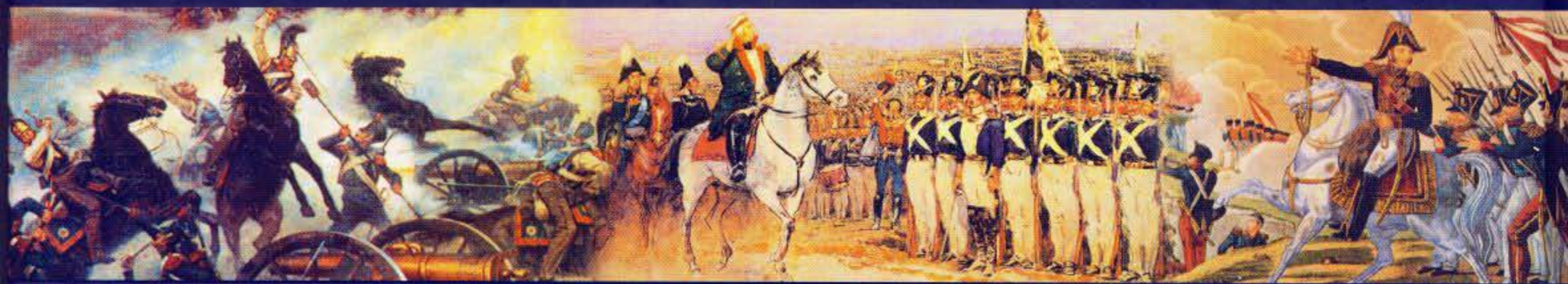
Однако споры вокруг этого сражения не стихают до сих пор.

Каково было подлинное соотношение сил при Бородине?

Какие потери понесли противники в ходе битвы?

И главное — кто же все-таки одержал победу?

Борис Юлин дает неожиданные ответы на все эти вопросы. Его новая книга — свежий, во многом сенсационный взгляд на историю Бородинского сражения. Проанализировав планы Наполеона и Кутузова и решения полководцев на поле боя, соотнес их с подлинными картами местности, характеристиками артиллерии начала XIX века и особенностями тактики сторон, автор приходит к неожиданным выводам...

ISBN 978-5-699-26647-0

9 785699 266470 >

ЭКСМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО